

love_sf

Юлия

Риа

<https://www.litlib.net/author/20868>

<https://coollib.net/a/111442>

Проданная чернокнижнику

М

меня продали человеку, которого боятся все. Никто не видел его лица, никто не знает его имени. Все зовут его просто — Мастер Чернокнижник. Чтобы вернуть свободу, мне придется пройти по самому краю: разгадать чужие тайны и сберечь свои. Но главное — не увлечься противостоянием с чернокнижником. Ведь однажды оно может перерасти в любовь

ru

Юлия

Риа

FictionBook Editor Release 2.6.6

21.3.2019

<https://www.litlib.net>

a531ed44-06e9-41be-a566-82747da9f207

1.0

litnet

0101

Юлия Риа

Проданная чернокнижнику

Глава 1

Лай гончих звучал все ближе. Крики людей — все азартнее. Даже шум ветра не мог заглушить их голоса. Я отчетливо различала проклятия в свой адрес, слышала короткие выкрики, щелчки

поводьями и понимала главное — мне не сбежать. В боку колело, в груди разрасталось пламя, выжигающее воздух на каждый вздох. Не останавливаясь, я глянула через плечо, отметила с десяток факелов, яркими точками разгоняющие мрак, и припустила изо всех сил. Не сдамся! Если продержаться еще четверть часа, можно добежать до проклятой реки. Стремительная, она известна своей непредсказуемостью — никогда не знаешь, где и когда она закрутится водоворотом. Иные смельчаки — кто на спор, а кто красуясь, — заходили в опасные воды. Одни возвращались как ни в чем не бывало. Других утягивало на дно.

Обычно проклятая река меня пугала, но сейчас я видела в ней спасение. Знала — никто из всадников не последует за мной на другой берег. А я рискну. Рискну, потому что лучше так, чем та судьба, что мне уготована.

Холодный ветер бил в лицо, хлестал по нему светлыми прядями. Пальцы, удерживающие юбку, свело судорогой — даже захоти я, не разожму. Правая нога, подвернутая, болезненно пульсировала. Но только я не позволяла себе ни замедлиться, ни осторожничать — так и бежала что есть мочи.

Шум проклятой реки я услышала издалека. Он звучал даже громче лая, громче криков и лошадиного ржания. Однако не успела я обрадоваться, как с неба упали черные тени. словно ночное полотно прорвалось, и десяток неровных лент рухнул вниз. Коснувшись земли, они зашевелились. Закачались ядовитыми змеями и раскрыли туманные капюшоны.

Меня не пропустят к реке. Не дадут сбежать.

Ну уж нет!

Не сбавляя темпа, я повернула вбок и кинулась сквозь кусты. Колючие ветки царапали ладони, дергали юбку, драли плотные чулки. В груди горело так, словно вместо медальона на шее висел раскаленный уголь.

— Вон она! Бежит в гору! Ловите!

Крики подгоняли похлеще любого кнута. Собачий лай усиливал панику.

Уклон становился круче; я дважды чуть не оступилась, но оба раза успевала ухватиться за гнутые стволы колючих архейдов. Влетев на вершину склона, я пробежала еще с пятнадцать шагов и едва успела остановиться — очертания обрыва скрадывались в ночной мгле. Ветер с силой ударил в спину. Я взмахнула руками, удерживая равновесие, выбила туфлями несколько камешков и испуганно отступила. Развернувшись в надежде скрыться, но тут на склон выскочило шесть гончих. Вытянутые морды скалились, утробный рык, вырывающийся из глоток, расходился в воздухе низкой вибрацией.

Следом за гончими появились всадники.

— Что, паршивка, добегаешь? — хмыкнул самый крупный из них. — От судьбы не скроешься.

Я отступила. Вздрогнула, услышав приглушенный шорох, с которым с обрыва покатилась каменная крошка, и остановилась.

— Вяжите ее.

Двое мужчин — совсем молодых — тут же спрыгнули на землю и шагнули ко мне. В руках одного из них зажата веревка.

Я оглянулась.

Утес за моей спиной — не проклятая река. В отличие от нее, он не знает пощады. Никто не выжил после падения.

— Не дури, — хмыкнул тот, что с веревкой. — Ты ведь знаешь, как лучше поступить. Знаю? Знаю.

Развернувшись, я решительно сиганула в пропасть. Раскинула руки и полетела грудью вперед. Глаза заслезилась от ветра, грудь стянуло страхом. Дыхание перехватило, но я и не пыталась вдохнуть. Зачем? Больше в этом нет смысла.

Что-то мелькнуло сбоку. Быстро, неуловимо. А в следующий миг меня резко спеленало туманным коконом и дернуло вверх. Нет! Я отчаянно задергалась — точно рыба, попавшая в сети. Черные ленты сжались сильнее, обездвигивая. Подняли меня к всадникам, скалящимся почище любого шакала, и поставили перед ними на колени.

Главарь уже был не в седле. Подойдя, он наклонился, до боли сжал мой подбородок шершавыми пальцами и скривился.

— Столько беготни из-за какой-то девки, — сплюнув, он оттолкнул меня и повернулся к молодым. — Вяжите крепче, чтоб не вырвалась. Пора вернуть мастеру чернокнижнику его собственность.

Глава 2

Повозку трясло на ухабах. Заведенные за спину руки стягивала веревка. Грубая, шершавая, она впивалась в кожу всякий раз, стоило дернуться. А из-за плохой дороги, дергалась я часто. Плотный мешок не позволял нормально вдохнуть. Его надели на меня сразу же, едва связали запястья. Уверились, что тесемки крепко удерживают ткань, и усадили на лошадь. Затем в седло вскочил всадник. Одной рукой он правил поводьями, другой едва ощутимо касался меня, не давая упасть. Но делал это так, будто притрагиваться к собственности чернокнижника ему было страшно. Или противно.

Чернокнижник.

Загадочный, пугающий, обросший слухами... Каждый раз, стоило затянутой в плащ фигуре появиться на улицах города, народ спешно расступался. Некоторые прятались по домам. Другие принимались лебезить, зазывая пугающего гостя в свою лавку. Еще бы! При всем ужасе перед чернокнижником, каждый из горожан знал — за товары он всегда платит сверх цены. Сердце кольнуло обидой.

Интересно, за меня чернокнижник тоже заплатил больше, чем запросил дядя?

Папин брат и его жена — тетя Шида — забрали меня к себе сразу же после смерти родителей. Семейный друг для друга мы не стали, но они дали мне крышу над головой, еду и заботу. А это уже немало.

Своих детей у них четверо, причем все мальчики. Старший из них — Товер, мой ровесник, — невзлюбил меня с первого дня. Иногда его насмешки не задевали, иногда загоняли в сарай под самую крышу. Товер порою был жесток, но я никогда не жаловалась дяде Лауру — знала, что без того многим ему обязана, и не хотела добавлять проблем.

А вот у меня проблемы множились. И с каждым годом все сильнее.

Дома Товер еще сдерживался, но вне двора давал себе волю. Я избегала его, отбивалась, когда чувствовала, что могу это сделать, и боялась названного брата все больше. С годами его взгляд становился лишь злее, опаснее — как у дикого зверя. Тело его наливалось силой. Но не той, что может защищать, а той что разрушает все, к чему прикасается.

Когда нам обоим исполнилось по пятнадцать, Товера, как и всех парней его возраста, призвали в гарнизон. Тетя Шида плакала, собирая вещи, дядя Лаур успокаивал жену и наставлял сына, младшие носились по двору, сражаясь на ветках. Я же внутренне ликовала, предвкушая три спокойных года. И они действительно оказались такими. А потом Товер вернулся.

В день, ставший для меня роковым, я отправилась в лес за папоротником. Покинула город, перешла гнутый мост-луку и нырнула в ласковую тень деревьев. Осеннее солнце пригревало по-летнему тепло, ветер играл в кронах, иногда срывая и кружа пожелтевшие листья. Все вокруг дышало умиротворением и спокойствием. Но только у меня на сердце спокойствия не было. Я часто озиралась, вздрагивала на любой резкий звук и опасливо поглядывала через плечо.

Товера и его дружков я заметила почти сразу. Не думая, отбросила корзину с собранным папоротником, и побежала. Возможно, будь Товер один, я бы попыталась одолеть его. Но их трое. Трое рослых широкоплечих мужчин, и я им точно не соперница.

Меня нагнали быстро. Схватили и принялись толкать один другому, будто играя. Снова и снова, и снова — пока голова не закружилась, а сердце от страха не забилося где-то в горле. Я вырывалась, пыталась отбиваться, но все впустую. Когда жуткая карусель остановилась, я оказалась в руках Товера. Заглянула ему в глаза и внутренне содрогнулась, увидев в них звериный голод.

Товер ухмыльнулся. С силой впечатал меня в шершавый ствол дерева и впился губами в мой рот. Сильные руки дернули ворот платья, с треском порвали его. Я задержалась, точно птица в силках — отчаянно и сильно. Даже сейчас, пойманная, я не собиралась сдаваться. Смазанное движение я заметила краем глаза, а в следующий миг Товер отлетел. Его друг — тот, что всего несколько минут назад гоготал над моими попытками высвободиться — кинулся на Товера с кулаками. Следом за ним в драку влез третий парень. Они сцепились, будто звери. Рычали, били друг друга наотмашь, промахивались, словно ослепленные яростью, и били снова. Оторопь недолго держала меня в тисках. Едва поняв, что обо мне забыли, я побежала обратно. Не оглядываясь, не думая, что произошло, и почему приятели сцепились. Против обыкновения, я решила рассказать о случившемся дяде Лауру. В этот раз мне повезло, но кто знает, не захочет ли Товер довершить начатое? Я боялась.

Однако дома дяди не оказалось. Тетя Шида, занятая младшими, слушать меня отказалась. А потом домой вернулся сам Товер. Злой, с разбитым лицом, хромающий. Он тоже решил не молчать. Вот только рассказал Товер не о гнусности, которую едва не совершил — вместо этого он обвинил меня в шельмовстве. Будто это я подговорила его друзей напасть на него. Тетя Шида поверила сыну. Следом за ней — дядя Лаур. Мне же не поверил никто. И даже рванный ворот платья не помог отстоять правду.

На следующий день дядя Лаур подошел ко мне и сухо бросил, что продал меня чернокнижнику. Помню, когда страшная фраза только прозвучала, я не поверила в ее правдивость. Ну не мог дядя так со мной поступить! Не мог! Пусть дочерью ему я не стала, но работала честно, да и тете Шиде помогала исправно. Не гуляла, не роптала — да что там! Два года назад дядя даже обмолвился, что начал приглядывать мне жениха. А теперь такое... Продал? Как невольницу? Но разве такое возможно?

Как оказалось, да. Если бы только я успела выйти замуж, у дяди не осталось бы надо мной власти. Но пока я живу в его доме, ем его хлеб, я принадлежу ему. Приемная, принятая, чужая... Он мог меня продать. И он это сделал.

Вернувшись к границе города, — я поняла это по цокоту копыт о каменный мост, — всадники остановились. Сняли меня с седла и заставили забраться в крытую повозку. Ветер в ней ощущался слабее, но звуки доносились отчетливо. Повозка качнулась, когда кто-то забрался на облучок. Щелкнули поводья, и мы тронулись. Ехали быстро, словно мужчины торопились закончить работу — доставить чернокнижнику его собственность и получить обещанную плату. Теневое поместье находилось в нескольких часах езды на север. Это я знала от дяди Лаура, а тот от своего приятеля, что ходит обозами до самой столицы. Само поместье мало кто видел — оно стоит вдалеке от основного пути, а сворачивать на дорогу, ведущую в угодыя чернокнижника, храбрецов не находилось. Правда, поговаривают, что видели слуг, работающих там. Все как один мрачные, молчаливые. Все глядят искоса, хмуро — словно и неживые вовсе. Слухи ходят о Теновом поместье, о его слугах, но больше всего слухов ходит о самом чернокнижнике. Его лицо всегда скрывает капюшон, надвинутый так низко, что и очертаний подбородка не углядишь. Руки его всегда, даже в самый нестерпимый зной, затянuty в перчатки. Его кожи не видел никто — будто и нет ее вовсе, а одежды держат бесплотные тени. Некоторые из горожан верят, что тело чернокнижника обезображено шрамами. Другие — что оно обожжено как головешка. Кто-то шепчется, будто под капюшоном сокрыто не лицо, а волчья пасть. Кто-то говорит, что там лишь голый череп... Слишком много слухов, чтобы понять — кто он, человек, купивший меня? И что он намеревается делать?

Мысли затянули настолько, что я потеряла счет времени. В себя пришла, лишь когда повозка дернулась, останавливаясь. Еще через мгновение раздалось взволнованное:

— Мастер чернокнижник, заказ выполнен. Куда прикажете поместить вашу собственность?

— Никуда, я сам ей займусь, — раздался холодный ответ.

Всадники уехали. Повозка, судя по скрипу колес, тоже. Вокруг было тихо. Не стрекотали сверчки, не лаяли собаки, даже ветер — и тот успокоился. Казалось, сама природа боялась чернокнижника и не смела нарушить молчание его поместья. Стало неудобно. В груди пойманной птицей забился страх. Хотелось сорваться с места и кинуться прочь — неважно куда, лишь бы подальше отсюда. Но я знала: поддаваться малодушию глупо. Со связанными руками и мешком на голове далеко не убежишь. Особенно от того, кому подчиняется сама тьма. Чернокнижник молчал. Его будто и не было тут больше, но я знала — он здесь. Чувствовала его внимательный взгляд и изо всех сил старалась казаться невозмутимой. Если жизнь с названными братьями меня чему и научила, так это тому, что слабости нужно скрывать.

Шорох гравия показался оглушающим в предрассветной тишине. Я невольно вздрогнула и отступила. Ненадолго, всего на полшага, но по раздавшейся усмешке поняла: мое движение не осталось незамеченным. Я разозлилась. Не на чернокнижника — на себя. За то, что не сдержалась, что позволила ему увидеть мое беспокойство.

Он остановился совсем рядом. Нос защекотало терпкими ароматами жженого дерева, дыма, серы. Вновь захотелось отстраниться или хотя бы задержать дыхание, но на этот раз я убила порыв. Вздернула подбородок и посмотрела вверх. Не на небо — на чернокнижника. Сердце в груди билось взволнованно, часто. Смущение от столь близкого присутствия мужчины, злость на себя, упрямство, робость — эмоции переплелись, словно колосья в тугом снопе. Щеки горели, и сейчас, впервые за прошедшие часы, я обрадовалась, что никто не видит моего лица. Движение чернокнижника я ощутила раньше, чем почувствовала прикосновение к мешку на голове. Застыла напряженно и даже дышать перестала. Три коротких слова прозвучали еле слышно. А едва последнее из них сорвалось с чужих губ, мешок истлел — осыпался на плечи холодным пеплом. Ветер подхватил неровные кусочки, кинул их мне в лицо, заставив зажмуриться, и, будто извиняясь, ласково огладил по волосам. Но я не разозлилась — напротив, обрадовалась возможности закрыть глаза. Однако в памяти все равно успел отпечататься образ высокого мужчины, затянутого в плащ. И клубящейся тьмы под его капюшоном.

Чернокнижник хмыкнул. Еще несколько секунд молчал, потом заговорил:

— Куда ты надеялась сбежать? Особенно с этим, — моего запястья коснулась ладонь, затянутая в перчатку.

Я дернулась от неожиданности, попыталась разорвать прикосновение, но чернокнижник не позволил — усилил захват и будто в насмешку провел большим пальцем над тем местом, где ощутимо пульсировала печать собственности.

Она отличалась от тех, что ставили обычным невольницам. Их рисунки были мертвыми, неподвижными. Мой же шевелился, словно под кожей жила сама тьма. Играя, она то обвивала руку браслетом, то стягивалась узором под монограммой. Четыре буквы — «Х», «Ч», «С» и «А» — переплелись так плотно, что и не понять, в какой последовательности их читать. Хотя, даже угадай я правильный порядок, — это все равно ничего бы не дало. Имени чернокнижника не знал никто.

— Не советую сбегать от меня. Иначе причиненное зло будет на твоей совести.

Я нахмурилась.

Зло? О чем он?

Спросить, однако, не успела. Отпустив мою руку, чернокнижник развернулся и решительно зашагал к дому. Невольно я засмотрелась. Пусть плащ скрывал его лицо и тело, но скрыть разворот плеч он оказался не в силах. В темной фигуре чувствовалась не просто сила — величие. Мощь, которая одновременно пугала и завораживала. К ней хотелось прикоснуться, но вместе с тем — держаться от нее как можно дальше.

Внезапно чернокнижник обернулся. Я не видела его лица, но не сомневалась — он снова ухмыльнулся. Холодно, надменно, явно чувствуя мои растерянность и недоверие. А потом сделал пасс рукой, и мир начал стремительно темнеть. Без того не спешащий заняться рассвет скрыла непроглядная мгла. Стало жутко. Давний страх, преследующий меня с детства, нырнул под кожу, как мальчишка в лесное озеро — с разбегу, без предупреждения. Плюхнулся, поднимая столп ледяных брызг, и засмеялся. Вот только во мне этот смех отдался новой волной дрожи.

Чернокнижник не проронил ни слова, даже не шелохнулся. Так и стоял, не сводя с меня пристального взгляда, и будто чего-то ждал. Словно хотел выяснить, что во мне сильнее: упрямство или осторожность. Я тоже не шевелилась. Всматривалась в темный зев капюшона и

пыталась различить среди шевелящейся тьмы очертания лица. В какой-то момент даже показалось, что я увидела жесткую линию подбородка и плотно сжатые губы, но вдруг чернокнижник отвернулся.

Тьма вокруг нас уплотнилась. Окружающий мир превратился в коридор, безжизненный и мрачный, и единственным проводником остался чернокнижник. Не думая, я кинулась следом. Нагнала в несколько шагов, и угрюмо уставилась под ноги, едва заслышав очередную усмешку. Переступив порог, мы миновали холл, поднялись на три этажа и два раза повернули прежде чем остановиться у двери. Чернокнижник не позволил увидеть его дом — сокрыл его плотным коконом тьмы и провел по нему, будто слепую.

— Жди здесь, — распорядился он, жестом указывая мне в открывшуюся комнату.

Стоило переступить порог, дверь закрылась, а наведенная мгла растаяла. Я огляделась.

Отметила большую кровать под тяжелым одеялом, пяток подушек, аккуратно сложенных сверху; два кресла у занавешенного окна, комод, ширму и небольшую умывальную за ней. Это точно не были покои высокородных, о которых так любили шептаться девицы у фонтанов в парках. Но и не крохотные спаленки в городских домах с окраины, как у дяди Лаура. Я дошла до окна, отодвинула бархатную портьеру и с мрачным удовлетворением вернула ее на место. Какой бы ни открывался вид из этой комнаты, его надежно скрыла наведенная тьма. Все ящики в комодке оказались пусты. Под кроватью тоже не нашлось ничего, что могло бы дать ответ на главный вопрос — зачем я понадобилась чернокнижнику?

Я обошла комнату на два круга и заглянула всюду, куда только можно. Собралась было придвинуть кресло к окну и изучить высокий карниз, но вдруг дверь открылась, и в комнату вошел чернокнижник.

— Раздевайся, — приказал он не терпящим возражения тоном.

Глава 4

Я замерла. Пальцы непроизвольно стиснули пуговицы на блузе, ровным рядом бегущие от воротника к середине груди. Чернокнижник не Товер — если он решит идти до конца, мне не отбиться. И никакие гарнизоновцы, вздумавшие затеять драку, не помогут.

Чернокнижник тряхнул капюшоном. В несколько шагов пересек комнату и опустился в кресло.

— Ты плохо расслышала? Я сказал: «раздевайся».

— Зачем?

— Так положено. Я возьму тебя против воли, сердце и печень вырежу, кровью окроплю стены башни, останки сожгу. В общем, все как всегда.

Чернокнижник говорил расслабленно, буднично, но я чувствовала — он насмехается. Надо мной, над моими страхами, над ходящими о нем слухами. Холодная надменность звучала в каждом слове. И меня она злила.

— Что ж, раз так положено...

Еще не договорив, я принялась расстегивать пуговицы, которые только что отчаянно сжимала. Гнев закипал в груди, словно оставленное на огне молоко. Последние два дня выдались самыми отвратительными за всю мою жизнь. Низость Товера, предательство дяди, страх погони, готовность на самое страшное... и все ради чего? Чтобы один чернокнижник потешался надо мной?! Даже у невольниц есть гордость! И особенно сильна она у тех, кто еще два дня назад наслаждался свободой.

Громкий смех раздался неожиданно. словно ушат ледяной воды, он отрезвил. Заставил замереть и стянуть готовые разойтись края блузы.

— Против воли, Эвелин, положено брать деву, а не чернокнижника, — заметил мужчина, отсмеявшись.

Я молчала, опасаясь не справиться с гневом и наговорить лишнего. Пальцы, удерживающие расстегнутый ворот, подрагивали. Хозяин поместья тоже не спешил заговаривать. Может, чего-то ждал. А может, следил за мной, как старый аптекарь за подмастерьем, которому впервые доверил смешать микстуру.

— Какие бы глупости ты ни думала, — наконец произнес он, — меня они не интересуют. Все, что от тебя требуется — беспрекословно выполнять мои приказы. Уверяю, твоей чести они не запятнают.

Я недовольно повела плечом.

— К обеду уже весь город будет знать, что меня продали. От моей чести не останется ничего.

— Только если ты сама так решишь. Сплетни, Эвелин, имеют привычку забываться. Или порождать новые.

Гнев отступил. На смену ему пришел интерес. Уже второй раз чернокнижник назвал меня по имени. Причем сделал это так естественно, будто мы давно знакомы. Однако стоило мне открыть рот, намереваясь спросить об этом, как чернокнижник вновь заговорил:

— Не стоит проверять границы моего терпения. Уверяю, тебе не понравится, что лежит по другую сторону. Раздевайся. До нижней сорочки.

Еще секунду я медлила, потом кивнула и принялась расстегивать оставшиеся пуговицы.

Напоминание самой себе, что отныне в глазах всех я порченная, странным образом успокоило. Словам чернокнижника я верила. А может, просто понимала, что захоти он действительно что-то сделать, непременно этого добьется. К тому же, если продолжать артачиться, он не утратит бдительности. А я надеялась, что рано или поздно это произойдет. Тогда я сбегу.

Земли Эйхара обширны, и в каждом их уголке чтят законы. Оставаться здесь опасно — если меня поймут, сразу же вернут хозяину. Но если покинуть Эйхар, добраться до свободного края — Нортейна — то никто и никогда не сможет назвать меня собственностью.

Пока голова была занята мыслями, пальцы закончили с пуговицами. Юбка с тихим шорохом упала к ногам. Блузку я стянула через голову и тоже бросила на пол. Выпрямилась и посмотрела на чернокнижника. Точнее, немного выше. Даже не видя его лица, я чувствовала смущение, стоя перед ним почти нагой.

— Я же сказал, оставить только сорочку. Чулки тоже снимай.

Я кивнула. Хотела приняться за туфли и даже попыталась поднять левую ногу, но опереться на правую, подвернутую, не смогла. Огляделась растерянno и прошла к свободному креслу.

Справиться с обувью оказалось несложно, снять левый чулок тоже. С правым так ловко не вышло. Я спустила плотную ткань до самой щиколотки, попробовала перекачать образовавшуюся гармошку через пятку и едва успела закусить губу, сдерживая стон.

— Покажи, — потребовал чернокнижник.

Подался вперед и, не обращая внимания на заверения, что справлюсь сама, коснулся моей ноги. Я задержала дыхание. Смотрела на мощную фигуру, на склонившийся капюшон и боролась с мальчишеским желанием дернуть тяжелую ткань. Одним движением развять десятки слухов и сплетен, узнать правду. Кончики пальцев закололо от нетерпения. Пришлось закусить губу и отвернуться, лишь бы сдержать опасный порыв.

Чернокнижник ощупал мое колено, медленно провел рукой вниз, мягко надавливая, остановился у собранного чулка. Холодная гладкость его перчаток рождала на коже волны мурашек, заставляла все во мне испуганно замирать. Большим пальцем он обвел щиколотку, к чему-то примерился, а потом с силой сжал. Не сдержавшись, я вскрикнула. Дернулась и неосознанно ухватила за широкие плечи.

По ноге разлился холод. Стремительно, яростно, словно воды горной реки. В ее потоках боль превратилась в тонкую ветку, которую подхватило и унесло течением. Затем схлынул и холод. Не скрывая облегчения, я шумно выдохнула. Уронила голову себе на ладонь и прикрыла веки. На секунду, всего на мгновение — пока не ощутила запах жженого дерева. А ощутив, испуганно отпрянула.

Из-под капюшона вновь послышалась усмешка. Чернокнижник отпустил мою ногу и вернулся в кресло.

— До сорочки, — напомнил он. — Я жду.

Глядя в пол и изо всех сил стараясь побороть смущение, я стянула чулок. Потом, повинувшись жесту, встала, отошла на два шага. Медленно обернулась, позволяя рассмотреть меня со всех сторон, и застыла, стоило чернокнижнику того потребовать. Он вновь приблизился. Коснулся моего левого плеча, где от давно перенесенной красной лихорадки остался алый струп, накрыл его облаком тьмы, будто на что-то проверяя. Потом довольно кивнул и вышел.

Я растерянno посмотрела на хлопнувшуюся дверь. Что это было? Что его так заинтересовало в обычной отметине на коже?

Под сердцем разлилась обида.

Неужели ради такой мелочи меня купили? Лишили свободы? Будущего? Даже если однажды он наиграется и отпустит, моя жизнь не станет прежней. Никто не захочет быть с порченной.

Печать собственности не исчезает бесследно — она выпцвцетает, как старая картина, пролежавшая годы на солнце. Станет не понять, кому я принадлежала, но то, что тело мое было продано, не скроешь. Сбежать в земли Нортейна — единственный шанс вернуть не только свободу, но и будущее.

Звук открывающейся двери вырвал меня из раздумий. Повернувшись, я почти без страха заглянула в темный зев капюшона. Дождалась, когда мужчина приблизится, и с удивлением услышала новый приказ:

— Надевай.

Я посмотрела на затянутые в перчатки руки. Они держали вовсе не одежду — на черной коже лежало изящное кольцо с большим кроваво-алым камнем.

Глава 5

Чернокнижник не торопил. Я чувствовала его нетерпение и растущее недовольство, но откуда-то знала — он не станет надевать кольцо силой. Ему важно, чтобы я сделала это по собственной воле, подчинилась.

— Что это за кольцо? — спросила с опаской.

— Моя разработка. Не переживай, оно не навредит тебе.

— Для чего оно?

— Если сработает, со временем сама поймешь.

— А если не сработает?

— Тогда ты поймешь это еще раньше.

Тьма скрывала лицо чернокнижника, но почему-то я была уверена — он улыбается. Не дружески. Скорее, снисходительно, вновь потешаясь.

Я разозлилась. Проглотила вопрос, готовый сорваться с языка, и гневно прищурилась.

Несколько секунд мы мерились взглядами: его требовательный против моего упрямого. Тьма под капюшоном забурлила сильнее. Теперь она походила на воды проклятой реки — еще секунда, и утянет на самое дно. Несколько часов назад я была готова рискнуть, теперь же риск казался неоправданным.

Шумно выдохнув, я отвернулась. Взяла кольцо и надела на указательный палец. Стоило холодному ободку коснуться моей кожи, камень вспыхнул. Причем так ярко, что я зажмурилась. Когда же посмотрела на него вновь, он выглядел обычным.

— Получилось?

Я перевела взгляд на чернокнижника. Тот с ответом не спешил. Смотрел на кольцо и будто чего-то ждал.

— Выясним к обеду, — произнес он спустя минуту молчания. — Пока отдыхай. И приведи себя в порядок. Не терплю неаккуратности. Одежду тебе оставят за дверью. Ты поймешь, когда. Дождавшись моего кивка, он вышел. Я же вернулась к брошенным на полу вещам, подняла их и хмуро оглядела. Грязь, вырванные клочки ткани, зацепившийся репей... Будет сложно вернуть им прежний вид, особенно юбке. Но именно эта вещь дорога мне больше всего. Она ведь мамина. Единственная, оставшаяся на память.

Поняв, что дядя не шутит насчет сделки с чернокнижником, я ушла к себе. Оттуда через окно выбралась на задний двор, прокралась к проулку, держась холодной стены, и припустила что есть сил. Дядя дал мне полчаса на сборы. Для меня же эти полчаса стали форой. Слишком короткой, чтобы успеть взять с собой хоть что-то. Но по счастью, самые дорогие вещи были на мне: юбка мамы и медальон отца.

Я прикоснулась рукой к теплему, нагретому моей кожей кругляшу под сорочкой. Не знаю, заметил ли чернокнижник тонкую серебряную цепочку, но я рада, что он не потребовал ее снять.

Сложив перепачканные вещи стопкой и поставив рядом разношенные туфли, я заглянула за ширму. На высоком резном столике нашлась большая мутно-белая чаша. Чуть правее — кувшин с узким горлышком и два полотенца. А еще дальше стояло ростовое зеркало. В него я глянула лишь мельком, и без того зная, что после пережитого мало похожу на красавицу. Грязь пришлось смывать долго. Поначалу я расходовала воду осторожно, все опасаясь истратить ее слишком быстро. Но потом с удивлением поняла, что сколько бы я ни выливала из кувшина, он не пустеет. Тогда я осмелела.

Стук в дверь застал меня за попыткой дотянуться мокрым полотенцем до середины спины. Было бы оно хоть немного длиннее, трудностей бы не возникло. Но чернокнижник, специально или нет, оставил лишь маленькие.

Я выглянула из-за ширмы. Удостоверилась, что никто войти не собирается, и вернулась к прежнему занятию. Лишь спустя добрую четверть часа я закончила приводить себя в порядок и с опаской выглянула за дверь. Весь коридор скрывала наведенная тьма. Густая, вязкая как кисель, она разлилась от пола до потолка, оставляя нетронутым лишь небольшой пятачок возле порога. Там и лежал пухлый сверток. Подняв его, я вернулась в комнату. Пока шла, разглядывала веревку из плотно скрученных белых и зеленых нитей.

Странно, кажется, именно эти цвета использует мастер Эсбен, хозяин лучшего ателье в городе. Говорят, только ему позволено шить одежду высокородным. Интересно, а чернокнижник тоже из них? Или для него мастер Эсбен сделал исключение? Впрочем, будь оно так, я бы не удивилась. Никто не знает ни имени, ни происхождения чернокнижника. Но то, что он богат, знают все.

Развернув вошеную бумагу, я достала и разложила на кровати вещи. Белую блузу с вытянутыми манжетами и кружевным воротом. Строгую прямую юбку темно-серого цвета. Нижнюю сорочку, чулки, туфли. Одежда выглядела просто, но при этом не походила на ту, что я привыкла носить. Что-то в ней отличалось... Но что? Еще раз коснувшись сорочки, я наконец поняла — ткани. Мягкие, приятные на ощупь, такие, что хочется немедленно ощутить их на коже.

Я нахмурилась и снова посмотрела на витой шнурок. Неужели, все-таки работа мастера Эсбена? Но откуда? Вряд ли бы чернокнижник стал так тратиться ради невольницы. Выходит?..

Догадка вспыхнула в сознании, словно молния в ночи.

В поместье живет еще одна женщина. И судя по всему, именно ее оберегает чернокнижник, скрывая ото всех тьмой.

Однако вместо радости, что тайна раскрылась, я ощутила тоску. Обо мне никто не заботился с таким трепетом. По крайней мере, после смерти родителей. С годами я почти забыла, каково это — чувствовать себя любимой. Надеюсь, вернув свободу, я верну и ощущение значимости в чьей-то жизни.

Аккуратно разложив новые вещи в комоде, я сменила сорочку и забралась в постель. Стоило голове коснуться подушки, глаза тут же закрылись.

Не знаю, сколько я проспала. Проснувшись от сильной боли. Рывком села, замотала головой, пытаюсь понять, что происходит. И закричала, едва боль стала нестерпимой. Почти в тот же миг дверь с грохотом распахнулась. Чернокнижник приблизился, сдернул с меня одеяло и схватил за руку. Ту самую, на указательном пальце которой сидело кольцо. Алый камень пульсировал светом, будто внутри него ярилось самое настоящее пламя.

Глава 6

Чернокнижнику хватило секунды, чтобы оценить происходящее. Он укутал мою руку плотным коконом тьмы и приказал:

— Терпи. Сейчас станет легче.

Я кусала губы, изо всех сил пытаюсь сдержать слезы. Отвернулась и уставилась невидящим взглядом на скомканное одеяло. От кокона шел холод. Почти такой же, как тот, которым

чернокнижник избавил меня от боли в ноге. Вот только в прошлый раз я испытала благодарность, а сейчас — злость.

— Вы говорили, кольцо не навредит мне, — процедила глухо.

— Фактически, оно и не навредило. Ты в порядке.

Рывком повернувшись, я заглянула во тьму капюшона.

— Не навредило?! Оно едва не оплавилось на моей руке!

Вместо ответа мужчина накрыл мою ладонь своей. Прошел сквозь кокон и сжал пальцы. Я застыла, ощущая то, чего не могла — прикосновение кожи. Не перчаточной, человеческой. Я чувствовала ее тепло и шершавость подушечек. То, как они скользнули к кольцу, как ощупали его, задевая мои пальцы, и как одним уверенным движением стянули опасное украшение.

— Не оплавилось. Видишь?

Чернокнижник ухмыльнулся и кивком головы указал на свою ладонь, на которой алел успокоившийся камень. Однако я смотрела не на него — на перчатку. Неужели то прикосновение мне почудилось? Нет, такое не спутать. Но тогда как?..

Все еще растерянная, я кивнула и подняла взгляд.

— Спи, Эвелин. Теперь тебя ничто не потревожит.

Мужчина поднялся с кровати и зашагал к двери.

— Постойте! — окликнула я. Дождалась, когда он обернется, и спросила: — Что особенного в отметине после красной лихорадке?

— Ничего. Просто хотел убедиться, что ты переболела давно.

В груди разлилось разочарование. Уголки губ невольно опустились. Меня проверяли, как скот: новая особь не должна заразить старых.

— Зачем я вам? — спросила глухо

— Разве это имеет значение?

— Для меня — да. Почему именно я? Зачем было лишать меня свободы? Будущего? Я ведь...

— Думаешь, я лишил тебя будущего? А вдруг именно я его тебе дам?

— Что? Но... вы же... я... у вас ведь нет ко мне интереса... как к женщине, — добавила, переборов смущение.

Он усмехнулся.

— Если мужчина говорит о женщине и ее будущем, уверяю, далеко не всегда он подразумевает семью. Иногда интересы двух людей могут совпадать, пусть даже один из них об этом не догадывается. Отдыхай, Эвелин. Силы тебе понадобятся.

Сказав это, чернокнижник вышел. Я же хмуро уставилась на дверь.

Наши интересы совпадают? Вот уж сомневаюсь! Я никогда не мечтала стать невольницей и обзавестись печатью на запястье! Взгляд метнулся вниз — к живой тьме, что сейчас вырисовывала под монограммой диковинный цветок. Она появилась почти сразу после дядиной сделки. Помню, я вскрикнула, когда внезапно запястье обожгло будто кипятком. Испуганно стиснула пострадавшее место пальцами и ощутила упругую пульсацию — это тьма разливалась под кожей.

Дядя тогда стоял рядом. Молча наблюдал, как тьма вырисовывает монограмму, а когда рисунок замер, вымолвил лишь одно слово: «Собирайся». Оно же стало последним, что я услышала в доме, в котором прожила тринадцать лет.

Я тряхнула головой. Чернокнижник ошибается — наши интересы не могут совпадать. При первой возможности, я сбегу. Но прежде, надеюсь, смогу выяснить, что же толкнуло его на эту сделку.

Как и обещал хозяин поместья, меня никто не потревожил. Я проснулась, чувствуя в теле приятную расслабленность. Даже удивительно, если учитывать, какой непростой выдалась ночь. Интересно, сколько сейчас времени?

Часов в комнате не нашлось; за окном по-прежнему вилась наведенная тьма. Поместье словно находилось в каком-то другом мире, где не существовало ни солнечного света, ни смены дня и ночи.

Достав из комода вещи, я оделась, расчесалась и замерла, не зная, что делать дальше. Будто вызвавшись дать подсказку, живот громко заурчал. Его голодные трели напомнили, что последний раз я ела сутки назад, а то и больше. В обед. На ужин я тогда не успела — дядя огорошил новостью раньше. Потом же было не до еды.

Я подошла к двери, открыла ее и нерешительно выглянула в укрытый тьмой коридор. — Мастер чернокнижник? — позвала вполголоса. И чуть громче: — Есть кто-нибудь? Ответа не последовало. Я выждала еще несколько секунд, после чего закрыла дверь. Снова оглядела комнату, надеясь придумать, как скоротать время в ожидании чернокнижника. Вдруг он явится только через час? Или даже через два? Стоило об этом подумать, как живот заурчал еще требовательнее.

Я вздохнула. Бросила беглый взгляд на дверь и решилась. Взяв с прикроватной тумбы масляную лампу, вышла в коридор. Едва комната осталась за спиной, тьма недовольно забурлила. Вспенилась, словно волны, и обрушилась на стеклянную колбу. Однако, что удивительно, свет не потух.

Восприняв это за добрый знак, я уже без прежнего страха принялась вертеть головой. Интересно, в какой стороне кухня? По дороге сюда мы поднялись три раза. Получается, это третий этаж? Или один был промежуточным, где обычно располагаются рабочие комнаты? Мне не доводилось бывать в поместьях. А девицы у фонтанов шептали всякие небылицы, больше красуясь друг перед другом, чем делясь важной информацией. Так одна из них уверяла, что принимает ухаживания от высокородного, у которого в имении не меньше дюжины залов и добрый пяток кухонь. Выдумщица!

Я растерянно посмотрела сначала в одну сторону, потом в другую. Но везде была лишь тьма. Немного подумав, я все же решила пройти дорогой, которой меня привел чернокнижник. Может, если выйти на улицу, станет понятно, куда идти? Мелькнувшую мысль о побеге я отмела. Один раз я уже решила сделать это без подготовки, и меня легко поймали. Второй раз я похожей ошибки не совершу.

Идти приходилось медленно, слепо шаря руками перед собой. Приземистые каблуки касались пола почти бесшумно. Наверное, коридоры в Теневом поместье выстланы коврами дорожками. А может, звуки глушит наведенная тьма. Оказавшись у лестницы, я нащупала перила и осторожно, чтобы не оступиться и не полететь носом вниз, начала спуск.

Первый пролет. Второй.

Пальцы подрагивали от волнения. Сердце стучало взволнованно и быстро. Казалось, застучи оно еще быстрее — и точно выпрыгнет из груди.

Когда последняя ступенька осталась позади, я остановилась. Медленно выдохнула, пытаюсь успокоиться, и снова огляделась. На редкость бессмысленное занятие в крошечной тьме! Но как понять, куда идти дальше? Ответа не было. Немного подумав, я забрала правее. Сделала добрый десяток шагов... и врезалась ладонью в угол стены.

Я нахмурилась. Разве по пути с улицы мы миновали так много коридоров? Или я просто не запомнила? Проклятье! Бросив растерянный взгляд назад, я все же решилась продолжить путь. Еще шагов через десять щеки коснулось дуновение ветра. Все во мне встрепенулось, отзываясь. Ноги сами понесли быстрее.

Это выход! Должен быть выход!

Тьма впереди медленно рассеивалась, я даже увидела полоску света у самого пола. Еще два шага, и пальцы сомкнулись на дверной ручке. Дыхание перехватило. Кажется, даже сердце напряженно замерло, когда я осторожно, стараясь не издавать лишних звуков, повернула ее. Толкнула и зажмурилась, спасая глаза от света — слишком яркого после затяжной темноты.

— Кто ты?

Голос прозвучал удивленно, но мягко, не враждебно. И все же я вздрогнула. Испуганно распахнула веки, моргнула несколько раз, привыкая к свету, и встретила взглядом с молодой женщиной. По возрасту старше меня на год-два, красивая... Очень красивая.

Темные волосы тугими кольцами спадают почти до пояса. Белоснежная кожа; тонкие пальцы, унизанные изящными кольцами. Большие серые глаза, чуть вздернутый нос и пухлые, идеально очерченные губы. Святые небеса, да она даст фору всем красавицам Айдерона вместе взятым!

— Ты... как я? — в ее взгляде мелькнула догадка, уголки рта приподнялись в улыбке. Но почти тут же опустились, когда она посмотрела ниже, на мою юбку. — Он еще не сломал тебя, — произнесла она тише.

Ее пальцы, покоящиеся поверх укрытых пледом колен, дрогнули. Я посмотрела сначала на них, потом на кресло, в котором сидела незнакомка. Вместо ножек у него были два больших колеса по бокам и одно, поменьше, сзади. Сердце кольнула страшная догадка.

Глава 7

Комната незнакомки была огромна. Тканые обои нежно-персикового цвета, большие стеклянные двери, сейчас открытые, вели в сад. Густые кусты шумели под порывами ветра, но не обиженно, а будто перешептываясь. В отличие от всего поместья, здесь тьмы не было. Наоборот, свет укутывал комнату, словно мать — заснувшее дитя. Нежно, заботливо, с любовью. Длинные лучи скользили по отполированной мебели, пускали блики.

Белоснежные шторы, легкие как перышко, взлетали, стоило ветру подуть сильнее. Мир жил, дышал в этом месте. И только незнакомка, катившая ко мне кресло, выглядела почти неживой. С каждой секундой я видела это все отчетливее. Теперь даже ее красота казалась застывшей. Чарующей, но вместе с тем наводящей грусть — как у срезанной розы, что уже начала терять первые лепестки.

— Я Айрис, — она остановила кресло рядом со мной и совсем по-мужски протянула руку.

— Эвелин.

Айрис едва заметно улыбнулась, глядя с какой осторожностью я пожимаю ее пальцы.

— Я не рассыплюсь. Пожалуйста, проходи.

Мне жестом указали на единственный стул у резного столика, заставленного фруктами, пирожными и чайными принадлежностями. Когда я села, Айрис устроилась напротив и принялась нажимать на какие-то пластинки возле каждой тарелки.

— Артефакты стазиса, — пояснила она с улыбкой. — Простые и слабые, но для бытовых нужд в самый раз. Чай?

Я кивнула. Пока Айрис наполняла маленькие фарфоровые чашки, украшенные бело-розовым рисунком, я вновь принялась ее рассматривать. Только теперь не так явно, из-под ресниц. Интересно, это ее чернокнижник оберегает столь трепетно? И если да, почему она сама, кажется, хранит на него обиду?

— Давно ты здесь?

Вопрос Айрис заставил меня посмотреть ей в глаза.

— День. Меня поймали вчера ночью.

— Поймали... — Айрис неодобрительно качнула головой. — Он ведь купил тебя? Как меня, — вздохнула она, стоило мне кивнуть.

— А... ты, — почему-то обращаться к Айрис на «ты» было неловко. Но раз наши судьбы похожи, то, может, и происхождение не сильно разнится? — Ты давно здесь?

— Давно. И уже три года я... такая, — голос ее дрогнул. Тут же, будто злясь на себя за слабость, Айрис улыбнулась, подцепила с блюда большое пирожное, украшенное шапкой густых сливок и положила мне на тарелку. — Попробуй. Это мое любимое. Раньше мы с Иваром покупали такие у мастера Байора со второй улицы. Бывала там?

Я качнула головой. Вторая улица — это ведь почти центр Айдерона! А дом дяди Лаура стоит едва ли не на окраине. Но улица там хорошая, пусть не такая широкая и чистая, зато мелкие ремесленники и торговцы, что живут на ней, люди порядочные.

— Больше всего скучаю именно по этому — по возможности ходить, куда захочется, и делать, что вздумается. И пусть в прошлой жизни такие пирожные мы с Иваром покупали раз в полгода, и то если повезет, но тогда они казались даже вкуснее. Кроме ягод и ванили в них чувствовался вкус свободы. И чуть-чуть безумия, — Айрис рассмеялась.

Я тоже не сдержала улыбки, понимая, о чем она. Пирожные у мастера Байора наверняка стоят целое состояние. И копить по полгода на них — чистое сумасшествие!

— А Ивар — он кто? — спросила я, отламывая вилкой мягкий, пружинистый край десерта. Айрис вмиг помрачнела.

— Никто. Призрак прошлого.

Отвернувшись, она принялась придирчиво выбирать виноградины в тяжелой грозди. Так старательно даже тетя Шида не оценивает мясо перед покупкой. Да и виноград весь выглядит хорошо. Нет, дело не в нем. Айрис явно избегает смотреть на меня — пытается справиться с эмоциями.

В груди стянуло от сожаления.

— Прости, пожалуйста. Я не хотела задеть твоих чувств.

Айрис вздохнула, украдкой коснулась уголков глаз и повернулась ко мне.

— Все в порядке. Ты ведь не знала... Ивар... он... я любила его. И до сих пор люблю, — призналась она еле слышно.

— Ты давно с ним не виделась?

— С тех пор, как оказалась тут.

— А не пыталась связаться? Отправить записку?

— Зачем? Чтобы он тоже попал к Самаэлю? Чтобы увидел меня такой? — резко откатившись, Айрис зло сорвала с коленей тонкий плед. — Чтобы сам стал калекой? Нет, Эвелин! Это наша судьба решена! Наша, не его!

— Наша? — эхом повторила я.

Поймала тяжелый, полный невысказанной печали взгляд и упрямо мотнула головой. Нет, не верю. Не хочу верить!

— Ты ведь так и не спросила, как я оказалась в кресле... Скажи, он уже начал приносить тебе артефакты? Они обжигали тебя? Нет! Нет!

Все во мне закричало от ужаса. Захотелось зажать ладонями уши, чтобы только не слышать тихого голоса Айрис и того, что она произносит. Но тело будто одеревенело.

— Меня обжигали. Не все, — добавила она тихо. — Некоторые примерзали к коже, другие покрывались коррозией, а были и те, что рассыпались пеплом. В какой-то момент я даже увлеклась, гадая, что случится с новым. А потом он стал приносить артефакты, которые никак себя не проявляли. По крайней мере, так мне казалось...

Каждое слово вымораживало мои внутренности. Дышать стало больно.

— Сначала пришла слабость. Знаешь, как после красной лихорадки? Я болела такой однажды... Тогда, даже идя на поправку, я с трудом могла усидеть самостоятельно. А в первый раз подняться с кровати стоило мне едва ли не всех сил. С артефактами Самаэля вышло почти так же. Поначалу слабость была легкой

— я и не обратила на нее внимания, но с каждым днем она росла. Пока однажды, где-то через дюжину дней, я не перестала чувствовать ноги. Они будто исчезли. Даже сейчас я их вижу, но не чувствую. Вот, смотри, — Айрис схватила со стола вилку и вскинула руку. Я кинулась вперед. В мгновение оказалась рядом и перехватила тонкое запястье. Айрис посмотрела на меня, перевела взгляд на вилку, на собственные ноги — словно не могла понять, что вообще собиралась делать. А поняв, расплакалась. Громко, устало, не прячась и не сдерживаясь.

— Почему? Почему никто не сказал мне? Не помог? Почему я? — почти кричала она между всхлипами.

Поддаваясь порыву, я обняла ее. Сжалась, почувствовав, с каким отчаянием она уцепилась в меня — будто тонущий за брошенную ему веревку. Вот только я не веревка. Да и нет никого, кто бы вытянул нас обоих.

Айрис плакала долго, надрывно. Но все же, постепенно успокаиваясь. Когда слез не осталось, и она, и я не спешили заговаривать. В нас словно не осталось ни эмоций, ни слов. Иногда Айрис поднимала взгляд и по несколько долгих секунд всматривалась в мое лицо. Будто что-то искала в нем или силилась на что-то решиться.

— Думаю, мне пора возвращаться. Вдруг... Самаэль вернется, — я на мгновение запнулась, но все же нашла в себе смелость назвать чернокнижника по имени.

Айрис кивнула. А когда я оказалась уже у двери, окликнула:

— Мне жаль... — Я обернулась. — Жаль, что когда я очутилась тут, не было никого, кто мог бы помочь мне. Спасти от этой участи, — ее пальцы сжались в кулаки. — И одна часть меня жаждет, чтобы ты повторила мой путь. Почему я должна помогать тебе, если никто не помог мне? Пусть история повторится! Пусть ты, как я, сядешь в кресло!

Во взгляде Айрис расплескался океан боли. Боли и обиды — темной, глубокой, слишком огромной для одного человека. Я видела, как эта обида ломала Айрис. Как пожирала ее изнутри. И видела, с каким отчаянием Айрис с ней борется.

— Но другая моя часть не может молчать. Пусть не у меня, но у тебя получится сбежать. Вернуться к любимым, обрести будущее... — по белым, как у фарфоровой куклы, щекам покатались слезы.

— От Самаэля не убежишь, — возразила я. — Печать собственности не позволит мне скрыться.

— Да, не позволит. Но я знаю, как ее снять.

Глава 8

Обратный путь почти не отпечатался в памяти. Тело словно само провело меня сквозь тьму, позволив раствориться в мыслях и сомнениях. Нет, я не кинулась принимать помощь Айрис. Просто не нашла в себе сил беречь ее раны еще больше. Да и сама хотела сначала все хорошо обдумать. Вдруг Самаэль уготовил мне иную судьбу? Вдруг Айрис ошиблась?

Надежда — слабая, отчаянная — трепыхалась в груди, словно бабочка в банке. Ударялась о ребра, задевала тонкими крыльями сердце, вынуждала ощущать ее снова и снова. Она же заставляла вспоминать и простор комнаты Айрис, и ее дорогие одежды. Не сомневаюсь: Айрис и есть та девушка, о которой Самаэль заботится. Но что, если эта забота вызвана чувством вины? Хочу ли я для себя того же — красивые наряды в обмен на свободу и жизнь? Нет. Не хочу.

Если слова Айрис подтвердятся, я вернусь к ней. Узнаю все необходимое и сбегу.

Дорога до Нортейна займет дней шесть или семь, не больше. Можно будет прибиться за обозом — пусть не с ним, дабы в случае провала не навлечь на остальных гнев Самаэля, но держаться неподалеку, — тогда путешествие пройдет спокойно. Лишь бы добраться до свободных земель! А там найти работу, снять дешевую комнату на первое время... Трудностей я не боюсь.

Ленивой тоже себя не считаю — уверена, стоит запросить чуть меньше, чем коренные нортейнцы, и кто-нибудь обязательно возьмет меня наподхват. Таверна, лавка, лоток на рынке — любая работа, пока она честная, меня устроит.

Мысли затянули настолько, что я почти не услышала звук открывающейся двери. И потому вздрогнула, когда раздалось негромкое:

— Заскучала?

Самаэль зашагал к свободному креслу.

— Да. Здесь ведь нет ни книг, ни иглолки и нитки, чтобы починить вещи.

— А подаренные тебя не устраивают?

— Они красивые, — признала спокойно. — Но я бы хотела сохранить и свои. Юбка раньше принадлежала маме. Она дорога мне.

Самаэль задумчиво хмыкнул. Несколько секунд размышлял, потом кивнул.

— Хорошо, я принесу тебе все необходимое для работы. А пока...

Затянутая в перчатку ладонь нырнула во внутренний карман плаща. Стоило полам приоткрыться, я увидела дорогой костюм, черно-фиолетового цвета. Строгий, но красивый. Однако уже в следующий миг стало не до одежд чернокнижника — на стол между нашими креслами лег браслет. Широкий, украшенный россыпью желтых камней. Новый артефакт.

— Надень.

Я не пошевелилась. Застыла, будто кролик перед удавом, и только смотрела на поблескивающие в свете ламп камни.

— Эвелин, надень, — потребовал Самаэль.

Все во мне натянулось, точно тетива лука. Только вместе стрелы на ней лежал страх.

Не надену. Пусть даже я ошиблась, и это не артефакт, а обычное украшение, все равно не надену.

— Эвелин! — прикрикнул Самаэль.

Вздрогнув, я вынырнула из оцепенения. Выпрямилась и решительно посмотрела в живую тьму.

— Нет, — мой голос прозвучал твердо. — Я не стану надевать то, что может причинить мне вред. А оно может! Пусть кольцо не оплавилось, но мне было больно.

Самаэль не ответил. Даже не пошевелился. И на мгновение мне показалось, что вот она — победа. Он понял мои чувства! Принял мой выбор! Но тут от плаща отделились туманные ленты и черными змеями метнулись ко мне.

— Нет! Самаэль, не надо! — закричала испуганно, стоило им спеленать мое тело. Совсем как в ночь побега. И совсем как тогда я задержалась в отчаянной попытке высвободиться. Самаэль же тем временем поднялся, взял со стола браслет, в два шага оказался рядом и защелкнул его на моем запястье.

— Мои приказы надо исполнять, Эвелин.

Холодный тон выморозил остатки моей выдержки. Горло стянуло тугой удавкой подступивших слез. Я не смогла заставить себя ни ответить, ни даже кивнуть — все силы уходили на то, чтобы не заплакать, не унизить себя еще большей слабостью.

— Не стоит смотреть на меня так напугано. Пока наши интересы совпадают, тебе нечего бояться.

— Какие интересы? — выдохнула сипло. — Почему вы не можете объяснить, что задумали? Ради чего эта таинственность? Как можно доверять вслепую?

— Я не люблю рассказывать о планах, Эвелин. Предпочитаю говорить о результатах. Делиться догадками же не люблю еще больше.

— Но я хочу понять! Вы ведь бросили меня во тьму и теперь заставляете идти, не видя, куда! Я не могу так. Не могу! — выкрикнула отчаянно, впиваясь взглядом в живую тьму под капюшоном.

Ну же! Если не в силах понять, то хотя бы попытайся поверить!

Я тянулась к Самаэлю, мысленно открываясь перед ним, надеясь, что он увидит и мои страхи, и сомнения, и надежды. На несколько секунд комнату объяла тишина. Мы с Самаэлем застыли друг напротив друга. Не шевелясь и, кажется, даже не дыша.

Потом он взмахнул рукой. Отвечая, ленты тьмы потянулись обратно к хозяину.

— Верь мне, Эвелин, — попросил он тихо. — Наберись терпения и верь. Дай во всем разобраться. А когда я смогу это сделать, обещаю, что расскажу тебе все.

Не прощаясь, Самаэль вышел.

Я криво усмехнулась. Верить? Похоже, мы ждем друг от друга одного и того же. Только оба, как оказалось, не готовы делать первый шаг. Я сжала браслет- артефакт. Ощутила, как камни впились в ладонь, но хватки не ослабила. Попыталась сдернуть — не вышло. Осмотрела — и не нашла замочка. Браслет будто сросся в единое кольцо. И понимание этого отозвалось мурашками по коже.

Как и обещал, Самаэль принес мне все необходимое для починки одежды. Теперь время тянулось не столь мучительно. Браслет, несмотря на все опасения, не беспокоил. К окончанию третьих суток я почти перестала обращать на него внимание. Самаэль изучая его на моем запястье, выглядел довольным. Точнее, мне так казалось. Не видя лица, тяжело понять эмоции собеседника. Я училась ловить интонации, отмечать их малейшую перемену, вслушиваться в его голос. Голос, кстати, у Самаэля был красивый: низкий, но не грубый, а как у настоящего рассказчика, которому хочется жадно внимать.

К Айрис я больше не ходила. Не видя ее, я будто начала забывать и о ее рассказе. Страхи отступили. Я даже на какое-то время решила, что Айрис зачем-то решила меня обмануть. А утром пятого дня я не смогла встать с кровати.

Глава 9

В первый миг я растерялась. Подумала, что тело затекло от неудобной позы во сне или еще из-за чего-то. Чего-то простого, понятного. Разум будто отказывался допускать мысль, что страшные предсказания Айрис начали сбываться. Отталкивал ее, как ребенок — ложку с нелюбимой кашей, противился. И вторя ему, противилась я. Снова уперлась ладонями в матрас, снова попыталась сесть... и снова не смогла удержать собственный вес.

Я зарычала. Стиснула зубы почти до скрежета и попробовала еще раз. Потом еще. И еще. Будто сделай я это десять, двадцать раз — и все получится. Но оно не получалось. С каждым новым провалом лед страха разрастался. Я чувствовала, как он вымораживает меня. Как подбирается к сердцу и заковывает его в стылую броню. И чувствовала огонь ненависти, разгорающийся все сильнее.

Не сдамся! Не позволю Самаэлю сделать со мной то же, что с Айрис!

Страх и злость перемешались. Одного чувство обжигало другое и само, шипя, отступало. Эмоции забурлили, придали сил. Помогли совладать с непослушным телом и отчаянным рывком вытолкнуть себя с кровати. Приземление на пол вышло жестким. Но оно же будто уничтожило остатки слабости — разбило их на ледяные осколки и сплавило в огне моего гнева. Я медленно встала. Сделала первый шаг, второй, третий. Дошла до ширмы, оделась. С каждым новым движением я действовала все увереннее. И когда на пороге комнаты появился Самаэль, я сумела не выдать проклятой слабости. поприветствовала как обычно и твердой походкой прошествовала к креслу. Не дожидаясь просьбы, протянула руку с браслетом. Улыбнулась, стараясь казаться приветливой.

Да, Самаэль не должен понять, что его артефакт начал отравлять меня. Кто знает, что тогда случится?

— Составите мне компанию за обедом? — спросила, когда Самаэль направился к выходу. Судя по паузе, мой вопрос его озадачил. И я поспешила добавить: — Есть одной скучно. Вы моя единственная компания, и, если это не слишком нагло, я была бы рада разделить трапезу.

— К сожалению, сегодня не получится. До вечера я буду занят. Но на ужине, если пожелаешь, я составлю тебе компанию.

— Замечательно! — просияла я искренне.

Самаэль усмехнулся. Мне же потребовалась вся выдержка, чтобы не выдать истинных причин ликования.

День! У меня целый день без его надзора!

Когда за Самаэлем закрылась дверь, я выждала еще добрую четверть часа и лишь тогда покинула комнату.

Разговор с Айрис вышел непростым. В какой-то момент я даже испугалась, что она откажется помогать. Обида на собственную судьбу, по-детски упрямое желание смолчать, увидеть, как со мной случится то же самое; перестать быть единственной, с кем поступили несправедливо — каждая эмоция находила отражение во взгляде кукольно-больших глаз. Но в то же время в них читались тоска и стыд. Айрис разрывало противоречиями. Она то начинала упираться, то внезапно заговаривала об Иваре, будто пытаюсь сменить тему, то замолкала и подолгу смотрела на печать собственности и у меня на запястье. Но в итоге она рассказала все, что я хотела знать. Мы проговорили почти два часа. Когда последнее слово было сказано, мы с Айрис замолчали. Я думала о свободе, Айрис, судя по погасшему взгляду, — об одиночестве.

— Уходи, — проговорила она глухо. Развернула кресло ко мне спинкой и уставилась в окно.

— Самаэль каждую десятую ночь проводит в своей лаборатории. Ближайшая такая через два дня. Дождись ее и уходи.

— Хорошо, — я кивнула. — И спасибо тебе.

Айрис не ответила. А едва пауза начала затягиваться, повторила:

— Уходи.

Горечь разлилась по языку вязким сиропом. Не за себя — за Айрис. Пальцы сами потянулись к висящему на шее медальону отца. Нет, это не равноценный подарок тому, что мне сделала Айрис. Но ничего дороже у меня нет.

Я посмотрела на серебристый круляш, изрезанный линиями.

Папа объяснял, что значит этот рисунок, но непоседливая пятилетка, какой я была тогда, слушала вполуха — только приплясывала на месте от нетерпения и во все глаза смотрела на подарок, который в больших отцовских руках казался совсем маленьким. Счастливая монетка — так я назвала его. Надеюсь, он подарит Айрис если не счастье, то хотя бы покой.

— Береги себя, — произнесла я одними губами. Оставила медальон на комод и бесшумно выскользнула за дверь.

Глава 10

Следующие два дня были самыми долгими за всю мою жизнь. Самыми долгими и самыми страшными. Слабость росла. Пусть не стремительно, но неотвратно — я чувствовала это. И только мысль о скором побеге помогала не поддаваться панике.

Утром третьего дня я проснулась раньше обычного. По крайней мере, так мне казалось. Дождаясь прихода Самаэля я снова и снова прокручивала в голове все, что предстояло сделать. Стыд жег щеки, совесть колола сердце. Но я решительно заглушила оба чувства — слишком многое стоит на кону, чтобы отступать.

К моменту, когда дверь открылась, я с трудом заставила себя успокоиться.

— Почему ты до сих пор в кровати? — удивился Самаэль, входя.

— Не смогла встать. Слабость, — призналась впервые.

Да, теперь можно. Нужно.

Самаэль опустился на край кровати, взял меня за руку и принялся изучать артефакт.

— Вы его снимите?

— Пока в этом нет необходимости, — отозвался он, не отвлекаясь. — Браслет еще держится. Я посмотрела на укутанную в плащ фигуру. Вновь, как в самый первый день попыталась разглядеть за живой тьмой человека, понять его. Неужели, ему действительно все равно? Не верю. Об Айрис он ведь заботится, будто чувствуя вину. Так почему решился поступить столь бесчеловечно снова? Ради чего?

— Он убьет меня?

Вопрос сорвался с языка непроизвольно — словно ответ на терзающие душу страхи.

— Эвелин, волноваться не о чем, — Самаэль качнул головой. — Браслет не несет в себе угрозы. Слабость не смертельна.

Не смертельна — это верно. Жизнь вполнину тоже не смертельна, но только я отказываюсь от такой жизни.

Не отрывая взгляда, я коснулась слабой рукой мужского предплечья. Нерешительно замерла на секунду, давая голос совести, и уже смелее повела вверх. Самаэль молчал. Следил за мной внимательно, но не вмешивался.

— Пожалуйста, — прошептала я, вглядываясь в его тьму, — не делай со мной этого.

— Чего, Эвелин?

— Не используй, словно вещь, которую покупают на один раз.

Я скользнула ладонью ему на грудь, ощутила биение сердца. Такое сильное... может ли оно быть безжалостным, как все говорят? Жестоким? Или оно бьется во имя чего-то хорошего, светлого? Не знаю. Но выяснять наверняка не стану — слишком высока цена.

Я провела ладонью до самой шеи. Приобняла за нее и, напрягшись, подтянулась. Точнее, попыталась это сделать. Слабые пальцы не удержали мой вес — я едва не полетела назад, но вдруг ощутила широкую ладонь у себя на спине.

— Что ты задумала, Эвелин?

— Ничего, — соврала я, доверчиво прижимаясь всем телом.

Странно, но запах жженого дерева исчез. На смену ему пришел аромат терпкого мужского парфюма, дыма сигар и чего-то еще, незнакомого, едва уловимого, но очень приятного. Я вдохнула глубже.

— Мне страшно, Самаэль.

Мои пальцы заскользили вдоль линии плеч, коснулись края капюшона, чуть царапая ногтями дорогую ткань.

— А рядом со мной тебе, надо полагать, спокойнее?

Я смутилась, услышав очередную насмешку, но не отступила.

— Рядом с вами мне еще страшнее, — призналась тихо. — Но только вам под силу успокоить мои страхи. Пожалуйста... пожалуйста, Самаэль, — я прижалась теснее.

Мужская ладонь по-прежнему не давала упасть. От нее шел жар, ощутимый сквозь тонкую ткань нижней сорочки. Хотя по правде сказать, не только от нее — от всего тела чернокнижника. Во тьме поместья всегда прохладно: не до стылых мурашек по телу, но зябко. А рядом с Самаэлем тепло.

Закрыв глаза, я сократила последние сантиметры и нырнула лицом в клубящуюся под капюшоном тьму. Я не видела ее, но ощущала скользкие прикосновения к коже. А потом ощутила совсем другое — чужую кожу под моими губами. На мгновение я растерялась. Это неправильно, слишком низко, учитывая мои планы. Нельзя! Нельзя... Нельзя... но губы сами скользнули левее — к губам Самаэля. Я почти коснулась их. Ощутила его дыхание и то, как рука, удерживающая меня, сжалась. Однако уже в следующий миг Самаэль отстранил меня.

— Не нужно притворства, Эвелин. Я чувствую твоё напряжение и твой страх. К тому же, уверяю, я не из тех людей, кого можно заставить передумать таким способом. Если слабость беспокоит так сильно, я принесу укрепляющий отвар. Простой, но эффективный. Тебе поможет, — он встал с кровати. — Сегодня я больше не приду. Обед и ужин тебе оставят за дверью. Забрать, думаю, ты сможешь.

— А браслет? — я посмотрела с надеждой.

Ну же! Согласись! Сними его! Заставь меня поверить, что ты не уготовил мне судьбу, как у Айрис.

— Он останется.

Короткая фраза гулко ухнула в воздухе, словно удар камня о воду. Я опустила голову, пряча разочарованный взгляд, и качнула головой.

Не согласился. Не дал надежды.

Когда звук шагов окончательно затих, я разжала кулак и хмуро уставилась на черную нить, вытянутую из плаща Самаэля. Вокруг нее, едва заметно, вилась тьма. Крупница его силы — та, что поможет снять печать.

Глава 11

Слабость отступала неохотно. Укрепляющий отвар, вопреки обещанию, не помог. Лишь ближе к обеду силы вернулись в достаточной мере, чтобы выбраться из постели. Однако поднять тяжелый поднос, оставленный за дверью, я не смогла. Все, на что меня хватило — затащить его в комнату и, закрыв дверь, устало опуститься рядом.

Есть на полу считается постыдным даже среди горожан. Высокородные, увидев меня сейчас, пришли бы в ужас. По правде сказать, я и сама ощущала себя прескверно: непричесанная, в нижней сорочке, обедающая на полу. Что там высокородные! Даже тетя Шида схватилась бы за сердце! Но иначе сейчас никак.

Покончив с обедом, я поднялась и, пошатываясь, дошла до комода. Взяла аккуратно сложенные вещи, принялась одеваться. Подаренная блузка, чулки, мамина юбка и старые, пусть разношенные, но удобные туфли. Волосы я заплела в тугую косу и завязала бело-зеленым шнурком мастера Эсбена.

Теперь оставалось дожидаться вечера. Если верить Айрис, — а для неверия причин не осталось, — Самаэль закроется в лаборатории сразу после ужина и не покинет ее до рассвета. Значит, бежать надо ночью.

Напряжение выматывало. Слабость подталкивала лечь на кровать, а то и на пол, но я знала: раз поддавшись, я проиграю ей и уже не смогу встать. Мысли терзали разум, а совесть — душу. Вот только стыдил меня не обман Самаэля, а то, что я собираюсь бросить Айрис. Но как помочь ей? Мы обе — птицы, влетевшие в густые заросли остролиста. И я обязана вырваться, пока длинные шипы не повывергли перья из моих крыльев, пока мне еще по силам вернуться в небо.

Единственное, что решила сделать — попробовать разыскать Ивара. По рассказам Айрис я представляю, где он живет, и, если только никуда не переехал, отыщу его. Ивар узнает все: и о чувствах Айрис, и о том, что с ней сделал чернокнижник. Может, он найдет способ помочь ей? Что-то подсказывало мне, что Ивар любит Айрис и не откажется от нее даже такой. Ведь если любишь — любишь душу, а не тело.

Когда в дверь постучали, давая понять, что ужин оставлен за порогом, я не сорвалась с места — хотя все во мне горело в нетерпении. Напротив, сознательно выждала несколько минут и лишь

потом забрала поднос. Я старалась действовать как обычно. Так, будто сегодняшняя ночь не станет решающей, будто пальцы не дрожат от волнения.

Мясо, тушенное с овощами, я съела сразу. Хлеб, сыр и зелень завязала в салфетку. Выждала еще около часа и выставила оба подноса за дверь. Это единственное, что отличало сегодняшний день от всех предыдущих. Но я решила, Самаэль мог предупредить слуг о моей слабости, а значит, есть шанс, что такое поведение не вызовет подозрений.

Мне же беспорядок на подносах был нужен, чтобы замести следы. Я специально перемешала посуду от обеда и ужина: свалила кучей, раскидала приборы. Сделала все, чтобы слуги не сразу заметили пропажу салфетки и столового ножа.

К вечеру слабость отступила. То ли укрепляющий отвар все-таки помог, то ли небеса были на моей стороне. Пусть бежать — как в прошлый раз от гончих и охотников — я не смогу, но и падать через каждые десять шагов не должна. Я выждала несколько часов. Пошумела водой за ширмой, будто умываясь, потрясала одеялом. Затаилась.

Спустя еще некоторое время поместье затихло.

Я открыла дверь, прислушалась и ступила за порог. Лампу брать не стала — ей все равно не под силу разогнать наведенную тьму.

Двенадцать шагов прямо. Поворот направо. Еще семь шагов прямо, держаться левой стены.

Нащупать нишу, ступить в нее, изучить пальцами барельеф. Отыскать на нем верхний элемент. Нажать.

Долгие объяснения Айрис сложились в четкую цепочку действий, я зашагала по коридору. Все мое естество, сама душа натянулась струной, и, казалось, одно неверное движение заставит ее зазвучать — разбудит всех в поместье и не даст мне сбежать. Сердце билось взволнованно, часто.

Поворот.

От стены ощутимо тянуло холодом. А может, то холодила наведенная тьма. Как и в прошлый раз ступала я почти бесшумно. Когда пальцы скользнули в изгиб ниши, шумно выдохнула. Замерла, испугавшись, что меня могли услышать, выждала секунды две и нырнула в углубление.

Волнение лупило по нервам старательно и изо всех сил — как тетя Шида, выбивающая пыль из ковровых дорожек. Я едва дышала, скользя свободной рукой по стене. Ну же, выступ, где ты?

Секунда, пять, десять...

Паника подкралась со спины и ласково, почти игриво подула на затылок. Я чувствовала ее присутствие и то, как она захватывает меня все сильнее. Но вот, наконец, пальцы наткнулись на выступ. Я ощупала его, убеждаясь, что форма именно такая, какой ее описала Айрис — напоминает полумесяц. Потом надавила на верхний острый кончик.

Шорох каменной крошки прозвучал слишком громко в ночной тишине. Я задрожала.

Дождалась, когда проход откроется, нырнула в него и толкнула тяжелую дверь на место.

Замерла, прислушиваясь. Тихо? Тихо.

Потайной коридор оказался узким и пыльным. Дышать стало тяжелее. По руке, которой я придерживалась за стену, вдруг кто-то пробежал: паук или еще кто — я не успела понять.

Невольно шарахнулась в сторону, врезалась спиной в стену, но крик, готовый сорваться с губ, сдержать сумела.

— Смелее, Эвелин, хватит трусить! — тихо выругалась я, злясь сама на себя.

Стиснула пальцы на узелке с едой и почти без страха снова коснулась ладонью стены.

Проход оказался длинным. Через десяток шагов, как предупреждала Айрис, началась витая лестница — узкая и неудобная. Приходилось прижиматься к холодной стене едва ли не всем телом, чтобы только не упасть.

Лестницу сменил новый коридор — такой же темный, пыльный и узкий. Но, в отличие от первого, намного длиннее. Когда началось казаться, что он не закончится никогда, я уткнулась в выросшую на пути преграду.

Выход. Это должен быть он!

И без того беспокойное сердце забило чаще. Рычаг нашелся быстро. И так же быстро мне удалось с ним совладать. Камень заскрежетал, открывая проход.

Задержав дыхание, я сделала шаг. Первый — и твердый пол под ногами сменился мягкой травой. Второй — и в нос забились запахи ночи: свежести, сырой земли, мокрого камня. Третий — и тьма истаяла.

Я заморгала. В уголках глаз щипало, пришлось закусить губ, чтобы сдержать подступившие слезы.

Удалось... Мне удалось!

Но тут же, будто отрезвляя, в лицо ударил холодный ветер. Верно, радоваться рано. Когда доберусь до Нортейна, тогда позволю себе и порадоваться, и поплакать. Сейчас же нужно избавиться от печати собственности.

Закатав рукав блузы, я достала из кармана юбки нож и черную нить.

Глава 12

Я колебалась лишь мгновение, потом решительно полоснула ножом по монограмме и тут же прижала к ране черную нить. Подобное тянется к подобному — так мне сказала Айрис. Нить из плаща Самаэля сильнее моей печати. Заключенная в ней тьма потянется к источнику, обвоет его лозой, и останется лишь выудить ее.

Когда Айрис рассказала, как снять печать, я усомнилась. Подумала, не может решение оказаться настолько простым. Но Айрис, улыбнувшись, напомнила, что самые сильные препятствия зачастую скрываются в наших страхах и неуверенности. И чернокнижник как никто умеет этим пользоваться.

Достав нить, я откинула ее к стенам Теневого поместья. Так тьма не забеспокоится, ощущая себя в родной стихии. Потом откатала рукав, застегнула плотный манжет, который стал одновременно повязкой, и кинулась бежать.

Моих сил хватило лишь до дороги — там пришлось остановиться и перевести дух. Проклятая слабость! Я хмуро уставилась на браслет. Снять его мне не под силу, но, может, кузнец Фолке согласится это сделать, если пообещать оставить украшение ему? Все же артефакт выглядит дорогим. С другой стороны, каждый в городе уже знает, что дядя меня продал — а значит, идти к Фолке опасно. Старый ворчун не станет меня покрывать.

Проклятье! Что же делать?

От волнения пальцы сжались в кулаки. Мышцы на руке напряглись, и свежий порез на запястье болезненно натянулся, заставив меня зашипеть. Нет, так не пойдет. Нужно успокоиться. Сейчас главное добраться до города и отыскать Ивара. А потом

— отправиться дальше. Для промедлений времени нет.

Решив так, я зашагала по дороге. Двигаться старалась быстро, но при этом не тратя силы понапрасну. Остановилась лишь раз, и то ненадолго: перекусила наспех собранным бутербродом, затем продолжила путь.

Как и рассчитывала, к границам города я подошла в предрассветных сумерках. Пробираясь проулками, стянула оставленный на подоконнике платок и замоталась в него по самый нос.

Совесть уже не просто грызла — она драла меня, как свора диких псов кусок мяса.

На главные улицы я старалась не выходить. Даже в такой ранний час на них могут быть люди.

Вместо этого я держалась окраины, пробираясь к нужному дому окружным путем. Я шла быстро, но при этом уверенно, стараясь выглядеть так, будто просто спешу по делам. После бессонной ночи слабость навалилась с новой силой. Ноги ощущались деревянными, колени едва гнулись. Глаза слипались, а рот то и дело норовил растянуться зевотой. Но я держалась. Нужный дом оказался именно таким, каким я его представляла по рассказам Айрис. Первый этаж каменный, второй — сложенный из дерева, потемневшего от времени. Красная рассохшаяся дверь и четыре серые ступеньки, ведущие к ней. Даже глиняные горшки с тощими геранями стояли у входа, как и три года назад.

Я постучала. Выждала несколько минут и постучала снова, еще требовательнее.

— Да иду я! — раздалось недовольное с той стороны. — Кого нелегкая принесла в такую рань?

Я мельком огляделась, опасаясь, что недовольный голос разбудит соседей. Но нет, вокруг было тихо. Внутри дома что-то упало, все тот же голос выругался, крикнул. Раздался шаркающий звук, потом замок сдвинули.

В приоткрывшуюся щель показалась растрепанная голова.

— Ты кто?

— Я ищу Ивара.

— Кого?

— Ивара.

— А, тьфу ты, понял.

Дверь открылась шире, и на крыльцо вышел мужчина, закутанный в полосатый халат.

— Давно про него не спрашивали. Проходи, — хозяин дома посторонился, но я мотнула головой.

— Если его тут нет, то я пойду.

— Погодь, — карие глаза прищурились.

Внимательный взгляд скользнул снизу-вверх и задержался на платке, плотно намотанном на голову. Стало неудобно, захотелось сбежать, и я даже отступила на полшага, но вдруг мужчина продолжил:

— Где-то с год назад Ивар уехал в Тайрен. Дальний который.

Я кивнула, давая понять, что знаю, о каком городе идет речь.

Так уж вышло, что некоторые из местных, кто редко выбирается дальше соседних деревень, путают Тайрен и Райтен. Первый — шумный портовый город. Второй — крохотный городишко, даже меньше нашего, в двух днях пути отсюда.

— Не знаете, как его там найти?

Мужчина фыркнул в густые усы.

— Откуда ж? Ивар как собрался, так и исчез. Ветер в голове, огонь в сердце. Горячий, но глупый. Такой либо взлетел в Тайрене, либо пропал окончательно, если не смог смириться с утратой.

Утратой.

Наверняка это про Айрис! Значит, Ивар не забыл ее. Как минимум еще два года ждал. Может, за неполный еще один его сердце не охладело?

Тайрен хоть и расположен далеко, но от него можно взять корабль до Туманных островов, а оттуда — до самого Нортейна. Сама судьба, кажется, на моей стороне! Если Ивар оставил хоть несколько следов, я разыщу его, а потом сбегу в свободные земли.

Поблагодарив хозяина за информацию, я развернулась было уходить, но вдруг ощутила, как на моем локте сжались крепкие пальцы.

— Беги из города, — прошептал мужчина, наклоняясь. — Новость о сделке Лаура еще не утихла. Тебя поймают.

Я испуганно дернулась. Он понял? Но как?

— Глаза, девочка, — улыбнулся мужчина. — Ни у кого в Айдероне нет таких удивительных глаз — цвета моря под полуденным солнцем. Они выдают тебя. Так что беги, не задерживайся! Только... секунду, — отпустив мой локоть, он скрылся в доме. Зашумел там чем-то, зашуршал, потом вернулся. — Вот, держи, — мне в ладонь сунули вытянутую медную пластинку с насечками. — Как раз одна осталась. Ее хватит до Райтена, дилижанс туда отходит с восемнадцатой улицы. Тут близко, сама знаешь.

Я растерялась.

— Почему вы помогаете мне?

— А ты бы предпочла, чтобы я помог чернокнижнику? Не все в этом мире можно купить. И то, как твой дядька поступил с тобой... — сухие губы недовольно сжались. — Плохо это, Эвелин. Не по небесным законам. А теперь беги, не опоздай на дилижанс. Он отходит рано.

— Спасибо вам, мастер...

— Да какой я мастер, — по-доброму усмехнулся мужчина. — Вedar я. Беги, хватит болтать.

— Спасибо вам, Вedar.

Благодарно кивнув, я развернулась и спустилась по лестнице, чтобы на ближайшем же повороте забрать левее. Пальцы стискивали острые грани дорожной пластинки. Такие продавали в транспортном совете, что стоит на второй улице. Сама бы я сейчас даже близко не сунулась в центр, поэтому помощь Ведара оказалась как нельзя кстати.

Помощь...

Я резко замерла, в волнении кусая губы. Что будет с Вedarом, если меня поймают? Накажет ли его чернокнижник? Может, стоит вернуться и отдать пластинку? Пусть пешком, но я смогу

добраться до Райтена, там найду кузнеца, который согласится снять браслет. Может, даже удастся выручить за него пару монет. Тогда и на проходящий дилижанс до Тайрена хватит. Да, нужно вернуться.

Я крутанулась на приземистых каблуках, сделала пару шагов и невольно замерла — из-за поворота появилась шумная компания. Четверо молодых мужчин, пошатываясь, гоготали в голос. Растрепанный вид, нетвердая походка — нетрудно догадаться, что ночь у них выдалась веселая. Однако не это напугало меня, а то, что одного из четверых я узнала. Улыбаясь особенно хмельно, мне навстречу шел Товер.

Глава 13

Стылый страх разлился под кожей. Сердцу вмиг стало тесно в груди, оно болезненно дернулось, ударилось о ребра и застучало взволнованно-быстро. Я развернулась на ватных ногах и зашагала по улице.

— Эй! — раздался за спиной пьяный голос. — Ты, в платке!

Я прибавила ходу.

— Эй, я с кем разговариваю! А ну стой!

Я мельком обернулась через плечо, увидела нагоняющего меня Товера, и зашагала быстрее. Бежать было опасно. Если я побегу, Товер кинется следом и легко меня догонит. Но пока иду, идет и Товер.

Оказавшись у ответвления переулков, я резко свернула вправо. Подхватила юбку и припустила изо всех сил. Слабость, еще недавно терзавшая тело, почти не ощущалась. Точнее, я не позволяла себе даже думать о ней. Только бежала, что есть мочи.

На новом ответвлении прыгнула влево, пробежала вдоль улицы и снова забрала левее. Воздух царапал сухое горло на каждый вдох. Желудок от страха стянулся в узел. Сейчас Товер пугал меня больше, чем чернокнижник. От Самаэля я не знала, чего ждать, не понимала его планов и интересов. Но одно знала точно: Самаэль не опустится до насилия. Товер же, напротив, жаждал лишь этого. Я не знала, почему он окликнул меня и чего хотел, но проверять не собиралась.

Спустила еще улицу в бок, закололо. Я остановилась, уперлась дрожащими ладонями в колени и только шумно выдохнула, уверенная, что оторвалась, как в конце улицы вновь появился Товер. Проклятье!

Резко выпрямившись, я зашагала как ни в чем не бывало. Однако Товер шагать не стал — он побежал. Я припустила зайцем.

— Поймаю, паскуда! А ну отдай ворованное!

Ворованное? Платок! Неужели, Товеру он нужен? Но зачем?

Мысли разлетелись, словно стайка потревоженных воробьев. Я пыталась поймать хоть один коричневый хвост, но они, слишком проворные, исчезали из-под самых пальцев. Когда я добежала до семнадцатой улицы, мне все же удалось ухватиться за коротенький хвостик воспоминаний.

Дядя Лаур сосватал Товера за дочку старьевщика. Как только Товер вернулся из гарнизона, дядя заставил его купить подарок будущей невесте и вручить вместе с мешком муки да крынкой жирных сливок — символом будущей сытой жизни. Кажется, Товер тогда купил ей платок...

Проклятье! Неужели из всех платков в городе мне попался именно этот?

Я мельком глянула через плечо, взвизгнула, поняв, что Товер почти нагнал меня, и побежала из последних сил. Только то, что братец хорошо набрался, спасало от немедленной поимки. Но даже сейчас он бежал слишком быстро.

Повернув, я выскочила на восемнадцатую улицу. В самом ее конце стоял дилижанс, большой и черный. И что самое ужасное, все уже расселись! На улице никого не осталось!

— Подождите!

— А ну стой, собачье отродье!

Мы с Товером закричали одновременно, и его пьяный бас заглушил мой голос. Дилижанс лениво тронулся, покачиваясь на местах выбитой брусчатке.

Я больше не кричала. И на Товера не смотрела. Закусив губу почти до крови, я бежала так, как никогда прежде. Так, будто от этого зависела моя жизнь. Хотя, если задуматься, она зависела. Сяду в дилижанс — и у меня будет шанс побороться за собственные свободу и будущее; упущу — и попадусь сначала Товеру, а потом и чернокнижнику. Весь мир уменьшился до размеров дилижанса и задней ступеньки, на которую я должна вскочить.

В груди горело, будто я вдохнула искры, что теперь занялись пожаром. Во рту поселился солоноватый привкус крови. Перед глазами двоилось. Силы таяли, как первый снег, застигнутый солнцем. Я понимала: надолго меня не хватит. В любой миг уставшее тело подведет меня. Стиснув зубы почти до скрежета, я вложила остатки сил в последний рывок. Дважды пружинисто оттолкнулась, и на третий прыжок вскочила на подножку. Качнулась, не успевая ухватиться, но сидящий рядом старик с неожиданной для него крепостью поймал меня за руку.

— Держись, дочка. Забирайся.

— Спасибо, — выдохнула я сипло.

Смотрела при этом в пол, опасаясь выдать себя взглядом. Вedar правильно напомнил: глаза и голос тоже нужно прятать.

— До куда? Дорожная пластинка есть?

Из дальнего конца дилижанса поднялся проверяющий в фирменном сине-сером кителе и такого же цвета картузе с красной лентой вдоль козырька.

— До Райтена. Вот, — я протянула медную пластинку с насечками.

Проверяющий забрал ее, деловито осмотрел и, кивнув, сунул в сумку на длинном ремешке через плечо.

— Садитесь.

Я прошла к указанному месту. Полнотелая женщина, сидящая по правую руку, сняла с лавки большую плетеную корзину, забитую медовыми яблоками, и поставила на пол. Поблагодарив вполголоса, я опустилась рядом.

Дилижанс потряхивало на кочках. Косые солнечные лучи проникали сквозь узкие окошки, ровной шеренгой идущие поверху. Те, кому они падали на лицо, морщились, накрывались беретом или шляпой. Моя соседка обмахивалась платком, причем делала это так старательно, что иногда задевала его кончиками то меня, то сидящего по другую руку юношу. Напротив нас сидел мужичок в рабочей рубаше, слева от него — женщина в расшитом алыми маками платье и мальчонка лет четырех. Последнему было скучно. Он болтал ногами в коричневых ботинках и пускал начищенными до блеска носами солнечных зайчиков.

Уже немолодая дама в дорогой блузе темно-сливового цвета и черной юбке неодобрительно поджимала губы, когда очередной солнечный зайчик падал на ее сцепленные на коленях пальцы. Сбоку от нее сидела тощая девочка лет тринадцати-четырнадцати. Жидкие две косички и коричневое платье придавали ей немного болезненный вид. Хотя, кто его знает, может она только недавно переболела красной лихорадкой?

Я оглядывала присутствующих мельком, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. По счастью, на меня особо и не смотрели. Разве что скучающий мальчик дважды бросил любопытный взгляд на браслет-артефакт. Решив подыграть, я повертела рукой, думая, что камни сейчас пустят несколько цветных бликов. Однако этого не случилось.

Посмотрев на украшение, я с удивлением заметила, что былой блеск исчез. Камни потускли, стали мутными, несколько даже потемнели. Широкий обод тоже выглядел странным. В некоторых местах появились темно-зеленые пятна.

— Да сколько можно?! — не выдержала дама. — Нам, что же, всю дорогу теперь это ребячество? — она выразительно покосилась на мальчика, только что пустившего нового солнечного зайчика.

— Да! — с вызовом ответила женщина в платье. — Не у всех дети пришибленные, словно получивший порку пес!

Девочка втянула голову в плечи и бросила затравленный взгляд на даму.

— То, что вы зовете пришибленностью, другие, более воспитанные, горожане зовут умением вести себя в обществе! Этому юноше пора учиться манерам!

— Ага, — тяжело выдохнула моя соседка, продолжая обмахиваться платком, — вот прямо сейчас и начнет. Делать ему больше нечего.

— А вы вообще не влезайте! — возмутился сидящий сбоку от нее молодой человек.

— Лучше платком поменьше машите, чай не мух гоняете.

— Тебя спросить забыла, — огрызнулась она.

— Да-давайте успокоимся.

— Не лезь, малахольная, — отбрила девочку женщина в платье с маками.

— Что ты сказала? — взвизгнула дама.

— Что слышала!

— Да заткнулись обе! — выкрикнул мужичок.

В этот момент дилижанс тряхнуло на очередной ухабине. Несколько яблок, подпрыгнув, вывалились из корзины и раскатились по полу. Мальчишка, соскочив с лавки, схватил одно из них и впился зубами. Моя соседка тут же заверещала, ругаясь. За сына вступилась мать. На нее закричала дама, грозно размахивая кулаком. Мужичок принялся орать на них и тут же получил в лоб прицельно пущенным яблоком. К моему ужасу, проверяющий даже не пытался успокоить присутствующих — он сам драл глотку, срываясь поочередно то на даме, то на мужичке, то на юноше.

Когда дилижанс тряхнуло еще раз, мальчик, не удержавшись на ногах, упал и громко заплакал. Его плачь стал последней каплей — сорвались все. Не только мать ребенка, но и дама, и моя соседка, и старик, придерживавший меня, и даже девочка. Я не поняла, кто кого ударил первым — только услышала глухой звук, чей-то вскрик и последовавший за этим хруст. Кто-то наступил на яблоко. Сбоку зарычала соседка. Худенькая девочка вдруг вскочила с криком вцепилась в волосы строгой дамы. Мужичок схлестнулся со стариком. Проверяющий с размаху ударил юношу. Тот закричал, схватился за нос, но уже через секунду отнял руки и, не обращая внимания на кровь, кинулся на обидчика.

Я вскочила на лавку, сгибаясь под низким потолком дилижанса, и не веря собственным глазам смотрела на происходящее.

Безумие! Это какое-то безумие!

Кто-то толкнул мальчика, и он закричал еще громче. Мать, еще недавно защищавшая его, даже не обернулась. Она сцепилась со строгой дамой. Та вдруг заорала — это девочка впилась зубами ей в руку.

Я вжималась в деревянные стенки и медленно, по шажку, пробиралась к мальчику. Взвизгнула, когда совсем рядом с моей головой разбилось пущенное кем-то яблоко, но не отступила.

Добралась до мальчика, взяла его на руки, прижимая так, чтобы он не видел происходящего, и забила в угол.

Люди рычали, орали, били и кусали друг друга. Драли волосы, пинались. Мелькнуло чье-то лицо, перемазанное в крови. Кто-то снова закричал. Детские пальцы стискивали мою блузу все сильнее. Маленько тело било дрожью.

Внезапно мелькнуло лезвие. Раздался рёв, за ним низкий, почти животный рык. Мы с мальчиком сжались.

— Помогите... помогите нам. Кто-нибудь, помогите!.. С-самаэль! — закричала я в отчаянии.

Почти в тот же миг дилижанс объяла тьма. Густая, плотная, холодная... знакомая. Я снова ощутила запах жженого дерева и серы. А еще через мгновение в обрушившейся тишине прозвучал знакомый голос:

— Что, Эвелин, прогулка прищлась тебе не по нраву?

Глава 14

Я скинула голову и посмотрела на Самаэля. В окружающей темноте невозможно разглядеть даже собственные пальцы, но откуда-то я точно знала, где он. Чувствовала его. И злилась.

— А вам бы только потешаться? Тьма не снаружи, она, как вы и говорили, внутри. В вашем холодном жестоком сердце!

Я вскрикнула — больше от неожиданности, чем боли, — когда мой подбородок сжали чужие пальцы.

— Отпусти мальчика, Эвелин, и выходи. Тогда и поговорим о моем сердце.

— Нет! Я не оставлю его, позволю вам... ай! — на этот раз я вскрикнула от боли.

— Я сказал: «выходи». Немедленно! — с холодной яростью потребовал Самаэль. Однако я и не подумала подчиниться, только крепче сжала мальчика.

— Что вы с ним сделали? Со всеми ними. Они в порядке?

— Пока да. И если желаешь, чтобы так оно было и дальше, то прекрати перечить!

Мой подборок отпустили. Самаэль отступил на шаг, явно давая возможность выполнить приказ. Но только я не спешила. Напряженно вглядывалась в темноту и все пыталась понять, что за игру он затеял.

— Эвелин!

Шумно выдохнув сквозь сцепленные зубы, я все же решила послушаться. Удерживая мальчика одной рукой, второй нащупала лавку, привстала и бережно уложила на нее ребенка. Погладила по голове и на секунду задержалась ладонью на груди, чувствуя, как она мерно вздымается и опускается.

— Что с ним?

— Спит. Как и все вокруг. Хватит разговоров, выходи.

Короткие слова срывались с губ чернокожника и падали в наведенной тьме, словно тяжелые капли с пещерных сталактитов. Казалось, я даже могла услышать приглушенное эхо, с которым они разбивались под нашими ногами.

Придержав юбку, я попробовала сделать первый шаг, однако стоило мне отвести ногу, как мысок туфли во что-то уперся. Точнее, в кого-то — в одного из уснувших на полу попутчиков. Я остановилась. Нельзя идти, не видя дороги. Пожалуй, стоит пробраться к другой стене и вылезти из дилижанса по лавке.

Видимо, я слишком долго размышляла, а может, терпению Самаэля пришел конец

— я не знаю. Однако стоило мне шагнуть в нужную сторону, как опора под ногами исчезла.

Я испуганно дернулась и, не думая, вцепилась пальцами в... во что? В плечи Самаэля?!

Удерживая меня на руках, он двинулся к выходу. Двигался при этом уверенно, твердо, будто видел сквозь тьму и легко переступал спящие тела. И так же твердо он приземлился на дорогу, спрыгнув со ступеньки. Потом зашагал дальше.

— Мы выбрались. Теперь я могу пойти са...

— Молчи, Эвелин. И сиди смирно.

Его голос вибрировал, словно готовый скатиться в рычание. Недовольство, раздражение, злость

— сейчас в нем слышалось слишком много эмоций, чтобы выделить одну. Но только и во мне спокойствия не было.

— Люди не игрушки, Самаэль! Их нельзя купить, если захочется, сломать, когда надоест, и развлекаться, если стало скучно. Зачем вы заставили их озвереть? Считаете, это весело? А тот мальчик? Вы подумали, как это выглядело для него? Неужели, вам совсем плевать на остальных? Неужели вы действительно такой жестокий и черствый, как о вас говорят?

— Эвелин, я же приказал молчать! — рявкнул Самаэль, скидывая меня с рук.

К собственнорядости радости, я не упала. Выпрямилась, точно пружина, и вперила в него негодующий взгляд. Все во мне горело праведным гневом. И я хотела, чтобы Самаэль увидел это пламя.

— Очередной приказ, пояснять который вы даже не подумаете? Потому что вам так хочется? Потому что не любите делиться планами? Да будь они прокляты ваши планы, если все, что они несут — зло!

Напряжение бессонной ночи, погоня Товеера, ужас пережитого в дилижансе — эмоции переполняли меня. Их было слишком много, чтобы суметь удержать под контролем. Но по правде сказать, я и не желала их сдерживать.

Самаэль поймал меня, второго побега он точно не допустит. Я знаю, что меня ждет: новые артефакты, новая слабость и повторение судьбы Айрис. Но только это не значит, что я безропотно приму уготованную участь.

— Думаешь, я несу зло? — мое лицо снова сжали. Самаэль наклонился очень близко — так, что я ощущала его дыхание на своих губах. — Ошибаешься, моя дорогая.

— Это из-за вашего артефакта все обезумели! Я видела, он изменился и...

— О да, он изменился, — тихо, но оттого особенно жутко произнес Самаэль. — А знаешь, что его изменило? Что уничтожало его?

— Ваша сила?

— Напротив, моя сила питала его. Пока ты была в поместье, артефакт работал, но чем дальше ты убегала, тем слабее он становился. Теперь он выжжен окончательно... — Самаэль сжал браслет, и тот, хрустнув, сломался. По пальцам скатилась колючая крошка. — Ты уничтожила его, Эвелин. Как уничтожила и кольцо. И это из-за тебя люди в дилижансе обезумели.

— Что? Нет! — я дернулась, желая вырваться из рук Самаэля, но он удержал.

— Я все пытался понять, какая же именно сила течет в твоих жилах. Знал, что она опасна, но не представлял, насколько... У тебя дар ненависти, Эвелин. Ты пробуждаешь ее в каждом, с кем оказываешься поблизости. И чем дольше находишься рядом, тем сильнее отравляешь сердца.

— Нет! Неправда! — я снова дернулась. — Будь это так, вы бы держались от меня подальше!

— Твой дар поражает лишь тех, чьи лица ты видишь. По этому-то охотники и надели на тебя мешок сразу, как поймали. Это я приказал им.

— Нет!

— Отрицание ничего не изменит, Эвелин! Прими правду, смирись с ней. Принять правду? Поверить, что я опасна для окружающих? Что из-за этой силы не смогу обрести любовь? Семейно? Что мне суждено провести всю жизнь во тьме, лишь бы не видеть чужих лиц? Не могу я принять такую правду!

Меня затрясло. Пальцы, до этого отталкивающие Самаэля, сжались на его плаще. Я так верила, что зло исходит от чернокнижника, от того, кем пугают непослушных детей, и кого так старательно зазывают в лавки торговцы, что ослепла. Я не видела ответов, потому что не желала их видеть. Позволила себе запутаться в сетях самообмана, лишь бы не принимать ужасающей правды. Тьма не снаружи, она внутри... внутри меня самой.

— Ты поэтому хотел сделать меня калекой? — мой голос надломился. — Чтобы не могла сбежать и навредить, как сейчас?

Рука на моем запястье сжалась.

— Калекой? Ты виделась с Айрис?

Я подалась вперед и привстала на носочки, будто пытаюсь заглянуть в лицо Самаэлю.

— Пожалуйста, не наказывай ее, — заговорила быстро. — Это моя вина, только моя. Я боялась... не знала, зачем ты хочешь лишить меня ног. Но теперь понимаю и... и... — слова застряли в горле.

Даже сейчас я не могла сказать, что согласна с таким решением. Нет, не согласна. Я хочу остаться собой, хочу ходить, бегать, хочу свободы и счастья. Но разве та, что сеет ненависть, достойна счастья?

— Ну же, Эвелин, продолжай, — в голосе Самаэля вновь зазвенела ярость. — Мне не терпится узнать, какие еще глупости наговорила тебе моя драгоценная сестра.

Глава 15

У меня нет причин верить Самаэлю. Ни одной. Но только я поверила, не усомнилась даже на миг. Самаэль может умалчивать, уходить от ответа или отвечать загадками... Но он ни разу не солгал мне. И мне не нужны подтверждения или доказательства — я просто знаю, что это так. Не отпуская его плаща, я сбивчиво пересказала нашу с Айрис беседу, поведала о том, как избавилась от печати. Самаэль не перебивал. Казалось, он даже не шевелился, но я чувствовала, что дыхание его стало чаще, а пальцы на моем запястье сжались сильнее.

— Презанятно, — только и бросил он, когда я замолчала.

Взмахнул рукой, и окружающая тьма начала стекаться ко мне. Я по-прежнему не видела ее, но чувствовала, как она уплотнилась возле моих ног, как поднялась выше, окутывая тело, и как накрыла тяжелым капюшоном. Плечи дрогнули под ее весом, но я не согнулась.

— Держись рядом. И смотри под ноги. Только под ноги, Эвелин. Не заставляй меня идти на крайние меры.

Я нахмурилась, не понимая, к чему Самаэль говорит мне это. Однако уже через мгновение поняла — наведенная тьма рассеивалась. Сначала я увидела толстые архейды, росшие по краям дороги, светло-голубое, кажущееся прозрачным, небо, а потом и собственные туфли, выглядывающие из-под черного плаща. Вскинув руку, я ощупала капюшон, нависающий почти до самого носа, огладила мягкую ткань.

— Теперь я выгляжу как вы? — спросила, не поднимая головы.

Самаэль хмыкнул.

— Мне казалось, ты решила сократить дистанцию.

Я смутилась, вспомнив, как буквально несколько минут назад обращалась к чернокнижнику на «ты». Тогда потрясение вытеснило из головы правила и условности. Сейчас же я снова могла мыслить незамутненно. Глупо забывать о разнице наших статусов. Неважно, из высокородных Самаэль или нет, но чернокнижник всегда стоит над простыми горожанами. И я ему точно не ровня.

— Прошу прощения, оно... оно вышло непроизвольно.

Самаэль не ответил. Только, как мне показалось, снова хмыкнул. На этот раз еле слышно. Что это значит? Он позволил бы мне обращаться к нему на равных? Нет, вряд ли. С собственностью подобных вольностей не допускают.

— А... а как вы смогли так быстро оказаться здесь? — спросила я, подстраиваясь под мужской шаг.

Мы двинулись обратно к городу.

— Теневым переходом.

— То есть вы могли появиться в любой момент?

— Не совсем. Браслет слабел, определить точное место выхода становилось все сложнее. Перемещаться с привязкой по вещи намного труднее, чем с привязкой по человеку. Когда ты позвала меня, образовалась... связь, назовем это так. Невидимая нить. Она и провела меня к тебе.

— А внутри поместья вы можете перемещаться куда угодно и в любое время?

— Да. Ноги, знаешь ли, с этой задачей прекрасно справляются, — Самаэль усмехнулся.

Я искоса взглянула на него. Чернокнижник держался невозмутимо, отстраненно. Точнее, так выглядело со стороны, но я знала — он снова потешается. Однако, против обыкновения, сейчас такое его поведение не вызвало во мне недовольства.

Некоторое время мы шли молча, потом я вновь заговорила:

— Куда мы идем?

— В город. Там возьмем экипаж и вернемся в поместье.

— А воспользоваться теневым переходом нельзя?

— Мне можно. Тебе я бы не советовал.

— Почему?

— Он убьет тебя.

Я споткнулась, но не упала — Самаэль успел ухватить меня под локоть.

— Почему? — повторила я, едва восстановив равновесие.

— Только чернокнижник и его избранница могут перемещаться теневыми переходами.

— Избранница?

— Избранная тьмой. Та, которой по силам разделить с чернокнижником его проклятие.

Голова начала пухнуть, словно подходящая в тепле опара. Каждый ответ рождал лишь новые вопросы, а времени осмыслить их не было — я боялась, что Самаэль в любой миг передумает откровенничать. И будто подслушав мои опасения, он оборвал:

— Хватит расспросов, Эвелин. Дотерпи до поместья, тогда и поговорим. А пока просто держись рядом и не поднимай взор.

Кивнув, я послушно уткнулась себе под ноги.

К границе города мы добрались меньше, чем за час. Оно и неудивительно — дилижанс не успел отъехать далеко. Закрытый экипаж нашелся быстро, и так же быстро мы забрались внутрь и продолжили путь. Всю дорогу Самаэль молчал. Я бросала украдкой любопытные взгляды, но с расспросами не лезла. Вместо этого обдумывала уже услышанное. О теневых переходах, об избранницах тьмы и проклятии чернокнижников... Не думала лишь об одном — о собственном

даре. Я просто не могла принять его, не желала впускать в мысли и сердце страшную правду. Не сейчас. Не сразу.

Когда мы оказались возле главных дверей поместья, Самаэль снова напомнил, чтобы я не смела поднимать взор. Взял меня за руку и провел по коридорам. На втором этаже открыл одну из дверей, пропустил вперед, вошел следом и закрылся на ключ.

— Теперь можешь снять капюшон, если хочешь.

Пока я осматривалась, Самаэль достал откуда-то бутылку вина и два бокала. Наполнил их рубиновой жидкостью и, передав один мне, опустился в кресло с высокой спинкой. Я села напротив. Подумала секунду и скинула на плечи тяжелый капюшон.

— Тьма вокруг вашего поместья... она укрывает поместье или меня в нем?

Самаэль пригубил вина и кивнул.

— Быстро догадалась, — заметил со слышимым одобрением. — Да, тьма окружает не поместье, она окружает тебя. Я не стал бы подвергать своих людей опасности.

— Получается... Товер обезумел из-за меня?

— Смотря, о каком безумии ты говоришь. Ты повлияла на него лишь однажды — за день до того, как я тебя купил. Собственно, в тот день твоя сила и пробудилась.

— То есть с того дня я опасна для окружающих? Но как же дядя Лаур? А тетя Шида? А... — имя Ведара, готовое сорваться с губ, я проглотила. — А все остальные?

Самаэль не спешил с ответом. Снова пригубил вина, качнул бокал, пуская красные волны по пузатым стенкам. Потом заговорил:

— Думаю, чтобы избежать лишних вопросов, стоит начать с самого начала. Ты наверняка знаешь, что чаще всего способности проявляются у высокородных айров. Однако и среди горожан встречаются одаренные. Так, например, мастер Эсбен неспроста стал лучшим из портных: его дар позволяет заговаривать ткань. Пошитые им вещи всегда хорошо сидят, служат долго, иногда даже слишком, — Самаэль усмехнулся, — но главное — заговоренная ткань защищает владельца. От ножа она, конечно, не уберезет, но не позволит завистливым взглядам или пересудам обернуться проклятием.

Он снова отпил из бокала, и я, неотрывно следящая за ним, неосознанно повторила это действие. Вино прокатилось по языку упругой волной, оставило после себя терпкое послевкусие.

— Большинство способностей безобидны. Некоторые, как например дар целителя, полезны. Но есть опасные силы. И такие нам, чернокнижникам, надлежит находить и умирять.

— А ваш дар? Он опасен?

— И да, и нет. Он подконтролен. Только я решаю, кому причинить вред, а кого спасти. Чернокнижников мало. В Нортейне всего двое обладают этой силой. В Хэйраде чернокнижников не рождалось уже два поколения.

— А здесь, в Эйхаре?

— Только я, — в голосе Самаэля отчетливо прозвучала улыбка. — Но речь сейчас не обо мне, и не о моем даре. Есть силы, управлять которыми невозможно. Не носитель решает, когда ими воспользоваться, а сила пользуется носителем.

Я оставила бокал на низкий столик. Пальцы напряженно сжались.

— Всего опасных сил пять — по числу сестер, в которых они проявились впервые. Несмотря на разность влияния, они довольно схожи. Каждая из пяти сил воздействует на окружающих. Но только на тех, чьи лица носитель видит. При этом самому ему ничего не грозит — его попросту не замечают. Единственные, кому носитель опасной силы навредить не может — носителям остальных четырех сил.

— То есть все, с кем я виделась после пробуждения дара... в опасности?

Во рту пересохло. По телу побежали волны мелкой дрожи.

— Не совсем. Как правило, сила проявляет себя, когда носитель неспокоен. Вот сейчас, например, видь ты мое лицо, я бы попал под воздействие. В дилижансе, надо полагать, тебя тоже что-то напугало?

— Не в нем, — я качнула головой. — Я... я видела Товера, убегала от него...

— Что ж, вот и ответ.

Самаэль допил остатки из бокала и налил себе еще вина. Продолжать разговор он не спешил. Я тоже молчала, пытаясь осмыслить услышанное. Получалось плохо. Разум упрямо отталкивал

неприятную правду. Я понимала каждое прозвучавшее слово, но это все словно было не про меня. Словно мы просто ведем беседу об опасных способностях, и Самаэль делится знаниями.

— Как их звали, этих сестер? — спросила я спустя некоторое время.

— Мория, Рабия, Одия, Энвия, Лурия, — сухо перечислил он. — Теперь их именами зовут пробудившиеся в них силы. Мория — дар смерти. Рабия — ярости. Энвия — зависти. Лурия — похоти. И Одия, — Самаэль подался вперед, ко мне. — Дар ненависти.

— Что с ними стало?

— С сестрами? Их убили.

Я не смотрела на Самаэля — уткнулась невидящим взглядом в собственные пальцы, побелевшие от напряжения. В груди тянуло, словно сердце налилось свинцом и теперь стало слишком тяжелым, чтобы выносить его вес. Хотелось согнуться. Сжаться, уменьшиться — спрятаться от пугающей правды. Отталкивать ее становилось все труднее. Она просачивалась сквозь невидимую стену, которую я выстроила вокруг собственных иллюзий, проникала внутрь, отравляла их.

— А что бывает с теми, в ком пробуждается одна из их сил?

— Зависит от государства. В Хэйраде убивают носителей. В Нортейне ограничиваются ослеплением.

Я зажмурилась и закусила губу изо всех сил, чтобы только сдержать рвущийся из груди крик.

— В Эйхаре же их держат в Теневом поместье и ищут решение, — закончил Самаэль.

Отставив бокал, он поднялся и в два шага оказался рядом.

— Посмотри на меня, Эвелин. Посмотри! — повторил требовательно, не дождавшись от меня реакции.

Я не могла пошевелиться. Кусала губы и глядела на свои сцепленные пальцы все более расплывающимся взором.

— Эвелин, — произнес Самаэль мягче, коснулся моего подбородка рукой, заставляя повернуться. — Тебе не нужно бояться. Я пообещал дать тебе будущее, и я сдержу слово. У тебя будет все: и свобода, и право на счастье. Только прошу, доверься мне. Мы оба начали... неправильно. Но я хочу это исправить. Согласна?

Я кивнула, ощутила, как по щекам покатались слезы, и закрыла глаза. Поддаваясь порыву, обняла Самаэля. Неважно, какие мотивы им движут, неважна Айрис и ее ложь, и даже мое будущее, ставшее как никогда туманным, тоже неважно. Сейчас единственное, чего я хотела — чувствовать чужое тепло. Знать, что в этой борьбе со внутренней тьмой я не одна, что, несмотря на трудности, от меня не отказались. Какие бы цели ни преследовал Самаэль, он здесь, рядом, крепко обнимает меня в ответ, дает выплеснуть страх и отчаяние и вместе с тем дарит надежду. Надежду, что когда-нибудь над моей головой вновь воссияет солнце.

— Я верю тебе, Самаэль, — прошептала едва слышно. — Я хочу тебе верить.

Глава 16

Через несколько минут я все же нашла в себе силы отстраниться. Улыбнулась, извиняясь, и взяла со столика бокал. Шершавое горло требовало влаги, однако я не спешила сделать глоток. Задумчиво покачивала пузатые стенки, смотрела на рубиновую жидкость, скользющую по ним. Самаэль отошел к высокому шкафу и, судя по звукам, принялся что-то выискивать: шуршал бумагами, двигал вещи.

— Самаэль, — негромко позвала я, продолжая гипнотизировать вино, — а тот мальчик в дилижансе... почему он не обезумел?

— Есть две возможные причины, — дверцы приглушенно скрипнули, когда Самаэль закрыл их. — Первая: ему пока не знакомо чувство ненависти, а значит, и поддаться ей он не мог.

Вторая: в нем спит одна из пяти сил.

Нахмурившись, я все же оторвала взгляд от бокала и посмотрела на чернокнижника. Он сел в кресло, опустив на столик между нами серебряный ларец с пирамидальной крышкой.

— Вы заберете его в поместье?

— Нет, зачем? — удивился Самаэль, снимая с замка печать. — Даже если предположить, что он действительно носитель, сила пока спит. Да и к тому сомневаюсь, что дело все-таки в этом. Опасные способности пробуждаются редко. За последние сорок лет ты вторая в Эйхаре, кто стал носителем, — откинув крышку, он посмотрел на меня. — Каждый дар сдерживают по-своему. Ярость выжигают кольцом спокойствия. Похоть умирят браслетом холода. Смерть — венцом жизни. Зависть — серьгами безразличия.

— А ненависть? — спросила я, напрягаясь.

— Ненависть душат смирением.

С этими словами Самаэль достал из ларца широкую ленту черного бархата с каплей сапфира на серебряном подвесном кольце. Поднялся и подошел ко мне.

— Позволишь?

Я кивнула, села вполоборота — так, чтобы было удобно застегнуть замочек, — и замерла, чувствуя усиливающееся беспокойство. Вновь вернулись мысли о слабости и о том, что может за ней последовать. Захотелось спросить об Айрис, узнать, что случилось с ней, и какая судьба ждет меня. Однако и мысли, и беспокойство испарились, словно капли воды с раскаленного камня, стоило мне ощутить прикосновение Самаэля.

Мягко переложив мои волосы на одно плечо, он то ли случайно, то ли дразня, провел пальцем по шее. Дыхание перехватило, крошечные волоски на руках встали дыбом. Я почти ничего не слышала — только шум крови в ушах, зато видела все: как мелькнула лента перед глазами, когда Самаэль перекинул ее; как блеснул в свете масляных ламп сапфир; и как начали таять перчатки тьмы на мужских руках.

Артефакт плотно обнял шею, серебряное подвесное кольцо обожгло кожу холодом, но я отметила это лишь краем сознания. Сейчас единственное, что я ощущала отчетливо — прикосновения Самаэля. Его пальцы вновь скользнули по чувствительной коже шеи, поднялись выше, будто примеряясь, на каком уровне лучше застегнуть украшение. Горячее дыхание шевельнуло волоски у меня на затылке, заставило кожу покрываться мурашками. Шум крови в ушах стал громче. Мыслей не осталось. Точнее, осталась лишь одна, которая снова и снова напоминала, что Самаэль заставил перчатки исчезнуть. Откуда-то я точно знала — у этого поступка нет веской причины: того не требовал артефакт или особое таинство умирения силы. Это Самаэль захотел меня коснуться.

К лицу прилил жар, в горле вмиг пересохло. Непроизвольно я сглотнула, и холодный, еще не нагретый моей кожей камень дрогнул, задевая кастом яремную впадинку. Замочек, тихо щелкнув, застегнулся, однако Самаэль не спешил уходить. Он вновь переложил мои волосы, на этот раз на спину, замер на несколько секунд, продолжая меня касаться, едва ощутимо сжал плечи и лишь после этого вернулся в кресло.

Я выдохнула. Вновь уставилась в бокал, стараясь выгадать немного времени, чтобы взять себя в руки. Отстраненно заметила, что несмотря на опасения артефакт не душит, хоть и прилегает к коже довольно плотно.

Наконец я смогла восстановить дыхание и посмотреть на Самаэля. Он выглядел невозмутимо. Сидел, расслабленно закинув ногу на ногу, и явно наблюдал за мной. Пауза затягивалась. Под его пристальным взглядом стало вдруг неловко. Почему-то подумалось, что мои щеки наверняка все еще красные, а значит, Самаэль легко догадается, как его действия на меня повлияли. Стоило об этом подумать, как щеки полыхнули с новой силой. Стараясь отвлечься — и заодно попытаться отвлечь внимание Самаэля, — я заговорила:

— Интересно, почему мой дар не повлиял на Айрис? Ведь в нашу встречу я была взволнована. Или только негативные эмоции высвобождают силу?

Самаэль хмыкнул и немного склонил голову к плечу.

— Опасные способности пробуждаются редко. За последние сорок лет ты вторая в Эйхаре, кто стал носителем, — повторил он сказанную недавно фразу. — Первой же была Айрис.

Сердце подпрыгнуло и забилося быстрее. Мысли взвились, словно потревоженный осиный рой. Айрис носитель? Как? Какой силой она обладает? Поняла ли, что мы похожи?

— Я могу рассказать тебе, — продолжил Самаэль, доставая из ларца крупный перстень. — но слова не передадут всего.

— Что это? — я нахмурилась. — Очередной артефакт для усмирения опасной силы?

— Не совсем. Это артефакт — ты верно поняла. Но только он не для усмирения.

— Для чего тогда?

— Надень и узнаешь.

Перстень лег на стол между нами. В приглушенном свете комнаты черный камень казался почти матовым.

— Бояться нечего, Эвелин. Обещаю.

Я кивнула. Глотнула вина — не иначе как для храбрости — и взяла массивное украшение. Поднесла почти к самому носу, рассматривая, потом надела на указательный палец. В тот же миг перед глазами потемнело. Я дернулась, растерянно взмахнула рукой, но ощутила удерживающие ленты тьмы.

— Не бойся, — повторил Самаэль. — Просто смотри, чувствуй...

С каждым словом его голос звучал все тише. К горлу подступила тошнота, будто во время падения с большой высоты — как тогда, на утесе. Голова закружилась. Я с силой зажмурилась, стиснула кулаки и шумно задышала носом, пытаюсь одолеть приступ дурноты. Через несколько секунд мне это удалось.

Сначала схлынула тошнота, сознание перестало кружиться в стремительном хороводе. А потом и зрение обрело четкость. Точнее...

Я моргнула. Зажмурилась снова и вновь распахнула веки. Осмотрелась.

Самаэль исчез, да и комната, в которой я очутилась, выглядела иначе. Просторная, светлая, с вытянутыми арочными окнами, занавешенными тяжелыми сливово-фиолетовыми шторами.

Большая кровать смята, две подушки валялись на полу, одеяло откинута к ногам. На

украшенной зачарованными цветами ширме висит тонкий шелковый халат.

Тряхнув волосами, я шагнула к нему. Стянула одним движением и накинула на плечи. Мельком глянула в ростовое зеркало и, взяв с тумбы серебряный колокольчик, принялась звонить.

Точнее, зазвонило мое тело. Или даже не мое...

Я пыталась осознать увиденное в зеркале. Черные волосы, большие светло-серые глаза, пухлые губы с треугольными вершинками — это не мое отражение, оно Айрис. Но почему я...

— Вызывали? — испуганный голос вырвал из размышлений.

У входа стояла женщина в одежде прислуги. Голова низко опущена, руки сцеплены и прижаты к животу.

Мои губы искривились.

— Разумеется. Или ты думаешь, мне доставляет удовольствие слушать этот звон, пока ты соизволишь явиться? Приготовь ванну и подай алое дорожное платье.

— Вы куда-то собираетесь?

— Не твоего ума дело, — я — или все же Айрис? — шагнула к женщине. — Посмотри на меня, Ида.

Ее плечи дрогнули, голова склонилась еще ниже.

— Не надо, прошу вас, — выдохнула она испуганно.

— Ну же, И-и-да, это ведь такая мелочь. Я почти забыла, как ты выглядишь. Хочу вспомнить.

— У-умоляю, не надо.

В три шага оказавшись рядом, я схватила ее за подбородок и внутренне возликовала, почувствовав, как она вздрогнула.

— Посмеешь только проболтаться брату о моей вылазке, и я точно полюбуюсь на твое милое личико. Пока ты его себе не выпарапаешь, разумеется, — прошептала я, наклоняясь к самому уху. — Когда рядом нет никого, на кого можно выплеснуть ярость, она обрушивается на тебя саму. Это будет очень забавное зрелище... для меня.

Ида задрожала.

— Ты все поняла?

— Д-да, я буду молчать! Клянусь!

— Вот и славно, — я оттолкнула служанку и развернулась к зеркалу. — Ванна, Ида. Я жду.

Спешно поклонившись, она исчезла. Я улыбку сжала пальцы в замок и с наслаждением потянулась. Страх Иды будоражил, вызывал внутренний трепет. Пьянил сильнее любого вина и заставлял низ живота сладко сжиматься. Так и должно быть. Они должны меня бояться. Меня! Не Самаэля! И сегодня я докажу это всем.

Я не спеша приняла ванну, позавтракала в комнате, не удержавшись перед искушением вновь поддразнить Иду. Оделась и покинула поместье через сад. К сожалению, не всех слуг так легко запугать. Некоторые до собачьей преданности верны брату, умрут за него, если он попросит. И эти шавки точно доложат Самаэлю, что я нарушила его приказ.

Сидеть в четырех стенах? Вот уж нет! Я не стану затворницей!

По саду приходилось красться едва ли не на цыпочках, постоянно проверяя, свободен ли путь.

Но вот, наконец, я выбралась. Оправила платье и вздернула подбородок.

Ты не спрячешь меня, Самаэль! Я не один из твоих артефактов, с которыми ты можешь творить, что захочешь! И судя по всему, судьба со мной была согласна. Стоило выйти на дорогу, как почти сразу же показался наемный экипаж. Я остановила его, не глядя на возничего, сунула в жилистую ладонь золотую монету и забралась внутрь. Сила царапалась в груди, поднаживала посмотреть мужчине в глаза, заставить его подчиниться... но сейчас поместье слишком близко, и привлекать лишнее внимание не стоит.

Как я и приказала, экипаж ехал без остановок до северного разъезда. Там дорога разветвлялась, словно трезубец. В его основании, огороженный невысоким забором, расположился постоянный двор. Добротный, чистый, он всегда был полон гостей. И сегодняшний день исключением не стал — стоило ступить на землю, как слух тут же уловил звуки живой музыки, гомон и смех. Отпустив возничего, я уверенно зашагала ко входу. Туфли тихо шаркнули по каменным ступеням, когда я поднималась, потом глухо стукнули каблуками о дощатый пол. В нос ударили ароматы тушеного мяса, специй, хмеля, яблочного пирога и человеческого пота. Последний заставил поморщиться. Но ненадолго — усиливающаяся в животе щекотка быстро отвлекла от неприятного запаха.

Я неспешно зашагала к маленькой сцене, на которой выступало четверо музыкантов. Две скрипки выводили быструю, зажигательную мелодию, бандонеон и свирель дополняли их песнь. Музыканты топали в такт, постояльцы хлопали, слышались глухие удары тяжелых кружек, радостные выкрики. Однако даже в этом шуме я отчетливо различала стук собственных каблуков. Размеренный, неспешный, уверенный. Такой же, как и биение моего сердца.

Две ступеньки, и я на сцене. Музыканты заулыбались, приветствуя. Я улыбку в ответ. Все во мне задрожало в предвкушении. Чувства натянулись, как струны тех скрипок, что сейчас рождают музыку. Вот только внутри меня звучит совсем другая мелодия. И я хочу, чтобы все услышали ее, прочувствовали красоту каждой ноты.

Сегодня, здесь, сейчас... всего через мгновение все изменится. Они узнают.

Уголки губ дрогнули. Я прикрыла веки, наслаждаясь ощущением, выдохнула. Коснулась пальцами груди над самым сердцем — там, где пульсирует сила, — открыла глаза и взмахнула рукой. Привлеченные движением, многие повернулись в мою сторону. Я снова улыбку.

Внутренне возликовала, услышав, как дернулся смычок и смазал выверенную мелодию фальшью. Несколько кружек с грохотом приземлились на стол. Разносчица что-то недовольно сказала толстяку с рыжей бородой, тот огрызнулся.

Ярость стремительна. Хватит всего несколько искр, чтобы труха человеческих чувств вспыхнула пожаром. Я же стану тем ветром, что разнесет его, раздует и без того голодное пламя и выжжет все вокруг до серого пепла.

Самаэль ошибается — силу, подобную моей, нельзя усмирить. Она стихия, пламя, которое не затушить. И сегодня я заставлю его это понять.

Голоса звучат все недовольнее, злее, музыка — все фальшивее. Наконец, двое торговцев в синих дорожных платках, вскакивают с мест и с рычанием вцепляются друг в друга. Скрип отодвигаемых стульев режет воздух, словно нож для бумаги — запечатанный конверт. Крики, ругань, грохот скинутой посуды... теперь в обедней звучит совсем иная музыка. Созвучная той, что рождается в моей груди.

Ярость разрастается стремительно. Всего минута, и начинается драка. Кто-то кинул бутылку, получил брошенной кружкой в ответ. Кто-то схватился за нож...

Чем безумнее становились люди, тем большее веселье охватывало меня. Я даже не разозлилась, когда один из музыкантов, решив кинуться в общую потасовку, задел меня локтем. Два удара, и

музыкант отлетел в сторону. Снова попал под чей-то кулак и, рыча, попытался достать обидчика. Но судя по всему, силенок у скрипача было мало. Кто-то закричал. Повернувшись в сторону звука, я рассмеялась. Вот это не повезло! Того самого рыжебородого толстяка умудрились приложить о котел, в котором греется вода для постояльцев. Оттолкнувшись от вентилей, толстяк кинулся обратно в драку. Ха, а вот теперь ему повезло — ни один из кранов не открылся. Музыка безумия становилась громче. Я уже не вглядывалась в лица — больше в этом не было нужды: сердца всех в зале уже отравлены яростью. Мимо меня пролетела бутылка. Врезалась в стену и с громким звоном разбилась. Я рассмеялась. Так близко! Но только мне никто не может навредить — дар Рабии защитит носителя. Спрыгнув со сцены, я без страха шагнула в толпу. Шла через нее и чувствовала себя всесильной. Все эти люди подчинились мне, поддались. И теперь только от меня зависит, выживет ли хоть кто-нибудь, или все они сгорят в пламени ярости. Взрыв прозвучал неожиданно громко. Громче криков и людского рычания, громче треска ломаемой мебели. Что-то хрустнуло — я не успела понять, что именно. Услышала свист и ощутила удар в спину. Перед взором взметнулся вихрь темных пятен. А потом мир померк.

Глава 18

Когда я открыла глаза, все изменилось. Исчез охваченный безумием зал, исчезло туманящее рассудок ощущение всесильности. Я снова стала собой, а передо мной вновь сидел Самаэль. И удивительным, совершенно невозможным способом я почувствовала себя в безопасности — он рядом, а значит, все будет хорошо.

— Все в порядке?

Я кивнула. Сняла кольцо и вернула его на столик между нами. Несколько минут еще молчала, потом решила нарушить тишину.

— Она завидовала... тебе, твоей силе и тому страху, что ты вызываешь в людях. Самаэль пожал плечами.

— Скорее, она упрямо не желала принимать ответственность за собственный дар. Но в этом есть и моя вина — я пытался оградить ее от слишком многого, а в итоге заставил поверить, будто все в мире может быть так, как она пожелает.

— Ты не мог предугадать, что в ней проснется дар Рабии.

— И все равно это не отменяет моей вины, — мягко возразил Самаэль. — Но давай лучше вернемся к увиденному. Ты поняла, что случилось?

— Айрис... эм... поддалась искушению силой?

Он шумно выдохнул, явно улыбаясь, и качнул головой.

— Я имел в виду, что случилось в самом конце. Помнишь того хэйрадца с рыжей бородой, которого откинуло на котел? — Я кивнула. — Айрис, увлеченная происходящим, не заметила, что Ивар, хэйрадец, случайно перекрыл кран отвода пара.

— Подожди, — взволнованно перебила я. — Так он и есть тот Ивар?!

То, что такие котлы могут взрываться, не тайна. Особенно, если не стравливать пар. Сейчас же меня гораздо больше волновал хэйрадец.

— Я ведь так и сказал, — снова улыбнулся Самаэль.

— Но зачем Айрис называла его своим возлюбленным?

— Не знаю. Вполне вероятно, понадеялась, что, сбежав, ты отправишься искать его. Сестра всегда умела хорошо «читать» людей. Думаю, увидев тебя, она поняла, на какие эмоции стоит надавить, чтобы толкнуть тебя к хэйрадцу. Вы бы встретились, ты от волнения не сдержала бы дар...

— И убила бы Ивара, — закончила я мрачно.

Самаэль кивнул.

— Я поговорю с Айрис. То, что случилось... такого не повторится.

Я вскинула на живую тьму пристальный взгляд. Откуда-то пришла уверенность, что если Самаэль решил чего-то добиться или что-то узнать, он обязательно это сделает.

— Думаю, на сегодня разговоров хватит, — решил он. — Да и ты выглядишь усталой. Пойдем, я провожу тебя в комнату.

Я поднялась, уткнулась под ноги, не дожидаясь напоминания, и вытянула руку. Не знаю, зачем я так поступила. Это вышло непроизвольно — тело словно перехватило контроль над разумом и сделало что-то без моего ведома. Мелькнула запоздалая мысль, сколь глупо, должно быть, я смотрюсь со стороны. Однако не успела я себя одернуть, как Самаэль поймал мои пальцы и мягко сжал. Потом потянул к выходу.

Дорога почти не отпечаталась в памяти. По сторонам я не глядела, да и под ноги, если признаться, тоже. Единственное, от чего я не могла отвести взгляд — от наших с Самаэлем рук, крепко сцепленных вместе. Лишь когда хлопнула дверь, закрываясь, я смогла вынырнуть из раздумий и осмотреться.

— Это другая комната, — заметила с удивлением.

— Да. Ты больше не пленница. Теперь, зная о себе правду, не думаю, что ты побежишь. Ведь так? — Я кивнула. — Вот и замечательно. Отдыхай.

Отпустив мою руку, Самаэль шагнул к выходу.

— Подожди! А те люди в дилижансе, они в порядке? Я... я не сильно им навредила?

— Ты вовремя меня позвала — ничего не поправимого не произошло. Из города я отправил помощь. С ними все будет хорошо, не переживай.

Сказав это, Самаэль вышел. Я проводила его взглядом, потом снова осмотрелась. На этот раз внимательно.

Новая комната оказалась больше предыдущей. Кровать в ней выглядела мягче, на креслах нашлись небольшие вытянутые подушки под спину. Кроме комода тут стоял шкаф и секретер, на крышке которого выверенным рядом выстроились пять - шесть книг. Ширма, украшенная искусной росписью, скрывала не только стол для умываний, но и ванну. Сейчас она была наполнена чуть мутноватой водой, от которой поднимался аромат солей и масел.

Раньше мне не доводилось пользоваться ими, но, когда выпадала минутка, я старалась забежать в лавку мастера Гральда, в которой всегда пахло чем-то незнакомым, но очень дразнящим.

Десятки пузатых баночек, высотой едва ли

взаперти запахи солей и кремов. Узкие пузырьки эфирных масел, вытянутые деревянные коробочки с красками для лица. Я могла бы провести в лавке мастера Гральда весь день! Открывала бы каждую баночку и запускала бы в нее любопытный нос, как щенок норной собаки. Но обычно забежать в лавку удавалось лишь на несколько минут, потом приходилось спешить дальше — тетя Шида не любила, если я пропадала надолго. Дел в доме всегда было очень много.

Воспоминания о доме заставили сердце болезненно сжаться. Но сейчас, пожалуй впервые, я обрадовалась тому, что дядя меня продал. Страшно представить, что могла натворить моя сила, останься я с ними.

Раздевшись и аккуратно сложив перепачканные вещи на низкий табурет, я залезла в ванну.

Опустила голову на высокий бортик и закрыла глаза, наслаждаясь теплом воды и ненавязчивой сладостью ароматов. Не знаю, сколько я так пролежала, но когда почувствовала, что едва не засыпаю, выбралась, надела чистую сорочку, найденную в комоде, и нырнула в постель. Стоило ощутить мягкость подушки и приятную тяжесть одеяла, как веки тут же сомкнулись.

Проснулась я сама. Потянулась, чувствуя ноющие после вчерашнего побега мышцы, и вдруг замерла. Медленно поднялась с кровати, будто опасаясь испугнуть видение, а потом в несколько быстрых шагов оказалась у окна и раздвинула неплотно задернутые шторы. Яркий свет ослепил — пришлось зажмуриться на секунду, спасая глаза. За окном шумел лес, начинающийся за границей поместья, по прозрачно-голубому небу бежали редкие облака, вдалеке виднелись серые треугольники гор.

В носу и в уголках глаз зацепало от подступивших слез. Какие бы планы ни строил Самаэль, и что бы нас ни ждало впереди, он уничтожил темницу мрака, в которой держал все предыдущие дни. Он тоже решил довериться мне.

Глава 19

Следующая неделя прошла спокойно. Я постепенно училась жить с мыслью об открывшемся даре, расспрашивала о нем Самаэля и думала об Айрис. С ней я пока не виделась. Самаэль крайне неохотно поддерживал разговоры о сестре — намного чаще он просил набраться терпения и не искать с ней новых встреч. Я соглашалась. Теперь, когда все предыдущие поступки Самаэля обрели смысл, страхи истаяли. От сомнений так легко избавиться не удалось, но я училась доверять Самаэлю.

Однако менялась не только я. Самаэль тоже стал прислушиваться ко мне. Когда мог, успокаивал мои волнения, в других случаях — делился уверенностью. Нет, идеального понимания между нами не случилось, но мы оба были готовы идти друг другу навстречу. А в нашей ситуации это уже немало.

В первые дни, когда вновь навалилась слабость, Самаэль провел со мной почти два часа. Он объяснял, как работает артефакт, говорил, что скоро силы вернутся, что нужно лишь подождать... И я ждала. Гнала воспоминания о рассказах Айрис, старалась не думать о ее колесном кресле. Однако вытравить из сердца страхи, успевшие пустить корни, оказалось не легче, чем выкорчевать старый пенек. На шестой день, не сумев встать с постели, я малодушно расплакалась. И даже когда пришел Самаэль, не смогла взять себя в руки. Все, на что меня хватило, — отвернуться и закусить губу, сдерживая всхлипы.

Самаэль опустился рядом. Не обращая внимания на мои попытки воспротивиться, помог сесть, усмехнулся едва слышно и мягко заправил растрепавшиеся после сна волосы мне за ухо.

— Тебе нечего бояться, Эвелин. Слабость скоро пройдет, обещаю.

Я пожалала плечом и вновь отвернулась. То, что слезы никак не получается остановить, злило.

— Не думал, что страхи имеют над тобой такую силу. Когда ты решилась спрыгнуть с утеса, то не колебалась. Даже не испугалась.

— Смерть меня не пугает, в отличие от мертвой жизни. Я не из тех, кто может найти покой в смирении.

— Знаю, — Самаэль улыбнулся. — И этим ты выделяешься. Айдерон небольшой город, а сердца у его жителей и того меньше. Никто бы не выбрал смерть, уж поверь.

Я не ответила, только снова пожалала плечом. На несколько минут комната погрузилась в молчание, потом Самаэль вновь заговорил:

— Что ты помнишь о родителях?

Внезапная смена темы удивила. Я повернулась и вопросительно посмотрела на чернокнижника.

— Почти ничего, — ответила честно. — Мне было пять, когда они погибли, а дядя Лаур говорить о них не любил. Они с отцом особо не ладили, насколько я поняла. Счастье, что он вообще меня принял.

— И ты не пыталась разузнать самостоятельно?

— Пыталась, конечно. Только, как вы верно заметили, Айдерон небольшой город. Много в нем не вызнать.

Самаэль усмехнулся. Я нахмурилась, не понимая причин веселья, тогда он пояснил:

— Ты снова сбиваешься в обращении. Брось, Эвелин, ни к чему эти метания. Раз уж решила сократить дистанцию, не стоит ее снова увеличивать.

— Я же собственность...

— Разве? — в низком голосе прозвучала улыбка. — Что-то я не вижу подтверждающей это печати.

Растерянность обрушилась на меня, как снег, сорвавшийся с крыши. А ведь правда

— Самаэль так и не вернул ее. Забыл, как и я? Или сделал это сознательно? Последний вопрос я озвучила.

— Могу вернуть, если захочешь. Но мне показалось, ты слишком дорожишь свободой, чтобы принять даже намек на ее ограничение.

— Но как же сделка с дядей Лауром?

— Эвелин, в этом поместье не действуют правила остального мира. Тут только мы решаем, что и как будет. И если ты захочешь, здесь ты будешь свободна. Станешь не собственностью, не пленницей, а гостьей.

— Я опасна для окружающих...

— Лишь для тех, чьи лица видишь. Айрис защищает сама ее природа, меня — тьма. А слугам я прикажу не поднимать головы в твоём присутствии. Вот увидишь, все получится.

— У них? Или у меня?

— У нас, Эвелин.

Я смутилась. Ощутила, как вспыхнули щеки, и отвела взгляд, притворившись, что меня заинтересовала маленькая птичка, севшая на уличный подоконник. Сердце отчего-то забилось быстрее.

— Пока наши цели совпадают? — уточнила я, не поворачиваясь.

Самаэль не ответил. И невозможным образом то, что он не сказал: «Да», заставило меня смутиться ещё сильнее. Несколько минут мы сидели в тишине. Самаэль смотрел на меня, я же не могла отвести взгляда от окна. Пусть птичка давно улетела, но пока я не чувствовала в себе сил повернуться. Сердце билось все так же быстро, а щеки ощущались все такими же горячими. Наконец, когда мне почти удалось вернуть самообладание, Самаэль заговорил:

— Не бойся слабости, Эвелин. Она скоро отступит. И когда это случится, мы вернемся к разговору о твоих родителях.

Я посмотрела на него.

— Почему это так важно?

— Потому что у простых горожан не мог оказаться один из десяти амулетов древности, — произнес Самаэль, доставая из кармана медальон моего папы.

Глава 20

Как Самаэль и обещал, слабость начала отступать. Неохотно, едва ли не по капле, но все же я чувствовала, что она тает. Еду мне теперь доставляла служанка — полноватая женщина, чью фигуру я видела лишь краем глаза. Каждый раз, стоило услышать стук в дверь, я отворачивалась. Иногда замуривалась для верности. Дожидалась, когда покрывало примнется под ножками переносного столика, находила его края на ощупь и удерживала их, боясь резким движением опрокинуть бокал или тарелку. Лишь когда дверь закрывалась, я переставала прятать взор и аккуратно садилась.

В эти дни Самаэль почти не появлялся. На вторые сутки он передал со служанкой послание, в котором предупреждал, что занят. Я приняла это известие спокойно и о встречах просить не стала. Однако глубоко в душе — так глубоко, что не признавалась в этом даже самой себе, — я ждала их.

Мне нравились разговоры с Самаэлем. Не всегда понятные, рождающие новые вопросы, они дразнили интерес. И может, думать так излишне смело, но мне казалось, Самаэль стал меня видеть. Не как собственность и не как носителя опасного дара, а именно меня — Эвелин. Нет, он по-прежнему отказывался отвечать, если не был в чем-то уверен, по-прежнему не делился догадками. Но по крайней мере, он понял, что неизвестность порождает страхи, и когда мог, старался меня от них избавить.

На третий день мне наконец удалось встать с постели. Ноги подрагивали, да и в пальцах, нервно сжавшихся на столбике кровати, я не чувствовала силы. И все же я справилась, устояла.

Медленно, едва ли не по стенке, добрела до ширмы и стянула с нее длинный халат. С юбкой и блузой, боюсь, мне пока не совладать, но продеть руки в рукава и затянуть пояс я сумела.

Когда в дверь постучали, я уже сидела в кресле. Крикнула, разрешая войти, и закрыла глаза. Не сдержала улыбки, услышав удивленный возглас Рагны — той самой полноватой служанки.

Дождалась, когда она опустит поднос на низкий стол и выйдет. Оставшись одна, я посмотрела на принесенный завтрак. Каша, политая ягодным сиропом, румяная булочка, чай с брусникой и медом — простая еда, помогающая оправиться после болезни и вернуть силы. Мне такая нравилась.

Я успела опустошить тарелку лишь на треть, когда дверь снова отворилась, на этот раз без стука. Вошел Самаэль. Я улыбнулась, приветствуя, и отставила высокую кружку с чаем.

— Время есть, — произнес он, садясь напротив, — можешь закончить завтрак. Я покачала головой. Есть под его внимательным взглядом не хотелось. Точнее, не хотелось, чтобы он увидел мои манеры. Меня они вполне устраивали: я точно знаю, что не чавкаю, не путаю приборы и не роняю еду изо рта. Но Самаэль мог оказаться из высокородных айров — никто ведь не знает о его происхождении. И рисковать, выставляя себя посмешищем, я не собиралась.

— Благодарю, но я уже сыта, — ответила со сдержанной улыбкой.

Самаэль, как мне показалось, еле слышно ухмыльнулся.

— В таком случае предлагаю вернуться к разговору о твоих родителях. Что ты о них помнишь?

— Немного. Мне было пять, когда они погибли. Кажется, мы тогда куда-то ехали...

— я нахмурилась. — Шел снег... и... и было темно. Да, холодно и темно.

По телу прокатилась волна дрожи, я неосознанно обхватила себя за плечи.

— Ты боишься темноты? — удивился Самаэль.

— Немного, — призналась нехотя. — Кажется, с того времени и боюсь.

— И что же именно тебя пугает?

— Чудовища, что в ней живут. Знаю, что на самом деле их не существует, и то лишь фантазии моего детского разума... но за столько лет мне так и не удалось вытравить этот страх из сердца.

— Чудовища не живут во тьме, Эвелин. Они живут на свету и зачастую носят людские маски. Во тьме же их маски исчезают. Все, что делает темнота — оголяет души. Но она не создает ничего из того, что не существовало бы при свете. Она лишь делает некоторые вещи заметными.

Я пожала плечами, не собираясь спорить о тьме с тем, кому она подчиняется.

— Что еще ты помнишь? — Самаэль вернулся к главной теме.

Я снова нахмурилась и невидящим взглядом уставилась на поднос. Зрение расплывалось, очертания предметов смазывались. Всего несколько секунд, и каша превратилась в белое пятно, а стоящий сбоку чай — в красное. Цвета перемешивались, проступали одно на другом уродливыми пятнами. И чем дольше я за ними наблюдала, тем сильнее все внутри меня сжималось от дурного предчувствия.

— Я... я помню снег и цепочку алых капель. Они вели куда-то... Я пошла по ним, но... — в висках заломило. — Чей-то голос... — я зашипела от боли, тряхнула головой и посмотрела на Самаэля. — Нет, не помню. В мыслях только неясные образы. И пугающая темнота. Ее очень много.

Под пристальным взглядом я поежилась. Сильнее стиснула пальцы на своих плечах, но не отвернулась.

— Если хочешь, я помогу тебе вспомнить, — медленно проговорил Самаэль. — Но это не будет так, как с воспоминаниями Айрис: в них ты разделяла свое и ее сознание. В этот раз, если согласишься, ты снова станешь пятилетним ребенком. И ты снова переживешь смерть родителей. Разница лишь в том, что по окончании ты вспомнишь все.

Сердце болезненно дернулось. Пережить смерть родителей еще раз? Заново пройти сквозь темноту, полную чудовищ?

— Ты не обязана это делать. Если откажешься, я пойму.

— Но как же тогда медальон?

— Есть другие способы все про него выяснить. Потребуется больше времени, но рано или поздно...

— Не надо, — остановила я, качнув головой. — Это мои родители, и я хочу узнать правду об их смерти.

Самаэль кивнул.

— Тогда постарайся расслабиться. Позволь тьме стать твоим проводником в мир воспоминаний. Вдохни ее, прими...

Вместе с последним звуком от Самаэля ко мне зазмеились черные ленты. Полупрозрачные, сотканые будто из тумана, они обогнули стол, очертили ободок бокала и заскользили по моим рукам вверх. Я неотрывно следила за ними, в волнении сжимая пальцы на подлокотниках

кресла. Когда первый черный хвост оказался у моего лица, я зажмурилась. Сжалась напряженно и, кажется, даже дышать перестала.

— Эвелин, если хочешь увидеть прошлое, тебе придется впустить тьму. Только так я смогу помочь.

Я кивнула, разумом понимая и признавая правоту Самаэля. Однако стоило мне приоткрыть один глаз и увидеть подрагивающий перед носом туманный кончик, как разум отступал под натиском эмоций.

— Нет, так не пойдет.

Самаэль щелкнул пальцами. Через ресницы, все еще не находя в себе смелости открыть глаза полностью, я следила, как туманные ленты возвращаются к хозяину. Лишь когда они исчезли, слившись с плащом, я смогла спокойно выдохнуть.

— Если не готова, стоило сказать об этом сразу.

— Готова! — возразила поспешно. — Я хочу это сделать! Просто... просто к такому способу необходимо привыкнуть. Мне нужна минута, может, две. Я справлюсь, обещаю...

Самаэль качнул головой. Посмотрел на меня пристально и усмехнулся.

— С тобой не бывает просто, да, Эвелин?

Он поднялся и шагнул ко мне. Я не успела спросить, что он имел в виду — Самаэль оказался рядом и, наклонившись, накрыл мои губы поцелуем.

Глава 21

Мужская ладонь скользнула мне на затылок. Самаэль словно опасался, что я попытаюсь вырваться, и готовился удержать. Вот только я не вырывалась — замерла пойманным зверем и расширившимся от удивления глазами смотрела в живую тьму. Прикосновения Самаэля были мягкими, но вместе с тем настойчивыми. Обняв меня за талию, он притянул к себе, заставил прогнуться, прижаться к нему.

Моих губ лишь раз касались чужие губы — губы Товера. Тогда это вызвало отторжение и страх, сейчас же в душе рождались совсем иные чувства. Пальцы дрогнули, когда я, еще неуверенно, стиснула их на плаще Самаэля. Прижалась теснее и закрыла глаза. Я не хотела ничего видеть, не хотела пытаться разглядеть хоть что-то сквозь тьму чернокнижника.

Единственное, чего я желала — прочувствовать каждый миг. Запомнить ощущение щеколки в животе и незнакомого прежде трепета; того жара, что посылает по телу ладонь Самаэля на моей талии. Нос защекотал аромат терпкого парфюма, горло стянуло жаждой. Когда моих губ коснулся язык Самаэля, я с готовностью раскрылась навстречу. Вдохнула его дыхание и сильнее ухватила за крепкие плечи. Голова закружилась.

Поцелуй завершился так же внезапно, как и начался. Убрав руку с моего затылка, Самаэль отстранился. Придержал меня, не давая упасть, и мягко поправил выбившиеся на лицо пряди. Я открыла глаза. Попыталась сфокусировать взор, но мир вдруг завертелся, словно лошади на ярмарочной карусели. Единственное, что я успела заметить, прежде чем провалиться в беспмятство, — нити тьмы, тянущиеся от губ Самаэля к моим. Сердце кольнуло обидой. Он снова меня провел.

Неудобно! До чего же неудобно в этой тяжелой одежде! И шарф этот, и пуговицы... Пыхчу, пытаюсь стянуть с шеи вязаную змею. Громко пыхчу, выразительно. Наконец, меня замечают.

— Эвелин, дорогая, тебе сейчас нельзя раздеваться. Ты ведь только недавно переболела красной лихорадкой.

Мама пытается строжиться, но она всегда сдается, если попытеть чуть старательнее. И я стараюсь. Тяну за красный вязаный кончик и не свожу с нее упрямого взгляда.

— Ронвальд, — она поворачивается к папе, который сейчас что-то снова разглядывает в своей большой записной книжке.

Как-то я попыталась до нее добраться — интересно же, что папа там смотрит изо дня в день! — но меня быстро поймали и наказали никогда не притрагиваться к этой вещи. Мне редко что запрещали, но если уж такое случалось — значит, трогать действительно нельзя.

— Ронвальд, — зовет она снова.

На этот раз папа отрывается от изучения книжки. Закрывает ее и поворачивается ко мне. Я улыбаюсь, широко и довольно. Мне нравится, когда папа на меня смотрит. Он красивый! И все говорят, что мы похожи. У меня такие же, как у него, глаза! Цвета рябюзы! Или бирюзы? Ай, неважно!

— И что же вы, моя дорогая, удумали безобразничать?

Папа всегда разговаривает со мной как со взрослой! Я выпрямляю спину, старательно развожу плечи и приподнимаю подбородок. Да, вот так. Как взрослая!

— Разве вам непонятно, почему не стоит сейчас раздеваться? В экипаже дует, а после болезни любой человек ослаблен.

Папа смотрит осуждающе. Он не строжится, как мама, но его и не разжалобишь пыхтением. Сложно!

— Шарф колючий, — признаюсь я нехотя.

— Но он необходим.

— Зачем? У платья высокий воротник, мне не холодно. У мамы тоже высокий воротник, и она не носит шарф.

Папа улыбается, наклоняется и доверительно шепчет:

— Это потому, что у мамы нет медальона, который нужно хранить.

— И у меня нет. Вот был бы, я бы хранила, — киваю важно.

— И шарф бы носила?

— Конечно.

Смешные у папы вопросы. Кто бы не носил шарф, если бы ему доверили спрятать под ним что-то важное? Все бы носили!

— Что ж, тогда держите, моя дорогая.

Папа снимает что-то с шеи и собирается протянуть мне, но его останавливает мама.

— Ронвальд, а это не подвергнет ее опасности?

— Она уже в опасности, дорогая. Хальдор никогда не ошибается. Значит, и насчет Эвелин он сказал верно.

Мне не нравится их разговор. Они хмурятся, оба выглядят беспокойными. Мне не нравятся, когда они беспокоятся. Их нужно отвлечь!

Я спрыгиваю с сиденья, ныряю под него и достаю плетеную корзину, накрытую сверху шалью. Шустро открываю и вытаскиваю оттуда толстяка Бигда. Ух, тяжелый! Зато пушистый-препушистый!

Глядя на него, мама улыбается, и я довольно улыбаюсь в ответ. Вот, она уже не беспокоится!

Саживаю Бигда на сиденье и поворачиваюсь к папе. Он смотрит внимательно, долго-долго.

Наконец, он протягивает мне кругляшок на цепочке. Ух ты! Какой красивый!

— Это не простое украшение, Эвелин...

И столько линий! И вон те две так смешно переплелись, как вермишелины в тарелке!

Интересно, а их можно распутать?

— ... поэтому ты должна беречь его...

Ух, как он отблескивает на свету! Пряма начищенная монетка! Точно, монетка! Что же папа медлит? Почему не надевает мне на шею?

— Ты все поняла, Эвелин?

— Да-да!

Что же тут непонятного? Беречь подарок, никому не показывать. Я ж не маленькая

— знаю, как хранить секреты!

Папа снова смотрит долго, хмурится. Я тоже начинаю хмуриться. Он что, передумал отдавать мне монетку? Или ему тоже хочется погладить Бигда?

Папа качает головой и все же надевает мне на шею монетку. Прячет ее под одежду и поправляет этот дурацкий шарф. Уф, теперь не снять. Пообещала же.

— Как думаешь, далеко еще? — спрашивает мама.

— Нет, через полчаса остановимся. Но ненадолго, — тут же добавляет он. — Мы не можем медлить.

Мама кивает. Они снова хмурые. И даже Бигод их не радует. Странно. Разве этот толстяк может не радовать? Он же такой пушистый и мягкий! И мурчит громко-громко! Я забираюсь на лавку к Бигду и принимаюсь наглаживать рыжий бок.

Мы едем долго. Очень долго, но наконец останавливаемся. Папа хотел посадить Бигда обратно в корзину, но я упростила оставить его мне. Я же большая, я справлюсь! И папа это знает. На улице темно и холодно. Бигод прячет нос в моем колючем шарфе. Вот смешной! Папа с кем-то разговаривает. Мама постоянно оглядывается. Интересно, разве ей хоть что-нибудь видно в такой темноте? Нас приглашают войти внутрь какого-то дома. Он мне не нравится — там грязно и плохо пахнет. Но зато там горит свет. Внутри много столов и лавок, но все пустые. Еще бы! Темно ведь, поздно. Все наверняка спят, как маленькие.

Мы садимся за стол, я спускаю Бигда на лавку. Глажу мягкий бок и чешу за ушами. В доме тепло, дурацкий шарф теперь мешает еще больше, но я терплю. Я ведь обещала.

Папа просит принести поесть. Мама снова хмурая. Гладит меня по голове, но даже не смотрит на нас с Бигдом — только на дверь. И чего в ней может быть интересного? Я тоже принимаюсь ее разглядывать. Смотрю долго, старательно, все пытаюсь понять, чем она так нравится маме? Еду приносит толстая дама. Точнее, хочется назвать ее словом, которое я слышала от нашего конюха — «баба». Папа говорит, это грубое слово, и повторять его нельзя. Но как звать тех, кто совсем не похож на опрятных дам? Она мне не нравится. Вот и Бигод на нее шипит. Стоит ей подойти еще ближе, как Бигод спрыгивает на пол. Я спрыгиваю следом. Нельзя его упустить! А то папа подумает, что зря мне поверил и перестанет разговаривать со мной, как со взрослой. Глупый Бигод бежит к самой двери. Тут кто-то входит, а Бигод юркает в щель.

— Стой!

— Эвелин!

Мамин крик я почти не слышу — сама кричу громче, пытаюсь вразумить рыжего толстяка. Он бежит быстро, но и я не отстаю! Папа точно меня похвалит, когда я вернусь с Бигдом!

В темноте кота плохо видно. Но я все же догнала и отыскала его в углу какой-то постройки. Тут сыро и пахнет еще хуже, чем в доме. Надо возвращаться, иначе мама снова будет хмуриться — она не любит, если я пропадаю надолго. Почему-то боится.

Ух, а по снегу-то тяжело идти! А когда бежала и не замечала вовсе. Толстый Бигод сидит на руках, вновь уткнувшись носом в шарф. Найти дорогу обратно легко — нужно только идти на свет. Ого! Далеко мы с Бигдом убежали!

— Вот сейчас из-за тебя заругают нас обоих, — бурчу я на него. — Вернемся, посажу в корзину! Вон, слышишь, уже мама кричит. Явно злится... Эх, точно достанется.

Холодный ветер заставляет Бигда дрожать, и я обнимаю его крепче.

— Не бойся, — шепчу уверенно. — Долго ругаться они не станут.

Чем ближе дом, тем более вытянутые тени изрезают снег. Совсем как линии на моем медальоне-монетке. Но только почему-то, глядя на них, становится страшно. Голые деревья качаются, скрипят недовольно. Свист ветра звучит рассерженно. И мама почему-то больше не кричит. Увидела, что я иду? Тогда надо поторопиться!

Возле порога снег весь в красном. Я останавливаюсь, не решаясь сделать последние шаги — пройти по грязному снегу и толкнуть скрипучую дверь. Но вдруг она открывается сама.

Появляется кто-то большой. Свет из-за его спины яркий, и я не вижу лица.

— Проклятье! — низкий голос хрипит. — Ты не говорил, что они с ребенком!

— Думаешь, мне кто сказал? Заказ был на Ронвальда и его бабу.

Бабу? Он знает нашего конюха?

— Валим давай, пока никто не засек. Мочи девку и вперед.

— Не подписывался я на такое! Детей не трогаю.

— Тогда забирай. Или брось ее тут, сама подохнет. Только рожай быстрее, недосуг нам ляды точить!

Тот, что стоит в проходе, делает шаг ко мне. Красный снег продавливается под его ботинками. Я отступаю, крепче прижимая Бигда.

— Тише, маленькая, не бойся. Я не обижу. Твои родители не смогут больше о тебе заботиться, теперь это буду делать я. Папа велел передать, чтобы ты вела себя хорошо и слушалась. Ты ведь уже большая?

Я останавливаюсь и важно киваю. Вот! Папа всем говорит, что я большая!

— Ну. иди сюда, — он сам подходит и подхватывает меня на руки, куда-то. Не бойся, — повторяет тихо. — Дядя Лаур не обидит...

Тьма рассеивалась медленно. Густым туманом стягивалась к Самаэлю, обвивала его змеей и впитывалась в плащ. А может, и в самую суть чернокнижника — кто знает?

— Ты видел? — глухо спросила я.

Самаэль кивнул. Молча отошел к двери, открыл ее, взмахнул рукой, спуская новые черные ленты, и вернулся. Я следила за ним, не до конца осознавая, что он делает и зачем. В сердце поселилась пустота, пожирающая эмоции, мысли, чувства... саму жизнь. Пальцы не подрагивали, не сжимались в кулаки — я вообще их не чувствовала. И в то же время каждый миллиметр тела ощущала бесконечно тяжелым. Плечи опустились, спина согнулась, словно под грузом.

В дверь постучали, попытались было войти, но Самаэль криком приказал оставить поднос за дверью. Затем пошел и забрал его сам. Опустил на столик между нами, откупорил бутылку, шумно плеснул в низкий бокал, силой сунул его мне в руки.

— Пей, — не попросил — приказал он. Однако я не пошевелилась. — Эвелин, пей!

Я качнула головой. Тогда Самаэль забрал бокал, приник губами сначала к нему, а потом — к моим губам. Мне в рот полилась жгучая жидкость. Я закашлялась, оттолкнула Самаэля.

Согнулась, пытаюсь отдышаться, и вскинула на него гневный взгляд.

— Думаешь, так можно решить все проблемы? — я рывком вскочила с кресла. Тело словно забыло о слабости, с которой еще недавно так отчаянно боролось. — Считаешь, это весело? Снова потешаешься надо мной? Зачем, Самаэль? Ты купил мое тело у того, кто убил моих родителей, но не смей — не смей! — пытаться заполучить мою душу. Хватит... Самаэль, хватит... — мой голос дрогнул.

— Чего хватит, Эвелин?

— Хватит тайн, — я закрыла лицо руками. — Хватит ломать мою жизнь, хватит неизвестности... хватит темноты.

Руки Самаэля скользнули мне на спину и силком притянули к мужской груди. Я упрямо дернулась, попыталась вырваться, но Самаэль не отпустил. Напротив — прижал к себе еще крепче, едва ли не вдавил в собственное тело. В нос забились ароматы терпкого парфюма и уже привычного жженого дерева. Прижавшись щекой, я слушала ритмичное биение сердца Самаэля, искала спасения в этом звуке. Словно он, такой уверенный и сильный, может защитить меня от чудовищ, живущих во тьме.

Хотелось спрятаться. От них, от правды, от страха перед прошлым и будущим. От себя самой. Не думая, я раздвинула полы дорогой ткани и нырнула под нее. Укрылась плащом Самаэля, ощутила, как его тьма ожила, укрывая меня еще плотнее; как крепче сжались сильные руки. В груди рождался даже не плачь — вой. Я пыталась сдержать его, честно. Но не смогла. Он вырывался из тела, царапая горло, драл душу, словно обезумевший зверь, едва ли не выворачивал меня наизнанку. Ноги вмиг сделались ватными, колени подогнулись. Однако я не упала.

— Самаэль не позволил мне этого сделать, продолжая крепко удерживать в кольце своих рук.

Не знаю, сколько я кричала. В какой-то момент сил просто не осталось. Я затихла, уткнулась в грудь Самаэля и еще несколько минут вслушиваясь в его учатившееся сердцебиение. Потом он подхватил меня на руки. Отнес к дивану у окна, усадил бережно и, вернувшись к столику, вновь всунул мне в руки бокал. На этот раз я не стала дожидаться приказа. Зажмурилась и опрокинула в себя остатки. Сорванное криком горло обожгло, но невозможным образом дышать стало легче.

Самаэль взял бутылку и второй бокал, наполнил его, плеснул немного в мой и опустил рядом. Заговаривать не спешил. Я тоже молчала. Пустота в груди никуда не делась — она все так же тянула, болезненно пульсировала по краям, словно рана. Но теперь я не растворялась в ней.

— Как думаешь, — спросила через некоторое время, — зачем дяд... Лаур забрал меня?

— Может, подумал о сыне. Вы ведь ровесники? — Я кивнула. — А может, решил, что ты будешь полезна. Насколько я понял, все домашние дела были на тебе?

— На мне и тет... Шиде.

Было странно осознавать, что те, кого я последние тринадцать лет звала дядей и тетей мне никто. Не просто никто — чудовища, лишившие меня семьи.

— Нанять прислугу было бы дороже, — заметил Самаэль, глядя поверх бокала. Губы изогнулись в горькой ухмылке.

— Какая выгодная у него тогда выдалась ночь! И дело выполнил, и маленькую помощницу подобрал. Непонятно только, почему он меня продал, раз так замечательно все просчитал.

— Потому что я ему приказал, — ответил Самаэль и пояснил: — Деньги вторичны. Власть чернокнижника позволяла забрать тебя и без компенсации. Но я не хотел пользоваться этим правом в полной мере.

— Почему?

Вместо ответа он качнул головой и сделал новый глоток. Наверное, в другой ситуации я бы попыталась вызнать причины. Сейчас же лишь безразлично повела плечом. Взгляд скользил по предметам, полу, мебели, ни на чем особо не задерживаясь. Мыслями я вновь была там — где-то между городами, у крыльца постоянного двора, прижимала к себе дрожащего кота и смотрела на замершего в дверном проеме чудовища.

— Я хочу поговорить с Лауром, — произнесла глухо. — Хочу посмотреть ему в глаза, узнать, как он жил все эти годы, что чувствовал, мучила ли его совесть...

— Уверена, что хочешь именно этого? — сухо уточнил Самаэль. — Посмотреть ему в глаза... с твоим даром ты должна понимать, чем это закончится. Желаеть ему смерти? Верю. Как и Товеру, надо полагать. А Шиде? — он наклонился, приближая свое лицо к моему, будто пытался заглянуть не в него, а в мою душу. — Другим ее сыновьям? Соседям, что заглянут на шум? Что, маленькая Одия, готова уничтожить всех, кому не повезет оказаться рядом? А как потом будет жить ты? Будет ли совесть мучить тебя?

Я зло прищурилась.

— А что мне сделать? Простить его? Смириться? Забыть? Ни за что! Моих родителей не вернуть, но я хочу хотя бы понять, за что он поступил так с ними!

— Понять и отомстить — не одно и то же. Держи ненависть в узде, Эвелин. Иначе она подчинит твою волю. Не забывай, каким даром владеешь.

Я не ответила — только сжала губы в немом протесте. Самаэль качнул головой.

— Наберись терпения. Я выясню все, что знает Лаур — это не займет много времени. Вот только сомневаюсь, что с него будет толк — исполнителей не посвящают в детали. Чтобы разобраться в случившемся, придется выяснить, кем были твои родители, куда они ехали и от чего хотели тебя спрятать. Имя Ронвальда звучит знакомо... Кажется, мне уже доводилось его слышать.... Не уверен. А вот насчет Хальдора сомнений нет. С ним я встречался. Он чтец сути. Редкий дар. Редкий и очень мощный. Я постараюсь разузнать, где старик обитает сейчас.

— А что потом?

— А потом, Эвелин, мы вернем тебе ту жизнь, которой тебя лишили.

Глава 23

Самаэль пробыл со мной еще почти час. Выспрашивал о прошлом, заставлял пересказывать пережитое, словно не видел всего моим глазами. Но вместе с тем он заставлял меня выговориться. Вытягивал из меня ненависть, словно темную нить из радужного полотна. Не ради Лаура — ради меня. Чтобы не позволить поддаться собственному дару, не дать ненависти ослепить разум.

Перед уходом, уверившись, что я держу опасные чувства под контролем, Самаэль разрешил свободно перемещаться по поместью. Предупредил, что его тьма будет рядом, и если только ощутит опасность — укроет меня коконом. Я согласилась. Проводила чернокнижника задумчивым взглядом и нахмурилась.

Почему он помогает мне? Глупо отрицать, без его помощи я бы не справилась... но зачем это ему? Наши интересы совпадают — так он говорит. Но какие они — эти интересы? Разве

Самаэль знал про медальон, моих родителей и прошлое, когда заключал с Лауром сделку? Сомневаюсь. Значит, причина кроется в моем даре. И есть только один человек, помимо меня, кто обладает похожим проклятием — Айрис.

Пошатываясь, я подошла к комоду и вытащила новые вещи. Интересно, они тоже ее? Мысль мелькнула и исчезла, не задержавшись в голове даже на секунду. Страх повторить судьбу Айрис растаял бесследно. После увиденного и пережитого для него попросту не осталось места: ни в разуме, ни в сердце.

Юбка оказалась длинновата. Пришлось подвернуть ее в поясе и крепче затянуть ремнем. Мятно-зеленая блузка с узкими манжетами, доходящими до середины предплечья, села как родная. Я оправила кружевной ворот, подрагивающими от слабости пальцами застегнула последнюю пуговицу, расчесалась. Волосы заплетать не стала. Да, разгуливать в таком виде по поместью неприлично, но при необходимости за ними можно спрятаться — наклонить голову и укрыться от окружающих светлой завесой. И мне неважно, как это будет смотреться со стороны. Главное — контролировать собственный дар и не дать ему даже шанса навредить хоть кому-нибудь.

Чулки и туфли я надевала уже сидя в кресле. Закончив, позволила себе минутку отдыха, потом поднялась и, придерживаясь мебели и стен вышла в коридор. Тьма тут же взвилась вокруг меня. Но не зло или пугающе, как раньше, а скорее — как сторожевой пес, держащийся на чеку. Она не стала скрывать от меня убранство поместья. Я впервые смогла разглядеть деревянные панели, укрывающие нижнюю половину стен, и шелковые тканевые обои — верхнюю. Картины в тяжелых рамах, узкие вытянутые столы на тонких ножках и низкие вазы с букетами осенне-ярких грайверий.

Стоило сделать шаг, как тьма послушно заскользила следом. Она держалась чуть позади, стелясь вдоль подола юбки и над головой, будто грозовое облако. Даже проникающий сквозь окна дневной свет не мог разогнать ее. Точнее, казалось, солнечные лучи не смели прикоснуться к ней. Они будто рассеивались в нескольких сантиметрах от живой, постоянно меняющей форму границы.

Я дошла до лестницы. Осторожно, придерживаясь за перила, спустилась и огляделась.

Интересно, где коридор, по которому я брела когда-то, слепо шаря руками в темноте? Я помню дорогу от старой комнаты, но отыскать путь от новой, кажется, мне не по плечу. Может, это знак, что мне не стоит видиться с Айрис?

В груди пойманной птицей забилося беспокойство.

Один раз она уже провела меня. Одурачила, поймав на удочку сомнений и страхов. Нельзя допустить этого снова. Что бы ни сказала Айрис, я перепроверю каждое слово, прежде чем решить, стоит ему верить или нет.

Кивнув в такт мыслям, я смело шагнула за новый поворот. Миновала половину коридора, почти дошла до очередной лестницы и остановилась, заметив поднимающуюся служанку. Ту самую, что приносила мне еду, когда слабость была особенно сильна.

— Рагна, — окликнула я, опуская голову и закрывая глаза.

Несколько секунд в коридоре раздавался лишь звук торопливых шагов, потом прозвучал и голос:

— Да, госпожа?

Рагна всегда обращалась ко мне с почтением. И честно признаюсь, это смущало. Несколько раз я пыталась убедить ее этого не делать, но в этом вопросе она оказалась непреклонна.

— Я ищу Айрис. Не проводишь меня в ее комнату?

Рагна замялась. Я слышала, как она в волнении сжала передник, как тихо вздохнула, явно пытаясь решить, помогать мне или нет. И наконец прошептала:

— Зачем вам к ней, госпожа? Госпожа Айрис... в дурном настроении последние дни.

Я хмыкнула. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что привычки Самаэля начали передаваться и мне. А возможно, не видя лиц или зная, что твое лицо скрывает тьма, — это единственный способ дать собеседнику понять свое настроение.

— С моего возвращения, надо полагать?

Рагна не ответила. Но, как мне показалось, выдохнула чуть громче, будто согласно улыбаясь.

— И все же я хочу с ней увидеться. Самаэль ведь не запрещал этого?

— Нет, госпожа.

— Тогда, пожалуйста, проводи меня к ней.

— Конечно. Госпожа, вы позволите взять вас за руку?

Я улыбнулась, услышав робость в голосе Рагны. Кивнула и первой протянула ей ладонь. Пальцы у Рагны оказались шершавыми, но теплыми. Да и само прикосновение вышло удивительно заботливым.

Мы двигались неспешно. Каждый раз перед поворотом или ступенькой, Рагна предупреждала заблаговременно и начинала идти еще медленнее. Наконец, миновав две лестницы и несколько коридоров, мы остановились.

— За этой дверью, госпожа, покои госпожи Айрис, — произнесла Рагна шепотом. — Мне проводить вас внутрь?

— Нет, дальше я справлюсь сама.

— Спасибо, госпожа, — выдохнула Рагна, не скрывая облегчения.

Отпустив мою руку, служанка двинулась в обратную сторону. Я выждала, пока звук ее шагов стихнет, открыла глаза и постучала. Едва получив разрешение войти, повернула ручку и переступила порог.

Комната выглядела точно так же, как в мои прошлые визиты. И как тогда Айрис ожившей куклой, дорогой и прекрасной, сидела в кресле. Но кое-что изменилось. В глубине серых глаз больше не читалась печаль или обида — теперь в них полыхало холодное презрение.

— Что, Одия, ноги тебя еще слушаются?

Тон тоже изменился. Зазвучал надменно, ядовито.

— Как видишь, — ответила спокойно.

Не дожидаясь приглашения, я дошла до низкой софы и села. После долгого блуждания по коридорам и лестницам слабость давала о себе знать, но я не собиралась показывать этого Айрис. Пусть лучше считает меня наглой, чем слабой.

— Думаю, мне стоит тебя поблагодарить, — я сдержанно улыбнулась. — Если бы не побег, Самаэлю потребовалось бы больше времени, чтобы выяснить природу моего дара.

— И ты думаешь, это хорошая новость? — Айрис фыркнула. Посмотрела на меня внимательно и довольно прищурилась. — Ты ведь понятия не имеешь, почему он тебя купил, верно? Поэтому и пришла — боишься, что причина тебе не понравится.

— Не думай, что я вновь поверю в твои сказки.

— Этого я и не жду. Но сделай нам обeim одолжение — сходи в библиотеку. Она на втором этаже, третий коридор, четвертая дверь по правой стороне. Двустворчатая, с резьбой — не ошибешься. Пятый стеллаж от входа по левую руку. Вторая полка снизу, самая толстая книга.

— Что я должна в ней найти?

— О, ты поймешь, — Айрис вновь улыбнулась, на этот раз с нескрываемым предвкушением.

— И когда поймешь, возвращайся... Нам будет что обсудить.

Глава 24

Однако ни в этот день, ни на следующий попасть в библиотеку не получилось. После разговора с Айрис я чувствовала себя выжатой. На то, чтобы подняться с кресла и как ни в чем не бывало выйти в коридор, ушли все силы. Там меня подхватила Рагна, которая, как оказалось, предусмотрительно держалась неподалеку. Она же помогла мне вернуться в комнату и забраться в постель. Стоило ощутить приятную тяжесть одеяла, я тут же заснула.

Проснулась я ближе к вечеру. Съела принесенный ужин и уже хотела было встать, чтобы отправиться в библиотеку, но Рагна меня остановила, передав наказ Самаэля не покидать комнаты. Так быстрее вернутся силы, как пояснила Рагна. Спорить я не стала.

Весь следующий день тоже пришлось провести в четырех стенах. Однако я не скучала — Самаэль передал мне книги. Большая часть из них оказалась дамскими романами, но на удивление первая же история сумела увлечь. Погрузившись в нее с головой, я едва ли заметила, как пролетел день.

За окнами догорал закат, когда дверь в комнату бесшумно отворилась, впуская Самаэля. Я отложила роман и приветливо улыбнулась. Но улыбка почти сразу истаяла, уступив место

беспокойству. Как и всегда, лицо Самаэля скрывала тьма, но откуда-то я точно знала: он хмурится.

— Что-то случилось?

С ответом мужчина не спешил. В полной тишине пересек комнату, опустился на край кровати и еще несколько томительно долгих секунд всматривался в мое лицо. Потом заговорил:

— Я виделся с Лауром.

— И? Удалось узнать что-нибудь важное?

— Нет. Как я и предполагал, его никто не посвящал в детали. А спрашивать он не стал — привык не задавать лишних вопросов.

— Он... продолжает убивать?

Самаэль качнул головой.

— Перестал, когда накопил на собственную лавку.

По языку разлилась горечь. Так он убивал ради этого? Ради какой-то лавки? Скольким жизням пришлось оборваться, чтобы Лаур начал торговать скобами, крючьями да задвижками?

В груди закололо, словно сердце превратилось в ежа. Сделать вздох вдруг оказалось неожиданно больно.

— Что с ним будет? — спросила я, разглядывая свои пальцы, сцепленные в замок поверх одеяла.

— Пока ничего.

Я вскинулась и неверяще уставилась на Самаэля.

— Ничего? Ничего?!

— Пока ничего, — поправил он. — Лаур знает, что его прошлое больше не тайна. Он боится, ждет немедленной расправы... Так зачем угождать ему, потакать? Пусть ждет, пусть боится. А как сможешь усмирить ненависть, мы вернемся к разговору о его наказании.

Я шумно выдохнула, чувствуя, как еж в груди сильнее встопорщил колючки. Пришлось замереть, чтобы только не позволить им проткнуть меня. Самаэль едва заметно шевельнул рукой, и дверь за его спиной укрыла тьма. Глянув вбок, я убедилась, что окна тоже оказались затянуты черной пеленой.

— В такие моменты ты становишься особенно опасной, — пояснил он свои действия. — Артефакт еще не настроился на тебя и не может в полной мере обезопасить окружающих. Я замерла. Несколько мгновений, не веря, глядела на Самаэля, потом осторожно коснулась камня.

— То есть я смогу... быть как все?

Самаэль усмехнулся.

— Нет, Эвелин, как все ты не будешь. Но сможешь перестать прятать взгляд, едва слышав чужие шаги. Однако это не все новости, — продолжил он, не дав мне ни осознать услышанное, ни поблагодарить.

Запустив руку в карман плаща, Самаэль вытащил знакомый кругляш, изрезанный линиями.

— Ты знаешь что-нибудь об амулетах древности? — Я покачала головой. — Всего их десять, по числу древних родов. И каждый такой амулет передается внутри семьи от главы рода к наследнику.

— Выходит, мой папа был... главой такого дома?

— Может быть. А может, амулет оказался у него вопреки традициям.

Мне потребовалась секунда, чтобы осознать, на что намекает Самаэль. А едва осознав, я задохнулась от возмущения.

— Мой отец не вор!

— Мы не можем этого знать, — мягко возразил он. — Чтобы докопаться до истины, придется проверить все варианты. В Эйхаре древних домов всего два. Ни в одном из них никогда не было Ронвальда. Амулеты на месте — в этом я убедился лично.

— Но... — я нахмурилась, — откуда тогда мой медальон?

— Видимо, оттуда же, откуда и твоя семья. Ты не из Эйхара, Эвелин. Не знаю, направлялись ли твои родители сюда или оказались тут проездом — это еще только предстоит выяснить.

— Как?

Самаэль не ответил. Но я и сама догадалась.

— Лаур сказал, где они... напали?

— Да. Теперь можно проверить все проходящие пути. Твои родители торопились — значит, они вряд ли выбрали окружную дорогу. А прямых направлений там немного.
Я снова опустила взгляд и уставилась на свои руки, лежащие поверх одеяла.
Всего несколько недель назад все казалось таким простым и понятным. Я знала, кто я, откуда, кто моя семья. У меня было прошлое, пусть и не самое радостное. Сейчас же у меня нет ничего — одна лишь неопределенность. Все, во что я верила, оказалось ложью. Я словно лист, сорванный с дерева и подхваченный штормовым ветром. Остается только надеяться, что ураган не унес меня слишком далеко от дома.
На мои пальцы опустилась затянутая в перчатку ладонь.
— Мы во всем разберемся, Эвелин. Вот увидишь. К тому же, — в низком голосе отчетливо прозвучала улыбка, — ты ведь не услышала главную новость.
Я с опаской посмотрела на Самаэля. Его новости начинали пугать.
— Я знаю, где будет Хальдор через пять дней.
Хальдор? Чтец сути?
— Да, Эвелин, — ответил Самаэль на незаданные вопросы, явно догадавшись о моих мыслях. — Уже через пять дней мы узнаем, от чего твои родители так стремились тебя уберечь.

Глава 25

Поначалу новость меня обрадовала. Однако чем дольше Самаэль говорил, тем менее радужными казались перспективы. Встретить Хальдора, как выяснилось, задача не из простых. Особенность силы чтецов сути — в их умении скрывать собственную. И не просто скрывать — менять ее. Хальдор мог выглядеть то немощным стариком, едва способным разглядеть кончик своего носа, то робкой дебютанткой, то искушенной жизнью соблазнительницей. Единственный способ связаться с чтецом сути — написать послание и оставить его в почтовой ячейке столичного отделения. Однако невозможно предугадать, захочет ли чтец ответить. Самаэлю повезло. А возможно, сказалось любопытство самого Хальдора. В оставленной записке Самаэль упомянул, что встречи ищет тот, кого Хальдор уже считывал. Сегодня утром пришел ответ. В запечатанном конверте лежал сложенный пополам лист бумаги, на котором неровной линией замерли буквы, выведенные будто разными людьми — до того сильно менялся стиль написания каждой:
«Прием в императорской резиденции в честь осеннего равноденствия».
Теперь у нас оставалось пять дней, чтобы добраться до резиденции, расположенной в сутках езды на восток от столицы. А ведь сначала нужно добраться до самой столицы! Чтобы оставить послание, Самаэль воспользовался тeneвым переходом. Со мной же придется путешествовать обычным способом. Но пугало не это.
— Мне нельзя на прием! — я в волнении заглянула в клубящуюся под капюшоном тьму. — Там будут люди! Много людей! А я... нет, только не с моим даром!
— Для беспокойства причин нет. В ближайшие дни артефакт должен полностью на тебя настроиться. Ты перестанешь быть опасной для окружающих.
— А вдруг что-нибудь пойдет не так?
— А вдруг нет? — Самаэль усмехнулся. Потом добавил серьезнее: — Ты не должна бояться себя. Осознавать ответственность — безусловно. Но не бояться. Если хочешь разгадать тайны своего прошлого, тебе придется поехать в императорскую резиденцию. Со мной одним Хальдор встречаться не станет. Он хочет увидеть тебя.
Идея покинуть Теневое поместье мне не нравилась. И даже все доводы Самаэля не могли это изменить. Кто бы мог подумать! Еще совсем недавно я бежала отсюда, что есть мочи, теперь же упрямо хочу остаться. Однако, даже упираясь, я понимала, что поеду. Какие бы страхи ни терзали душу, желание узнать правду было сильнее.
Отправиться было решено прямо с утра. Путь до столицы займет три дня, один день придется провести в самой Кайдире, и еще один потребует, чтобы добраться до резиденции. О

приглашениях Самаэль не переживал. Ему, как единственному чернокнижнику в Эйхаре, были открыты все двери. Я же попаду на прием в качестве его спутницы.

Закончив обговаривать детали, Самаэль ушел, как я поняла — к Айрис. А спустя минут десять, постучав, в комнату просеменила Рагна. Она передала, что господин приказал ей подготовить мой саквояж. Услышав последнее, я смутилась. На секунду почувствовала себя не простой горожанкой, а айрой — той, кто никогда не собирает свои вещи самостоятельно, и у кого есть саквояжи. Настоящие, из плотной кожи, с красивыми выдавленными монограммами мастеров-изготовителей.

В памяти всплыл образ витрины в лавке мастера Квилла. Кофры, саквояжи, дорожные сумки — чего там только ни было! В самой лавке всегда пахло теплой кожей, свечным воском и металлом. Видимо, от клепок и застежек. А как мастер Квилл набивал саквояжи старой бумагой, дабы показать их вместительность!

Вместительность...

В хороший саквояж влезет немало, у меня же вещей почти нет. Точнее, из своих только мамина юбка, старая блузка, штопанные чулки да разношенные туфли. Все остальное — одежда Айрис. И даже если Самаэль прикажет выдать мне еще, все равно саквояж окажется полупустым.

Родившаяся идея только выстраивалась в продуманную цепочку, а с губ уже слетело тихое:

— Рагна.

— Да, госпожа? — отозвалась она с готовностью, перестав шуршать вещами.

— Можешь положить мне с собой книгу?

— Какую, госпожа?

— Самую толстую из тех, что стоит на второй полке, если считать снизу. Пятый стеллаж от входа в библиотеку.

Судя по всему, такое описание удивило Рагну — она ответила не сразу.

— Конечно, госпожа. Как изволите.

Через несколько минут Рагна закончила собирать вещи, попрощалась и, захватив саквояж, тихо удалилась. Я открыла глаза, мельком посмотрела на отложенный роман, но решила, что перед предстоящей дорогой лучше выспаться. Погасила лампу на прикроватной тумбе и, обняв подушку, почти сразу провалилась в сон.

Проснувшись я от тихого, но настойчивого голоса Рагны.

— Госпожа, пора вставать. Ванна готова, завтрак будет через пятнадцать минут.

Не размыкая век, я села, кивком отпустила служанку, а едва за той закрылась дверь, сонно побрела к ширме. Обогнула ее, разделась и забралась в пахнущую солями и маслами воду. Однако на долгие процедуры времени не было, так что в этот раз насладиться ароматами мастера Гральда толком не получилось. Я быстро вымыла волосы, прошла плотной, чуть шершавой губкой по телу. Выбралась, замоталась в длинный халат.

Когда я возилась с расческой, распутывая капризные пряди, пришла Рагна. Судя по звону посуды, составила завтрак на столик между креслами и без лишних слов удалилась. Ширма надежно скрыла нас друг от друга, так что зажмуриваться не пришлось.

Взгляд невольно метнулся к зеркалу — к отражающемуся в нем сапфиру на черной ленте.

Удивительный артефакт. Удивительный и раздражающий. Ну почему? Почему ненависть не могут усмирять браслетом, кольцом или серьгами? Почему именно ошейник? Пальцы коснулись полосы бархатной ткани, плотно обнимающей меня за горло. Я привыкну. Знаю, что привыкну. Пусть мне не нравится вид артефакта, но я ценю то, что он может мне подарить — шанс на нормальное будущее, на возможность жить, не пряча взгляд.

Тишину комнаты нарушило громкое урчание моего живота. Нос щекотали дразнящие ароматы горячего завтрака. Отложив расческу, я вышла из-за ширмы и в несколько шагов оказалась у столика.

Слабость продолжала отступать. Однако отвоевывающему силы телу требовалась еда. Много еды. Будто зная об этом, Рагна принесла столько, сколько, пожалуй, хватило бы на двоих.

Тарелка каши, добрый кусок мясного пирога, творог с ягодами, стопка политых медом оладий и полный чайник укрепляющего отвара. Поначалу я решила, что мне не одолеть и половины принесенных блюд. Однако, как оказалось, Рагна — а может, и Самаэль, отдавший приказ, — понимали мое состояние гораздо лучше меня самой. Потому что завтрак я съела. Весь.

Покончив с трапезой, взяла с кровати дорожное платье темно-зеленого цвета с цветочной вышивкой по вороту. Одевшись, застегнула длинный ряд пуговиц, бегущих от воротника к

середине груди. Заплела еще влажные волосы в тугую косу на плечо, обулась и вышла в коридор.

Внизу уже ждал Самаэль. Он галантно подал мне руку и, выведя на улицу, помог забраться в экипаж. Слуги заканчивали убрать вещи в дорожный кофр. Едва мы расселись, возничий щелкнул поводьями, и повозка тронулась.

Ехали мы довольно быстро. На обед остановились у небольшого гостевого двора. Самаэль укрыл меня тьмой, как тогда, после случая в дилижансе. Провел внутрь обедней и жестом указал на дальний стол. Без лишних слов я подчинилась. Сам чернокнижник задержался, чтобы сделать заказ. Причем, судя по всему, доплатил за срочность, потому что еду принесли нам едва ли не через пять минут. Покончив с ней, мы вернулись в экипаж и продолжили путь, чтобы в следующий раз остановиться уже глубокой ночью.

Несмотря на долгий путь, чувствовала я себя неплохо. Спина, конечно, немного ныла, но не так, как бывает после городских дилижансов. Самаэль помог выбраться на улицу, предварительно вновь укрыв плащом тьмы, потом провел внутрь нового гостевого двора. Этот выглядел больше и, как мне показалось, дороже того, где мы останавливались на обед.

Самаэль взял две комнаты, соединенные смежной дверью. Хозяин двора предлагал заменить их просторной мансардой, рассчитанной на двоих. Начал даже что-то говорить об особой атмосфере уюта и романтики, созданной там его женой. Однако холодный голос Самаэля прервал поток информации. Мужчина испуганно замолчал на полуслове, весь как-то сжался и уже без лишней болтовни поспешил передать нам ключи. Потом оббежал стойку и лично проводил к нужным комнатам. А еще через несколько минут худенькая девушка лет шестнадцати, явно работающая здесь, принесла нам поздний ужин. Самаэль, как я услышала из-за двери, отказался от угощения. Я же не нашла в себе сил этого сделать.

На удивление спала я хорошо. Проснулась рано, от требовательного стука в смежную дверь. Быстро умылась, оделась и вышла в коридор, где меня уже ждал Самаэль. Спорый завтрак, звонкие монеты, ссыпавшиеся в сухие, испещренные морщинами руки хозяина гостевого двора. И снова в дорогу.

Разговаривали мы мало. Несколько раз Самаэль просил сесть рядом, чтобы изучить артефакт. Я в такие моменты почти не дышала и глядела только в потолок. Почему-то прикосновения Самаэля будоражили. А хуже всего то, что скрыть это мне не удалось. Иначе как объяснить, что Самаэль вновь касался меня без перчаток? Его пальцы скользили бесстыже уверенно по моей коже, очерчивали края бархатной ленты, спускались к яремной впадинке, которой едва касался каст сапфира. От этих прикосновений все внутри меня сжималось. То ли в напряжении, то ли в предвкушении. Слишком запутанные и незнакомые прежде эмоции, чтобы суметь в них разобраться.

Второй день пути мало чем отличался от первого. Мы вновь остановились лишь дважды: на обед и на ночь. Я уже решила, что и третий день выдаться непримечательным, но ошиблась. Это стало понятно, едва днем вместо обычного обеда Самаэль заказал комнату. Одну на двоих. Я растерялась, не понимая причин для подобного, однако послушно поднялась следом. Огляделась, опустилась в единственное кресло и вопросительно посмотрела на Самаэля. Тот тихо хмыкнул, взмахнул рукой, снимая с меня плащ наведенной тьмы. Дождался стука в дверь и впустил молодую женщину в темно-сером платье работницы. Едва она вошла, Самаэль запер дверь. Забрал поднос, отставил его на стол, даже не удостоив еду взглядом. Вместо этого он смотрел на меня. Смотрел внимательно, я чувствовала. И все во мне напряглось от дурного предчувствия.

Хватило нескольких секунд, чтобы понять, что он задумал. В душе похолодело. Однако не успела я попытаться его отговорить, как Самаэль приказал:

— Посмотри на нее, Эвелин. Посмотри ей в глаза.

Я не пошевелилась — так и глядела в живую тьму чернокнижника. Открывалась ему, давала увидеть мои сомнения и страхи.

— Я рядом, Эвелин, — произнес он твердо. Судя по тону, Самаэль сомнения не терзали. Он повернулся к служанке и достал несколько золотых монет. — За ваше участие в нашей забаве. И за молчание.

— Не переживайте, господин, — ловким движением она подхватила монеты, спрятала в кармане платья. Протянула певуче-сладко: — Ну же, госпожа, посмотрите на меня. Некоторые говорят, я миловидна. Как по-вашему, они правы?

Я оторопела. Вот так просто? За несколько монет согласиться, не зная на что?

Самаэль хмыкнул. Приблизился и встал у меня за спиной. Его руки скользнули мне на плечи, мягко сжали. Сам он наклонился. Ткань капюшона коснулась моего лица, чужое дыхание защекотало кожу.

— Мы должны убедиться, Эвелин, что артефакт вошел в силу, — прошептал мужчина едва слышно. — Рисковать нельзя. Но не бойся, я не позволю случиться непоправимому.

Служанка опустила передо мной на колени и беззастенчиво попыталась поймать мой взгляд. Я зажмурилась. Почти в тот же миг ощутила, как пальцы на моих плечах сжались сильнее.

— Эвелин...

В голосе Самаэля уже не просьба и даже не приказ — предупреждение. Если я не подчинюсь, он заставит меня это сделать.

Я в отчаянии стиснула кулаки, еще секунду боролась с неуверенностью, потом распахнула веки. Тут же, словно преданный пес, служанка поймала мой взгляд. Улыбнулась довольно и склонила голову к плечу. Я отметила ямочки на щеках, круглые, глубоко посаженные глаза серо-синего цвета. Вьющиеся волосы, заплетенные в тугую косу, редкие веснушки на переносице.

Разглядывая детали, я старалась не думать ни о самой женщине, ни о Самаэле, ни о собственном даре. Я сознательно опустошала мысли, вытравливая чувства, оставляя вместо них лишь спокойствие и холодное равнодушие. Но тут мужская ладонь скользнула мне на шею. Очертила линию ошейника, поднялась к затылку, мягко надавливая сильными пальцами. Спустилась по спине.

— Не пытайся обдурить меня, — прошептал Самаэль, почти касаясь губами моего уха. Кровь прилила к лицу. Удушливая волна жара прокатилась от щек к груди, стянулась там тугим узлом и ухнула куда-то вниз живота. Я невольно прижала к нему пальцы, будто стараясь сдержать, погасить невидимое пламя. Служанка заметила мое движение и улыбнулась еще шире.

— Господин, мне что-нибудь делать? — спросила она, глядя на Самаэля из-под ресниц.

— Нет. Молчи.

Понятливо кивнув, она сложила руки на коленях, будто прилежная ученица, и снова поймала мой взгляд.

Я же начинала злиться. Жар, что разлился по телу, разгорался все сильнее. Я чувствовала опасные искры, проносящиеся под кожей, ощущала, как они обжигают меня, подогревают и без того закипающее в груди недовольство. Самаэль снова дразнит меня! Снова прикасается ко мне слишком смело — так, будто имеет на это право. И сейчас не важен ни его статус, ни заключенная с Лауром сделка, ни даже то, кем нас видит эта женщина. Проклятье!

Я шумно вздохнула, ощутив прикосновение мужских губ к своей шее. Мысли, до этого шедшие в относительном порядке, разлетелись враспыльную — словно камешки из порванных бус.

Искры под кожей вспыхнули, распаяя занявшееся пламя. Я дернулась, попыталась вскочить с кресла, но Самаэль удержал. Усмехнулся тихо, шевеля дыханием волоски у моего уха, и снова поцеловал. Я схватилась за подлокотники, с силой сжала. Задрожала мелко-мелко, напряглась и со свистом выпустила воздух сквозь плотно стиснутые зубы, стоило Самаэлю нежно прикусить мочку моего уха.

Сидящая на полу служанка не видела, что делал Самаэль — тьма надежно скрывала его от посторонних глаз. Но меня и мои реакции она видела. Взгляд ее становился все более бесстыжим, дыхание — все более частым.

Это стало последней каплей. Я не позволю так поступать со мной! Я не игрушка!

Огонь в груди полыхнул особенно сильно, перед глазами заплесали цветные пятна, а камень в ошейнике вдруг нагрелся и обжег кастом чувствительную кожу. Я вскрикнула. Почти в ту же

секунду пожар в груди стих, голова прояснилась. Самаэль отстранился. Довольно усмехнулся за моей спиной и бросил короткое:

— Свободна.

Служанка посмотрела на него обиженно-разочаровано. Совсем как ребенок, которого лишили сахарного леденца. Однако спорить или роптать не стала — поднялась, поклонилась и без лишних разговоров покинула комнату. Стоило двери закрыться, оставляя нас с Самаэлем наедине, я вскочила с кресла.

— Зачем было это делать?!

— А зачем было так старательно отрешаться от происходящего? Ты прекрасно поняла, что нужно сделать, однако решила поступить наперекор.

— Я не собираюсь рисковать чужими жизнями!

— Я тоже, Эвелин. Поэтому так важно убедиться, что артефакт действует. В противном случае соваться в столицу непростительная глупость.

Самаэль говорил спокойно, сдержанно. В каждом его слове звучала уверенность, и я понимала — он прав. Вот только усмирить эмоции это не помогало. Щеки до сих пор казались горячими, в животе тянуло. И такая реакция собственного тела злила.

— Что ж, теперь мы знаем, что артефакт работает исправно. Значит, можно выдвигаться. К вечеру будем в Кайдири.

Обогнув меня, Самаэль двинулся к выходу.

— Подожди! А служанка?

Самаэль остановился и посмотрел на меня, как мне показалось, с усмешкой. Без понятия, откуда взялось это чувство. Я просто знала, что он улыбается.

— А что с ней?

Так и есть. В интонациях его голоса звучала веселость.

— Думаешь, это нормально, что она видела... все это? — закончила я скомкано, не сумев подобрать подходящих слов.

— Эвелин, ты очаровательна в своей наивности, — произнес Самаэль мягко. — Думаешь, эта женщина столь же невинна, как и ты? Или что она не оказывает гостям особых услуг? Не стоит переживать на ее счет. Пошли, столица ждет.

Снова улыбнувшись, он протянул мне руку. Первым. Протянул и замер, явно ожидая ответных действий. На секунду захотелось заупрямиться, вздернуть подбородок и гордо пройти мимо... но глупо врать — в глубине души я хотела совсем иного. Шагнув навстречу, я вложила ладонь в ладонь Самаэля. Ощутила, как он сжал мои пальцы и улыбнулась.

— Столица ждет, — повторила я, глядя во тьму под капюшоном, и призналась: — Никогда прежде ее не видела.

— В таком случае почту за честь стать первым, кто покажет тебе величайший город Эйхара.

Глава 27

Я всегда представляла Кайдиру шумным городом, с толкотней на улицах, мчащимися экипажами, криками торговцев, людским гомоном. Город как город, только больше. И в чем-то я оказалась права... Однако ни в одной из фантазий я не могла вообразить все великолепие Кайдиры.

Высокие — в три, а то и четыре этажа — постройки, сложенные из белого камня, прятались под разноцветными крышами. Красные, синие, зеленые, даже оранжевые! Между некоторыми домами на высоте второго этажа протянулись переходы. Прямые, диагональные, укрытые натянутыми полосатыми тентами, украшенные цветочными горшками — они казались еще одними улицами, только воздушными.

Земные же улицы поражали своей шириной. По ним одновременно могли проехать даже не два, а целых три экипажа! Когда мы проезжали мимо какой-то площади, перекрытой из-за ярмарки, я успела увидеть десятки лотков под цветными навесами, сцену, сооруженную из досок, и выплывающую на ней девицу в длинной цветастой юбке. Браслеты на тонких запястьях и

щиколотках подпрыгивали в такт движениям, и даже с такого расстояния я могла слышать их радостный звон.

Ворвавшийся в окно ветер донес ароматы горячих орехов, жаренных с сахаром, печеных яблок и свежей сдобы. В мелодии города смешались цокот копыт, крики горожан, лай собак, ярмарочные скрипки. Закатное солнце, скользя лучами по начищенным крышам, пускало оранжевые блики, наполняя и без того яркую Кайдиру красками.

Я с трудом удерживалась, чтобы не высунуться из окна по пояс в попытке разглядеть все-все.

Самаэль не высказывал недовольства таким моим поведением. Лишь, как мне казалось, тихо посмеивался. Но сейчас я почти не обращала на него внимания, жадно рассматривая каждую вывеску, каждую витрину и каждого горожанина, одетого совсем не так, как у нас.

Когда экипаж остановился у гостевого дома, я едва усидела на месте. Дождалась, когда Самаэль выйдет первым и подаст мне руку, потом спустилась следом. Держаться старалась с достоинством. Почему-то вдруг захотелось соответствовать даже не Самаэлю — самой Кайдире. Спина прямая, плечи расправлены... и только взгляд, словно неугомонный мальчишка, продолжает перескакивать с места на место.

Нас разместили на третьем этаже, выделив, как сказал управляющий гостевым домом, лучшие комнаты. Самаэль дал мне пятнадцать минут, чтобы привести себя в порядок, потом мы должны были отправиться на ужин.

Убранство комнат я не стала разглядывать, хотя и отметила изысканность, с которой все обставлено. Быстро юркнула за ширму, умылась, переплела косу, растрепавшуюся с дороги. Не дожидаясь посторонней помощи, принялась разбирать саквояж. Вынула темно-вишневую юбку и сливочного цвета блузу с высоким воротником, украшенным жабо и брошью. Пусть так, но мне хотелось скрыть артефакт-ошейник от посторонних глаз. Дорожные туфли сменила на новые

— из мягкой кожи, с ремешками и устойчивыми каблуками.

Бросив последний взгляд в ростовое зеркало, я крутанулась на носках, выскочила в коридор и... чуть не врезалась в Самаэля. Отшатнулась от неожиданности и принялась извиняться, но меня остановили.

— Все в порядке. К тому же мне приятно видеть, сколько эмоций у тебя вызвала столица. По правде сказать, я почти забыл, что люди умеют так искренне чему-то радоваться.

Я смутилась. Опустила руку на предложенный локоть и зашагала рядом. Щеки грел румянец, заставляя вспоминать не только тон Самаэля, прозвучавший мягче обычного, но и недавнюю проверку артефакта. Стоило воскресить в памяти ощущение чужих губ на моей коже, как щеки нагрелись сильнее, а пальцы дрогнули. Самаэль посмотрел на меня, тихо усмехнулся и накрыл мою ладонь своей. На мгновение я задержалась на перчатке взглядом.

— Я ведь больше не опасна?

— Верно.

— Значит... — голос пропал, выдавая охватившее меня волнение, — значит больше нет нужды прятаться за наведенной тьмой?

Самаэль вновь усмехнулся, однако отвечать не стал. Открыл дверь, галантно пропуская меня вперед, и вновь вернул мою руку себе на локоть.

Мы шли неспешно, уверенно — так, будто каждый день прогуливаемся по этим улицам.

Самаэль рассказывал о самой Кайдире, об огромной библиотеке, чьи башни виднелись вдалеке.

Я с интересом слушала, лишь иногда отвлекаясь на витрины, в которых выставляли диковинные вещи. Многие из них мне не доводилось видеть прежде.

У одной из лавок мы остановились. Я с изумлением глянула на вывеску, на которой большими буквами значилось «Ателье мастера Турри». Повернулась к Самаэлю, без слов спрашивая, входить ли нам, и, получив в ответ кивок, толкнула дверь. Над головой звякнул колокольчик.

— Иду! — раздалось из глубины ателье.

Самаэль, вновь поймав меня за руку, уверенно провел к гостевой зоне. В полукруглой нише стояли небольшой диван на два места, пара кресел и вытянутый овальный стол на низких ножках. Едва мы сели, появилась женщина в фиолетовом костюме. Свободная юбка открывала крепкие сапожки на шнуровке, белая блуза, скроенная на манер мужской рубашки, была исколота цветными булавками. На правом запястье, закрепленная резинкой, сидела подушечка, утыканная иголками.

— Мастер чернокнижник, какая честь! — радостно поприветствовала дама.

— Здравствуй, Турри. Замечательно выглядишь.

Я растерянно нахмурилась. Турри? Владелица ателье? Но ведь обычно держать подобные заведения допускается только мужчинам. Женщины могут быть лишь наемными работницами. Неужели в столице все иначе? Но как же... Ведь сколько раз приятель Лаура говорил о портных и ни разу не упоминал женских имен. Да и Турри, если задуматься, не женское имя. За размышлениями я совсем упустила момент, когда собеседники замолчали. Я напряглась, ощутив на себе внимательные взгляды.

— Переживать не стоит, — на лице Турри замерла доброжелательная улыбка. — Еще никого не съели в моем ателье. Ну же, дорогуша, не тушуйтесь! Что вы так сжались, будто привыкли ждать от людей только плохого? Пойдемте, пойдемте...

— меня потянули вглубь ателье. — И не сомневайтесь, на вечеру вы будете блистать. Уж если Турри взялся за дело, иного результата ожидать не стоит!

Взялся? Так это все-таки мужчина?!

Однако ни спросить, ни осознать услышанное я не успела. Мы вошли в небольшую комнатку, и тут же ко мне кинулись четыре или пять девушек в одинаковых желтых платьях. Понять точное количество не получалось — до того быстро они мельтешили! В какой-то момент, устав пытаться уследить за движениями помощниц мастера, я закрыла глаза и простояла статуей до конца снятия мерок, пока Турри не хлопнул в ладоши. Тут же девушки кинулись в рассыпную, словно стайка ярких птичек. Сам Турри широко улыбнулся и потянул в обратную сторону.

— Тебе не стоит волноваться, — повторил он сказанную ранее фразу. — Чернокнижники крепко держатся за своих избранниц.

Я посмотрела на портного с удивлением. Он озорно подмигнул и вдруг остановился, скрывая нас от гостевой зоны за рулонами ткани.

— В Кайдире хватает швейных мастеров, и заказать платье на один вечер, пусть даже в императорской резиденции, не проблема. Но платья Турри заказывают только для очень дорогих людей, — теперь на меня смотрели серьезно, едва ли не хмуро. — Ко мне приходят лишь особенные. И приводят лишь особенных. Но чернокнижники... Кто их разберет? Сегодня они танцуют на балу, а завтра они лишь пепел. Мой тебе совет: подумай дважды, прежде чем связывать свою судьбу с обреченным.

Глава 28

Слова мастера Турри не выходили из головы. Великолепие Кайдиры стерлось — теперь я почти и не смотрела по сторонам, только на Самаэля. Он казался все таким же невозмутимым. Шел неспешно, уверенно, и так же уверенно держал мою руку. Я не спрашивала, куда мы идем. Даже когда он поймал экипаж и распахнул передо мной дверь, я не проронила ни слова — безропотно забралась внутрь и устроилась на оббитом бархатом сиденье. Возничий щелкнул поводьями, и повозка, качнувшись, тронулась с места.

Я молчала, продолжая украдкой поглядывать на Самаэля. Он тоже не спешил заводить разговор. Так мы и ехали — в тишине. Хотя стоит признать, абсолютной она все же не была: сквозь открытое окно доносился цокот копыт, шум улицы и людской гомон. Несмотря на вечернее время, в Кайдире кипела жизнь.

Спустя четверть часа экипаж остановился. Самаэль выбрался первым и помог спуститься мне. Дал время оглядеться. Перед нами оказалось старое здание — большое, местами разрушенное, поросшее плющом и вьюнком. Торчащие из стен лампы разгоняли сумерки теплым желтым светом. Пахло травами и, на удивление, чем-то вкусным.

Я вопросительно посмотрела на Самаэля, но он лишь качнул головой, поймал мою ладонь и уже привычно устроил ее у себя на локте. Мы нырнули сквозь арочный проход, забрали левее.

Миновали узкий коридор и ступили на винтовую лестницу.

Против обыкновения, она оказалась удобной и довольно широкой. Мы с Самаэлем шли рядом, не испытывая даже тени дискомфорта: никому из нас не приходилось жаться к стене, не

возникало страха упасть. Проворный выюнок вился по каменной кладке, будто сопровождая. Редкие белые цветы, попадая в свет ламп, казались желтыми.

Мы поднимались долго. Шорох наших туфель о каменные ступени звучал убаюкивающе-размеренно. Влетающий в узкие стрельчатые окна ветер доносил запахи вечерней свежести. Под его порывами становилось зябко, и один раз я даже не сдержала дрожи. Самаэль почувствовал ее — повернулся и посмотрел на меня, будто с удивлением. Я сдержанно улыбнулась и качнула головой, без слов говоря, что все в порядке. Однако отворачиваться не спешила.

Сейчас в вечерних сумерках тьма Самаэля казалась особенно непроглядной. Вот только я больше не боялась ее — причем, уже давно. Напротив, для меня она стала естественной, частью самого Самаэля. И как-то незаметно я поймала себя на мысли, что даже его внешность перестала иметь значение.

Самаэль менял меня. Незаметно, но неотвратно. Именно с ним я впервые почувствовала себя слепой, вынужденной вслушиваться в голоса, запоминать очертания чужого лица пальцами, губами. И вместе с тем именно с ним я прозрела

— сумела сорвать маски с чудовищ, что притворялись моей семьей долгих тринадцать лет. Самаэль открыл мне правду о самой себе и научил не бояться ее.

Сердце забило чаще. На секунду я испугалась, что оно выдаст меня, но, к счастью, лестница закончилась, и мы ступили в новый коридор. Стук каблучков о каменный пол зазвучал громче биения взволнованного сердца.

Мы сделали еще с десяток шагов, нырнули под арку, оплетенную выюнком, и остановились. На секунду дыхание перехватило.

Над нашими головами проплывали облака, розовые от лучей закатного солнца. Широкая площадка, огороженная частично разрушенными стенами, практически нависала над городом. Сотни огней — в окнах и от уличных фонарей — разбавляли темные острова каменных построек, словно река. Светящиеся рукава протянулись через всю Кайдиру — до противоположного холма, на котором стояла столичная академия наук, казавшаяся лиловой в это время суток.

Я боялась моргнуть. Боялась хоть на секунду закрыть глаза и упустить самую крошечную деталь. Я хотела запомнить все.

— Ты наконец-то ожила... — произнес Самаэль вполголоса, будто тоже опасаясь спугнуть волшебство момента. — Пойдем.

Он потянул меня ближе к краю — туда, где стояли накрытые белоснежными скатертями столики. На каждом из них в круглых пузатых вазах, до середины заполненных водой, плавали цветы.

Я заозиралась. Пораженная великолепием Кайдиры, я совсем упустила из виду окружающую обстановку. Судя по всему, Самаэль привел меня в ресторан. За нашими спинами, чуть левее арки, нашелся еще один проход, ведущий, как я поняла, в кухню. За вытянутой стойкой стоял мужчина в белоснежной рубашке с вышитой на груди монограммой. Однако разобрать буквы на ней я не успела — Самаэль подвел меня к выбранному столику и, отодвинув стул, помог сесть. Стоило ему самому опуститься напротив, как мужчина за стойкой улыбнулся и взмахнул рукой, точно очерчивая невидимую сферу.

Я нахмурилась. Зачем он машет нам? Да еще так странно?

— Это мастер иллюзий, Эвелин.

Я посмотрела с недоверием сначала на мужчину за стойкой, потом на Самаэля.

— Неужели, ты думаешь, что мы единственные гости? Зал полон. Я заказал последний свободный столик.

— Но... — я снова растерянно оглядела пустую площадку.

— Мы не видим и не слышим их. Как и они нас. Сюда приходят не ради людского шума — его хватает и в городе. Сюда поднимаются за видом и тишиной. За возможностью подняться над суетой Кайдиры.

— Но это место выглядит почти как развалины.

— И в этом тоже есть свое очарование, — в голосе Самаэля отчетливо прозвучала улыбка.

Нас прервал подошедший юноша в такой же как у мастера иллюзий рубашке. Поклонился и опустил на стол две чаши с плавающими в них листьями, зеленого и сине-фиолетового цвета. Я растерялась. Что это? Еда? Напиток? Как не выставить себя посмешищем перед Самаэлем?

Сам чернокнижник ничего не делал. То ли, как и я, был сбит с толку странной чашей, то ли наблюдал за мной. И последнее мне решительно не нравилось!

Минуты две мы играли в молчанку, не сводя друг с друга внимательных взглядов. Потом Самаэль тихо хмыкнул, качнул головой и опустил руки в чашу. Однако я не спешила сделать то же самое — сидела и как деревенская дурочка смотрела на его руки. Перчатки исчезли, открывая широкие ладони с длинными пальцами. У городских руки другие. Тоже широкие, но иначе, грубее. Да и пальцы зачастую короче и толще. У Самаэля же руки выглядели изящными, словно у художника или скульптора, но в то же время в них чувствовалась сила.

— Эвелин, еще немного, и ты меня смутишь.

Я вспыхнула, почувствовала, как нагрелись щеки, и поспешила опустить в чашу сначала взгляд, а потом и руки. Самаэль снова едва слышно усмехнулся. И неожиданно, удивляя даже себя саму, я тоже улыбнулась.

Вернувшийся юноша забрал чаши, оставив вместо них пахнущие мятным маслом полотенца. Самаэль взмахнул рукой, и от его плаща отделилась туманная лента. Обвила голову юноши, замерла на мгновение, после чего истаяла. Юноша кивнул. Я проводила его удивленным взглядом. Повернулась к Самаэлю, желая узнать, что это было, но ответ не потребовался. Юноша вновь оказался рядом и, поклонившись, заботливо накрыл мои плечи шалью, удивительно тонкой и теплой одновременно. Еще раз поклонившись, он забрал полотенца, которыми мы вытерли руки, и исчез.

— Здесь все же прохладно, — пояснил Самаэль, заставляя меня вновь смутиться.

Почему-то его забота тронула. Ухватив края шали пониже плеч, я чуть стянула их и отвернулась к горящей желтыми огнями Кайдири. Сердце в груди билось предательски быстро. Несколько минут мы молчали. Я рассматривала темнеющее небо, Самаэль — меня. За время, проведенное вместе, я все точнее могла определить его настроение, все легче почувствовать его взгляд. И мне не нужно даже поворачиваться в его сторону, чтобы убедиться в этом. Я просто знаю, чувствую.

Тенью возникнув рядом, юноша поставил перед нами тарелки с закусками, бокалы, откупорил бутылку вина и хотел было наполнить мой бокал, но Самаэль его остановил. Поклонившись, юноша исчез так же незаметно, как и появился.

Я вновь смутилась. Дождалась, когда Самаэль закончит разливать вино, и сомкнула пальцы на тонкой стеклянной ножке. Вновь повисла тишина, нарушаемая лишь шепотом ветра и шелестом плюща.

Наконец, Самаэль заговорил:

— Что тебя тревожит?

Из его голоса ушла прежняя расслабленность. Теперь он звучал серьезно, но вместе с тем — обеспокоенно.

— Когда мы только въехали в город, ты была открыта. Я чувствовал твой восторг, интерес, твое смущение... Но после ателье Турри ты закрылась. Этот айр чем-то смутил тебя?

Я потрясенно посмотрела на Самаэля.

— Мастер Турри из высокородных? Но они же не занимаются... таким.

Мужчина усмехнулся.

— Что, думаешь, высокородные годятся только для того, чтобы чинно вышагивать на светских приемах или устраивать благотворительные вечера? Нет, безусловно, таких среди них хватает. Но есть и похожие на Турри — те, кто горит желанием творить.

Среди них...

Я с облегчением выдохнула — Самаэль не из айров. Все-таки провинциальная горожанка не пара высокородному. Хотя минутку... о чем я вообще думаю?!

— К тому же, — продолжил он, не заметив моего смятения, — Турри необычен. По крайней мере, в выборе нарядов. Не удивлюсь, если родители обрадовались, когда он решил заняться портняжным делом — какое-никакое, а объяснение таким его вкусам. Однако мы отвлеклись. Что все-таки тебя встревожило?

Я колебалась не дольше секунды. Да, шансов, что Самаэль ответит прямо, мало. Но лучше рискнуть и спросить, чем продолжать теряться в догадках.

— Я хочу узнать о проклятии чернокнижников. Тогда, после случившегося в дилижансе, ты упоминал о нем...

Самаэль помрачнел. Казалось, даже его тьма зашевелилась недовольно, рассерженно.

— Все-таки Турри, — процедил он сквозь зубы.

— Турри тут не при чем, — возразила я поспешно и, протянув руку через стол, сжала пальцы Самаэля. — Дело во мне. Это я становлюсь нетерпеливой, возможно, даже чересчур любопытной... но такова моя природа. Тайны прошлого, загадки настоящего — я хочу во всем разобраться.

— Проклятие чернокнижников не связано с твоим прошлым.

— Знаю. Но оно связано с тобой.

— Что, — в голосе Самаэля зазвучала сталь, — боишься, оно помешает тебе в поисках ответов?

Пальцы под моей ладонью затянула тьма, скрывая под наведенными перчатками. В груди болезненно ухнуло.

— Нет! Вовсе нет! Я просто хочу понять...

— Что именно?

— Тебя.

Самаэль хмыкнул. Все так же холодно, надменно. Однако, как мне показалось, уже не так отталкивающе. Несколько минут он молчал, прожигая меня взглядом, но только я не дрогнула, даже руки не убрала — так и сидела, сжимая в пальцах мужскую ладонь. Пусть я не понимаю, что за проклятие преследует чернокнижников, но я вижу, как Самаэль устал от него. Самаэль уже дал мне немало — правду о прошлом, силы принять собственный дар в настоящем, шанс на будущее. И если я в силах помочь ему хоть чем-то, пусть даже самую малость, я хочу это сделать.

— В отличие от способностей пяти сестер, дар чернокнижников подконтролен, — заговорил Самаэль спустя вечность. — Но подконтролен он лишь семнадцать лет с момента проявления. Нельзя впустить в сердце тьму и не отравиться ею.

— Но почему?

— Потому что у всего есть цена. С годами чернокнижники перестают контролировать собственную силу, превращаются в чудовищ пострашнее носителей пяти даров. В прошлом бывало чернокнижники уничтожали целые города, прежде чем удавалось их остановить. Поэтому уже четыре поколения мы приносим клятву.

Я внутренне похолодела.

— Какую?

Самаэль пожал плечами.

— Ту, что не дает нам обратиться чудовищами.

— И она... убивает вас?

Ответа не последовало. Но гнетущая тишина, опустившаяся на плечи, прозвучала громче любых слов.

— Когда проявился твой дар?

— Я не хочу об этом.

Самаэль попытался высвободить руку из моей хватки. Пришлось вцепиться в него клещом, чтобы только удержаться.

— Когда, Самаэль? — голос предательски дрогнул.

Почему мне так страшно? Не за себя, оказавшуюся рядом с проклятым. За Самаэля.

— Эвелин...

— Когда?

Он тяжело вздохнул.

— Шестнадцать с половиной лет назад.

Глава 29

Ужин прошел в молчании, холодном и колючем, словно злая метель. Я бросала на Самаэля обеспокоенные взгляды, однако заговаривать не спешила — чувствовала, он не готов продолжить беседу. Тьма под его капюшоном клубилась беспокойно, рождая воспоминания о

водах проклятой реки. И так же, как она, Самаэль пугал меня. Но не своей тьмой, а тем, что она несет для него самого.

Последние лучи закатного солнца скрылись за горизонтом, уступая небосвод бархату ночи. В воздухе запахло тайреями — цветами, что распускаются только под луной. Сладкий аромат вскружил голову, заставил сердце забиться обеспокоенно часто.

Полгода. Самаэлю осталось жить всего полгода.

Пугающая мысль не покидала голову. Кружила снова и снова, словно муха вокруг лампы, и не оставляла в покое. Что же делать? Как помочь Самаэлю? Я ведь... просто я. Обычная провинциалка, каких тысячи. И даже наличие дара не выделяет меня из серой толпы. Подобных мне умирят. Помогают те, кто сам обречен остаться без помощи.

Самаэль почти не притронулся к еде. Мне тоже кусок в горло не лез. Когда услужливый юноша спросил, желаем ли мы десерт, я первой качнула головой. Самаэль задержался на мне взглядом, потом кивнул, подтверждая. Поднялся, оставил на столе монеты и повел меня к выходу. Я отметила не меньше десятка золотых кругляшей, поблескивающих в приглушенном свете ламп, но не удивилась такой баснословной сумме. Сейчас для подобных мыслей попросту не осталось места.

В экипаже я все же решила вернуться к теме проклятия, но стоило только заговорить о нем, как Самаэль холодно меня осадил. Однако я не обиделась — знала, рассчитывать на иное было глупо. Он не из тех, кто легко открывается. И раз поступившись принципами, вряд ли захочет сделать это снова. Особенно так скоро.

Я понимала его. Впервые за прошедшие недели понимала ясно, как себя. Но и избавиться от разъедающего сердце беспокойства оказалась не в силах. Это чувство преследовало меня, словно гончая. Не отпускало ни в экипаже, ни в гостевом дворе.

Уже ночью, когда шумная Кайдира погрузилась в сон, я все-таки не выдержала. Накинула на плечи шелковый халат, сунула ноги в домашние туфли и вышла в коридор. У двери Самаэля замерла.

Душа металась в беспокойстве, заставляя все тело мелко подрагивать. Я ведь знаю, как все закончится — Самаэль прогонит меня. Может, даже накричит. Знаю... но не могу отступить. Остались вопросы без ответов. И вместе с ними осталась надежда, хрупкая, словно бабочка. Я должна выяснить все до конца. Дать этой бабочке взлететь или уничтожить ее, сжав в кулаке. Но прежде я должна постучать.

Простое действие, обыденное и такое привычное. Вот только сделать его оказалось как никогда сложно. Очередной момент, способный разделить все на «до» и «после», отмерить рубеж. И переступить его, лишиться пусть самой призрачной, но надежды, стало вдруг страшно.

Тихо скрипнув, дверь открылась сама. Я заглянула внутрь.

В комнате Самаэля было темно. Свет уличного фонаря проникал сквозь неплотно зашторенные окна и стелился по полу желтой полоской. Но даже он не мог разогнать густой мрак. Бросив украдкой взгляд в коридор, я переступила порог. Сделала два несмелых шага и вздрогнула, стоило двери захлопнуться за моей спиной.

— Самаэль?

В звенящей тишине, казалось, можно было расслышать, как гулко стучит мое сердце, и как шумно бежит по телу кровь.

— Самаэль? — повторила вполголоса.

Двигаясь почти на ощупь, я добралась до кровати. Коснулась пальцами покрывала и осторожно, стараясь не потревожить, если чернокнижник все-таки спит, принялась скользить ладонью по мягкой ткани.

— Зачем ты пришла? — раздалось у меня за спиной.

Я вскрикнула — больше от неожиданности, чем от страха — и шарахнулась в сторону. Запнулась о покрывало, ощутила щекотку в животе от падения, но упасть все же не успела. Самаэль подхватил меня и помог удержать равновесие.

— П-прости, — выдохнула рвано. — Знаю, ты не хочешь говорить о проклятии... но я должна спросить...

— Хочешь поговорить об избранных тьмы? Или, может, решила, что ты одна из них?

Холодная насмешка, отчетливо прозвучавшая в его голосе, не задела. Я с самого начала знала, что просто не будет.

— Я не одна из них, — ответила спокойно. — Но только это не значит, что мне все равно. Мне не все равно, Самаэль! Слышишь? Не все равно.

— И почему же?

Он наклонился ниже. Я не видела его лица — в окружающей нас тьме даже его силуэт могла различить с большим трудом. Но я вновь его чувствовала. Ощущала воздух между нами и то, как он пружинит.

— Потому что я не из тех, кто лишь берет, ничего не отдавая взамен.

— Так это благотворительность? Странно, мне казалось, ты считаешь, ею следует заниматься лишь айрам.

— Не смейся надо мной.

— Это ты не смейся надо мной! — отрезал он. — Хватит пытаться унижить меня своей жалостью. Думаешь, я все эти шестнадцать лет сидел сложа руки и не пытался найти решение? Или считаешь, каждый из чернокнижников рвется отдать душу тьме? Нет для нас спасения, Одия. Мы призваны служить миру и умереть во имя него.

Он наклонился еще ниже — так, что я ощутила его дыхание на своих губах. И вместе с дыханием и впитала его усталость, его злое отчаяние и нежелание сдаваться.

— А избранницы? Они ведь делят проклятие с чернокнижником и...

— Я знаю, что они делают! Вот только избранницы тьмы рождаются реже чернокнижников, реже носителей опасных сил... если вообще рождаются. Они выдумка, злая шутка судьбы, глумящейся над обреченными! И я не собираюсь уподобляться безумцам, что тратят оставшиеся годы в попытке поймать предрассветный туман.

— Но...

— Довольно, Эвелин, — произнес Самаэль устало. — Ты не можешь спасти даже себя, а все думаешь, что в силах помочь кому-то другому. Иди спать. Завтра вечером мы прибудем в императорскую резиденцию, и силы тебе понадобятся.

Я упрямо качнула головой. Шагнула вперед, протянула руку, мысленно ожидая коснуться мягкой ткани плаща, но внезапно пальцы ощутили гладкость чужой кожи. Сердце споткнулось и забилось быстрее. Взгляд против воли взметнулся вверх — туда, где должно быть лицо Самаэля.

— Ты тоже не можешь спасти себя, — произнесла я тихо, — поэтому и помогаешь мне: хочешь сохранить если не свою, то хотя бы чужую жизнь. Так почему запрещаешь мне сделать то же самое?

Я повела ладонью вверх и остановилась напротив сердца, ощутив учащенное биение. Кожа Самаэля была горячее. Не сильно, но достаточно, чтобы напомнить о холоде окружающей нас темноты. Захотелось спрятаться от нее, прижаться к Самаэлю, почувствовать его руки на своей талии, его губы на моих. Во рту вмиг пересохло.

— Эвелин, это пустой разговор...

— Нет, — возразила упрямо. — Если сдался ты, не значит, что сдамся и я.

Самаэль схватил меня за запястье. Дернулся, явно собираясь убрать мою ладонь со своей груди, но остановился. Я же медлить не собиралась. Коснулась его свободной рукой, проскользнула ею по горячей коже, и обняла Самаэля за шею.

— Откуда в тебе столько настойчивости? Что ты можешь?

— Могу не позволить тебе смириться, перестать бороться. И могу быть рядом. До самого конца.

Сердце под моей ладонью забилось быстрее. Пальцы на запястье сжались.

— Потому что ты не из тех, кто только берет, не отдавая ничего взамен? Верно, Одия?

— Потому что во мне живет не только ненависть, Самаэль. Я — не мой дар. Как и ты — не только тьма.

Воздух между нами уплотнился. Едва ли не кожей я ощущала те несколько сантиметров, что разделяли наши тела. И пусть меня проклянут за бесстыдство, но я хотела сделать последний шаг, хотела обнять Самаэля обеими руками, притянуть к себе и поцеловать. Тьма, будто союзница, скрывала мои горящие румянцем щеки, надежно прятала нас от мира. Будто и нет в нем ничего больше — ни условностей, ни правил, ни запретов. И на секунду, на один вздох, сорвавшийся с губ, показалось, что Самаэль хочет того же. Что он вот-вот наклонится и поцелует. Но вместо этого Самаэль меня остановил.

— Я не сдался, Эвелин. Не в моих это привычках. Тебе не о чем переживать. Отдыхай. Выпустив мое запястье, он отстранился. Исчезло тепло. Исчезло биение его сердца под моей ладонью. Осталась лишь темнота, пугающе-колючая. Рука вдруг показалась бесконечно тяжелой, и я уронила ее, словно плеть.

— Конечно, — произнесла с улыбкой, не выдав даже дыханием, как непросто дался мне спокойный тон. — Доброй ночи.

Не оборачиваясь, я вышла из комнаты, тихо прикрыла дверь и вернулась к себе. Холод пробирался под кожу. Даже тяжелое пуховое одеяло оказалось не в силах его отогнать. До самого рассвета я ворочалась, вспоминая горячее тело Самаэля, и гнала бесстыжие мысли из головы. Но кажется, от некоторых мыслей избавиться ничуть не проще, чем от надежды. Слишком желанные, слишком опасные, слишком искушающие... как и сам чернокнижник.

Глава 30

Мы выехали рано, с первыми лучами солнца. На обед решили не останавливаться. Я перекусила тем, что нам собрали в дорогу на гостевом дворе; Самаэль же от еды отказался. Он держался невозмутимо, как всегда. Спокойно и обстоятельно отвечал на мои вопросы о Кайдири, об императорской резиденции, о предстоящем вечере. Единственное, о чем Самаэль не заговаривал — это о нашей ночной встрече. Я тоже молчала. Но не потому, что не хотела обсудить случившееся, а потому что не решалась.

Мы словно играли в игру — притворились, будто никакой встречи не было вовсе. Не было разговоров, прикосновений, не было моей слабости и чувств, таких незнакомых, но таких искушающих. Не было самой ночи. Однако глубоко в душе я не хотела отрицать ее. Пусть не для Самаэля, но для меня все было взаправду.

В императорскую резиденцию мы прибыли в сумерках. Территория перед главным входом утопала в зелени. Только подъездная дорожка, широкая лестница да песочного цвета стены выделялись среди буйства растений. Самаэль пояснил, что супруга императора владеет даром земли. Именно ради нее Тайдариус Четвертый, правитель Эйхара, и разбил эту резиденцию. И все здесь подчиняется воли Дайринии. Все, кроме самого императора, разумеется.

Нас разместили в гостевых спальнях, смежных друг с другом. Доставили чемоданы, саквояжи и коробки, перевязанные алыми лентами с серебряной строчкой, — лентами ателье мастера Турри. Ванна уже была наполнена, пушистые полотенца сложены белоснежной стопкой. Вещами занимались слуги — две женщины средних лет. На секунду мелькнула мысль отпустить их, сказать, что справлюсь сама, но я мысленно одернула себя. Они наверняка лучше знают, что и как подобает делать в резиденции. Раз их прислали — значит, так надо. Кивнув в такт мыслям, я развернулась и ушла в ванную. После долгой дороги вымыться хотелось безмерно.

По возвращении на столе меня ждал накрытый едва заметно светящимся куполом ужин. Стоило прикоснуться к овальному камню сбоку от подноса, купол исчез. В воздух взметнулся пар от горячей еды и дразнящие нос ароматы.

Я обернулась, посмотрела на смежную дверь, ведущую к Самаэлю. Интересно, он тоже будет ужинать в комнате? Один? Может, предложить составить ему компанию? Хотя... кого я обманываю? Это не ему нужна моя компания, а мне его. Прошлой ночью Самаэль четко дал понять, что не готов принять ни мою заботу, ни желание помочь.

Я вздохнула. Отвернулась от двери и села за стол.

Скоро наши с Самаэлем интересы перестанут совпадать, и мы разойдемся. Лучше остановиться сейчас, не привыкать к его присутствию, не надеяться на его помощь. И те чувства, что он зародил во мне, — их тоже лучше остановить сейчас. Пока еще не слишком поздно.

Погруженная в мысли, я едва ли различала вкус блюд. Аппетит исчез, аромат запеченной под соусом рыбы больше не дразнил нос. Не доев, я отставила тарелки, забралась на кровать и, подложив несколько подушек под спину, взяла с ночной тумбы книгу. Ту самую, что мне

положила Рагна. Толстую, в темно-малиновом переплете, с золотыми буквами, вдавленными в мягкую кожу.

«О дарах, опасных и мирных, контроле над ними и воле императора».

Я открыла первую страницу. Провела пальцами по плотным, чуть шершавым листам. Вдохнула запах бумаги. Просмотрела несколько разделов, улыбнулась, услышав едва различимый хруст корешка. Пробежала взглядом по ровным строчкам, перескочила на новую главу и замерла. В груди похолодело.

Вот оно! Должно быть оно — то, на что намекала Айрис!

«О дарах пяти сестер и их носителях».

Я углубилась в чтение.

С каждой строчкой лед, сковавший тело, таял. Не знаю, на что рассчитывала Айрис, когда советовала заглянуть в книгу. Может, на то, что Самаэль утаил от меня легенду о сестрах? Или что я не знаю об остальных силах? Пока все, что я читаю, пусть и не дословно, повторяет рассказ Самаэля. Единственное отличие — Самаэль не стал подробно останавливаться на ужасах, что творили носители пяти сил.

Некоторые, поддавшись безумию дара, уничтожали целые деревни. До городов, к счастью, беда добиралась редко — чернокнижники успевали усмирять опасных носителей. Но все же страх перед ними закрепился. Не в умах горожан или низкородных — в умах правителей. Из-за него они и приняли решение уничтожать носителей.

«...и только на Туманных островах да в Нортейне ослепляют неугодных, лишая их возможности видеть жертву. Во всех остальных землях носителей сестринских даров убивают. В Хэйраде через отсечение головы, в Шийрене через удушение, в Эйхаре используют яд...»

Я моргнула.

Тряхнула головой и перечитала последнюю строчку еще раз. Потом еще раз. И еще. Будто если прочитать ее десять — двадцать раз, смысл написанного изменится. Будто одни и те же буквы можно прочитать иначе. И понять иначе. Но только правда, как всегда, не знала жалости.

Не успев до конца осознать, что собираюсь делать, я вскочила с кровати и, как была в одной ночной сорочке, кинулась к смежной двери. Без стука распахнула ее и нырнула в наведенную тьму.

— Смотрю, ночные визиты пришлись тебе по душе, — раздался насмешливый голос Самаэля. Мне же было не до веселья. Сжав кулаки, я решительно зашагала туда, откуда доносился звук. Двигалась быстро, не боясь врезаться в предметы. И к моему удивлению, действительно ни во что не врезалась.

— Ты солгал мне! Говорил, в Эйхаре носителей держат в Теневом поместье и ищут решение. Ты просил довериться тебе, и я поверила! А ты... а ты...

— А что я?

Я вздрогнула от неожиданности, ощутив присутствие Самаэля совсем рядом. Мне казалось, между нами должно остаться метра два-три.

— Почему ты солгал? — спросила тише, теряя боевой настрой.

— Потому что не хотел пугать еще больше. Ты боишься своего дара, Эвелин. До сих пор боишься, хоть и начала свыкаться с мыслью о нем. А если бы в тот момент я поведал о судьбе носителей в Эйхаре?

— Но если обо мне узнают?

— Как?

В голосе Самаэля зазвучала улыбка. Не насмешливая, а теплая. И против воли я смутилась. Ощутила, как нагрелись щеки, и опустила взгляд. Да, в окружающей нас тьме не разглядишь даже кончик собственного носа, но...

Прикосновение Самаэля заставило сбиться с мысли. Его пальцы мягко сжали мой подбородок и потянули вверх. Он, что же, меня... видит?

— Семья, в которой ты выросла, понятия не имеет об опасных дарах. Люди в дилижансе забыли твое лицо: Айрис умеет хранить секреты. У нее непростой характер, но она не станет вредить мне. Если только ты сама себя не выдашь, никто не узнает о нашей тайне.

Нашей...

Слово прозвучало так естественно, так... правильно, будто действительно есть «мы», и есть то, что нас объединяет. Не просто интересы — нечто большее. И пусть разумом я понимала, сколько обманчива эта мысль, но ненадолго, всего на секунду, позволила себе поверить в нее.

Да и как не поддаться искушению, когда от одной этой мысли сердце замирает и щемит так сладко?

— Что будет с тобой, если обо мне узнают?

Самаэль не спешил с ответом. Я вглядывалась в темноту, словно все надеясь различить сквозь нее очертания мужского лица. Чувствовала на себе ответный внимательный взгляд, ощущала кожей чужое дыхание.

— Самаэль, что? — повторила в нетерпении.

— Мы разделим одну судьбу на двоих. Мой дар скоро станет опасным, а значит, и привилегии чернокнижников меня не защитят. Если нас поймают, убьют обоих.

— Но ради чего ты пошел на это? Зачем рискнул? Ты же...

Я замолчала на полуслове. До этого размытая картинка вдруг обрела ясность. Словно проливной дождь прекратился, и лужи, лишённые беспокойных капель, стали зеркально-гладкими. Вот только вместо неба я увидела в них ответ.

— Ты... нашел способ избавиться от проклятия?

Глава 31

Все началось с Айрис. Именно пробуждение ее силы вынудило Самаэля пойти против законов империи. Он никогда не упоминал родителей — все его рассказы о себе сводились к рассказам о чернокнижниках. О нем самом я знаю мало. И в то же время, думаю, о нем самом я знаю больше многих. Пусть имя рода, прошлое, облик — все сокрыто тьмой, но душу Самаэль от меня не прячет. И я знаю, что, несмотря на все проступки, он любит Айрис. Дорожит ею. Поэтому и не смог отдать ее императорским палачам.

Пытаясь защитить сестру, он начал искать способ усмирить опасный дар. Нет, Самаэль не стал первым, кто решил это сделать. Но он стал первым, кому это удалось. Тогда же родилась даже не идея — тень надежды, что и дар чернокнижника можно запечатать. Однако, чтобы действовать наверняка, следовало все перепроверить — удостовериться, что артефакты действительно работают. А значит, нужен был новый носитель.

В надежде отыскать его раньше имперских палачей, Самаэль спрятал на землях Эйхара сотни чующих камней, способных уловить даже малейшее проявление сестринской силы. Именно один из таких и помог Самаэлю найти меня. Не желая привлекать лишнего внимания, он не стал пользоваться властью чернокнижника. И вместо того, чтобы затребовать моей отправки в Теневое поместье, купил. Сокрыл интерес под видом рядовой сделки. Все же людей, пусть и нечасто, но продавали. И вопросов такая сделка не вызвала.

Как только получилось усмирить мой дар, Самаэль начал ставить опыты на себе. В Кайдире он надел артефакт — широкий наруч, изрезанный символами и украшенный черными турмалинами. Однако уже к утру тот рассыпался пеплом. Вторым стал медальон, что продержался лишь полдня. Третьим — серьга- полумесяц. Последний пока держится... но только пока. Сила чернокнижника уже начала разъедать его. Скорее всего, артефакт не переживет эту ночь.

На пороге своей комнаты я остановилась. Обернулась и коснулась живой тьмы рукой. Ощутила пружинистую упругость под пальцами и то, как она мягко поддалась, пропуская. Сердце сжалось. Дар чернокнижника не похож на сестринские силы — он осязаем. Его можно потрогать, увидеть, обойти... И его не сковать.

Догадка обрушилась, словно талый снег с покатой крыши. Плечи дрогнули, едва не согнувшись, однако все же удержали тяжелый груз. А следом пришло еще одно понимание, от которого внутренности стянуло ледяным узлом. Самаэль знает, что надежды почти нет. Знает, но упрямо отказывается сдаваться.

Утром меня разбудила служанка. Держалась при этом с почтением, будто я не просто Эвелин из Айдерона, а высокородная айра. И от такого отношения становилось неловко. Мне помогли умыться, одеться, подали туфли, начищенные до блеска. Потом усадили на мягкий пуф перед дамским столиком.

Служанка действовала уверенно, со знанием дела. Нанесла на волосы какой-то бальзам, расчесала их, уложила. Поразительно, но под ее руками всегда капризные пряди замерли мягкими полукольцами. В светлых волосах заблестел полуночно-синий, в цвет платья, гребень. Закончив, она поклонилась и вышла.

Я же направилась к Самаэлю. Смежная дверь, на удивление, оказалась закрыта. На мгновение мелькнула мысль вернуться в кресло, взять книгу и провести ожидание, изучая трактат об опасных способностях. Однако я быстро отмела эту мысль. Мы в императорской резиденции.

Даже если мне лучше сидеть безвылазно в комнате, стоит уточнить у Самаэля.

Решив так, я вышла в коридор. В несколько шагов добралась до двери в комнату Самаэля и постучала. Ответа вновь не последовало. Я огляделась, убеждаясь, что вокруг ни души, и повернула ручку. На этот раз мне повезло.

Комната оказалась зеркальным отражением моей, только выдержанной в холодных, традиционно «мужских» тонах: сером, синем, темно-коричневом. Утренние лучи свободно проникали сквозь распахнутые шторы, стелились теплыми дорожками по паркету и мебели, освещали сложенный пополам лист в центре круглого стола. На белой бумаге крупными буквами было написано мое имя. Я развернула послание.

«Смотрю, тебе нравится проникать на мою территорию...

Первая же строчка заставила улыбнуться. Откуда-то пришла уверенность, что Самаэль тоже улыбался, когда писал это.

... е определенной мере, должен признаться, я буду разочарован, если найду это сообщение без ответа. Равно как и тем, если в страхе перед собственной природой, ты предпочтешь провести день затворницей. Императорская резиденция великолепна, и в ней ты гостя. Не стоит упускать возможность воспользоваться привилегией такого статуса и изучить все галереи и залы. Уверяю, в них есть на что посмотреть.

Самаэль».

Вместо подписи — только имя. Да, в нашем случае иначе и быть не могло, но любой посторонний, реши заглянуть в послание, посчитал бы, что мы с Самаэлем близки. Только с самыми близкими общаются по имени.

Эта мысль одновременно растрожила и смутила. Щеки нагрелись, будто поцелованные солнцем; сердце забилося быстрее.

Взяв перо и обмакнув его в чернила, я аккуратно вывела:

«Я бы не посмела разочаровать тебя. И благодарю за совет, обязательно им воспользуюсь.

Эвелин».

Дождавшись, когда чернила высохнут, я вернула лист на место, постаравшись оставить его так, чтобы со стороны нельзя было понять, читал его кто или нет. Захотелось хоть на несколько секунд, но провести Самаэля. Заставить поверить, что послания я не видела. От этой шалости настроение скакнуло вверх, и в коридор я выходила, вновь улыбаясь.

Рассматривать галереи и залы не хотелось — за последние недели я слишком долго пробыла в заточении. Поймав в коридоре одного из слуг, узнала, как мне пройти к парку. Удивилась, узнав, что парков, равно как и садов, в резиденции несколько. Заметив мою растерянность, слуга понимающе улыбнулся и посоветовал посетить малый сад, уверив, что для утренней прогулки он подходит лучше всего.

Как оказалось, слуга знал, что советовать, — я поняла это, едва ступив на выложенную белыми камнями дорожку. В воздухе пахло по-летнему сладко. Широкая тень смоковниц надежно укрывала от яркого солнца; темно-синие, почти фиолетовые плоды едва заметно покачивались на ветру. Птичий щебет звучал громко, радостно. И все во мне отзывалось этой песне. Я брела, не особо беспокоясь о направлении — знала, что всегда могу попросить кого-нибудь из слуг, работающих в саду, помочь мне вернуться в резиденцию. Наоборот, я сознательно позволила себе заплутать. Потеряться в зеленом царстве, в мире сладких запахов и теплого ветра.

Устав, я присела на одну из скамеек с высокими спинками, закручивающимися назад, точно волна на мелководье. Откинулась и прикрыла веки. В последние дни в моей жизни вновь слишком много переживаний: о прошлом, о настоящем, о будущем. Пытаясь успеть понять все, я, кажется, упустила самое главное — саму жизнь. Сегодняшний вечер может дать ответы на многое, но пока он не настал, я не хочу строить догадки. Здесь и сейчас, я вновь хочу стать той, кем считала себя все эти годы — просто Эвелин, самой обычной девушкой, без дара, без тайн, без страха за свою и чужую судьбу. Хотя бы на час...

— Вы позволите?

Мелодичный баритон вывел меня из раздумий. Открыв глаза, я посмотрела на стоящего рядом незнакомца. Молодой, старше меня года на два, может, три. В темно-лиловом сюртуке и белой рубашке с кружевным жабо. Светлые волнистые волосы небрежно спадали на лоб, но что-то подсказывало мне, что их хозяин сознательно поддерживает такой «беспорядок» — знает, что с ним выглядит привлекательно.

— Конечно, — ответила я, отводя взгляд.

Незнакомец из айров. Осанка, манеры, речь — даже такой провинциалке, как я, не ошибиться. Неясным оставалось другое: что заставило его заговорить со мной?

Глава 32

Мужчина опустился рядом. На мгновение задержался на мне взглядом, затем посмотрел вверх — на раскинувшуюся над нашими головами крону.

— Дивное утро, не правда ли?

Будто подтверждая его слова, где-то совсем рядом запела птица. Я повернулась на звук.

— Да, прекрасное.

— В Нортейне такие случаются нечасто. Солнце в свободных землях, конечно, светит, но столько тепла, сколько здесь, в Эйхаре, не дает.

— Вы из Нортейна?

— Нет, что вы? — улыбнулся мужчина. — Коренной эйхарец. Однако за Туманными островами бывал не раз. Вам тоже знакомы те земли?

Я покачала головой. Уголки губ невольно приподнялись. Только сомневаюсь, что моя улыбка вышла радостной — непрошено вспомнился побег от Самаэля, охватившее дилижанс безумие... Еще недавно я грезил Нортейном, теперь же не уверена, что увижу эти земли. По крайней мере, скоро. Как бы опасно ни было находиться в Эйхаре носителю сестринской силы, я останусь. Ради правды, ради справедливости... ради Самаэля.

— Странно, — задумчиво протянул он, — раньше я не встречал эйхарцев с глазами цвета моря.

— Я из глубинки. Сомневаюсь, что вам доводилось там бывать, айр...

— Ох, где мои манеры? — он встал и галантно поклонился. — Тейден Парен.

Парен? Парен?! Это же...

— Прошу, не стоит смотреть на меня с такой настороженностью, — Тейден опустился обратно на скамью. — Мою связь с императорской семьей едва ли можно назвать крепкой. Я прихожусь троюродным племянником младшей дочери Алькарина — дяди Дайринии, нашей императрицы. Сказать по правде, путешествия и быт горожан моему сердцу милее, чем пышные праздники во дворце. Но что поделать? Долг перед родственниками страшнее долга перед ростовщиком, — он рассмеялся.

Невольно я тоже улыбнулась.

— Зовите меня просто Тейден. Так мне привычнее. А вы?..

— Эвелин.

— Безмерно рад встрече.

Не спрашивая разрешения, Тейден ловко поймал меня за руку и поцеловал тыльную сторону ладони.

— Вы не представляете, какое это счастье — встретить человека, лишенного печати власти на лице. Надеюсь, это не покажется вам дерзостью... но не согласитесь ли вы составить мне компанию на грядущем приеме? Должен признаться, такие мероприятия всегда вызывают у меня дрожь по телу.

Я понимающе кивнула. Как и Тейдена, надвигающийся вечер приводил меня в ужас.

Высокородные айры, манеры, танцы, разговоры, пронизанные завуалированными намеками, а то и насмешками... я не знала, каково это — оказаться на приеме такого рода, но вдоволь наслушалась разговоров девиц у фонтанов. Не сказать чтобы я специально искала компаний

главных сплетниц Айдерона, но зачастую именно возле фонтанов приходилось дожидаться открытия почты или швейной лавки. Не возвращаться же домой на четверть часа, чтобы потом снова топтать в центр?

— Боюсь, я не могу пообещать этого.

— Прибыли со спутником? — догадался Тейден. — Что ж, тогда, надеюсь, вы подарите мне хотя бы танец.

На этот раз причин для отказа я не видела. Вряд ли Самаэль решит закружиться по залу.

Стоило представить, каково это — танцевать с Самаэлем, щеки нагрелись. Пришлось спешно опускать взгляд и отворачиваться в попытке спрятать румянец. Однако, судя по всему, Тейден воспринял такую реакцию как согласие. Он широко улыбнулся и ободряюще сжал мои пальцы.

— Не беспокойтесь, Эвелин. Вместе мы переживем этих чопорных айров!

Уверенность в его голосе и мальчишеский задор, так не вяжущийся со внешним лоском, заставили рассмеяться. Уже без прежней робости я посмотрела Тейдену в глаза и кивнула.

Внезапно тело сковало холодом. Я поежилась в попытке избавиться от неприятного ощущения и огляделась.

Чуть поодаль, прислонившись к стволу смоковницы, стоял мужчина. Высокий, широкоплечий в темно-синих одеждах. Лица его разобрать не получалось — расстояние, да и густая тень кроны скрадывали очертания. Но откуда-то я точно знала: он смотрит на нас. И смотрит очень внимательно.

Сердце встрепенулось, словно птица, почувствовавшая приход весны. Вдруг это Самаэль? Может, подойти? Заговорить?

— Проклятье, — едва слышно выругался Тейден. — И он тут.

— Вы знакомы?

— Поверхностно. К счастью. Это Алрик Харт — глава ведомства имперских палачей и правая рука императора. Холодный, безжалостный айр. Несмотря на его состояние и высокое положение, немногие охотницы за мужьями отваживаются приблизиться к нему.

— Зачем он здесь?

— Правая рука всегда там, где тело. Харт не посмел бы пропустить прием. Хотя, должен признаться, я до последнего надеялся избежать встречи с ним. Императорские приемы и без того вызывают спазмы в желудке, а под взглядом Харта можно отравиться даже великолепным дайрийским вином. Эвелин, вы позволите увести вас в другое место? Наша беседа мне приятна, но... поймите правильно, близость Харта... нервирует.

— Да, разумеется, — я ободряюще улыбнулась.

Вложила пальцы в протянутую ладонь, встала и, ведомая Тейденом, зашагала вглубь парка.

Держаться старалась расслабленно. Так, будто сердце не выпрыгивало из груди перепуганным зверем, будто спину не жег пристальный взгляд, а волосы на затылке не встали дыбом.

Алрик Харт — глава подразделения имперских палачей. Тот, кто убьет меня, если только прознает о даре Одни. Я должна рассказать обо всем Самаэлю.

Глава 33

Однако найти Самаэля не удалось ни через час, ни через три. Проводив меня в гостевое крыло, Тейден исчез. Снующие слуги на все вопросы лишь качали головами — мастера чернокнижника не видел никто.

Гулять по резиденции расхотелось. Я опасалась, что мне не хватит выдержки сохранить невозмутимость, если Алрик Харт вновь окажется поблизости. Почему он смотрел на нас так пристально? Чувствовал ли скрытый во мне дар? Или его внимание привлек Тейден? Самаэль наверняка мог дать ответы на каждый из вопросов, но только где его искать, я не знала.

На обед, поданный в покои, я едва обратила внимание. Беспокойство стягивало нутро узлом, от мыслей о еде начинало подташнивать. Даже появившиеся горничные не смогли заставить меня съесть больше трех ложек густого супа. Они что-то говорили о силах, которые потребуются для танцев: о закусках на вечере, слишком легких, чтобы утолить голод; и об игристых винах,

кружащих голову слишком быстро. Только меня это не особо волновало — пить и танцевать я точно не стану.

Поглядывая неодобрительно, горничные увели меня в ванную. Помогли вымыться, будто малому дитя, неспособному совладать с мочалкой; натерли кремами. Одеться не дали — позволили только закутаться в длинный шелковый халат. Проводили к туалетному столику и принялись колдовать над прической. Я вновь подивилась их сноровке и умению завивать капризные пряди аккуратными локонами. Большую их часть горничные собрали на затылке, украсив гребнем, но несколько завитков выпустили на плечо.

Пока одна из женщин пудрила мне лицо жемчужной пылью, подкрашивала ресницы и губы, вторая достала платье мастера Турри. Услышав, как зашуршала бумага, я с трудом подавила желание обернуться.

Турри сразу признался, что за столь короткий срок не успеет пошить платье с нуля. Но у него всегда есть несколько заготовок. Остается их расшить, украсить лентами или бантами, добавить кружева — всего, что пожелает заказчик или сам мастер Турри, — и работа готова!

Меня же Турри попросил довериться. Слишком занятая мыслями о чернокнижниках, я лишь кивнула. Однако на этом сюрпризы от айра не закончились. Следующим утром, едва ли не за полчаса до нашего отбытия, в гостевой двор доставили коробки с фирменными лентами ателье. К верхней коробке крепилась записка:

«Не открывать из любопытства. Пусть сюрприз остается сюрпризом».

Буквы с кокетливыми завитушками будто помигивали, уговаривали согласиться на просьбу мастера. И я согласилась. Теперь же почти сгорала от нетерпения.

Наконец горничная закончила работу, отложила тонкие кисти и отошла, давая мне взглянуть на себя в зеркало. Обычно собственное отражение меня мало интересует. Чего я там не видела? А любоваться часами, как иные девицы, у меня никогда не было желания. Да и времени, если признаться. Вот и сейчас я собиралась глянуть лишь мельком, но против воли замерла.

Из зеркала на меня смотрела незнакомка. Бирюзовые глаза ее казались больше и ярче, чем у меня; кожа — ровнее, а губы выглядели чуть припухшими, будто от недавних поцелуев. Стоило так подумать, как на щеках незнакомки проступил румянец.

Все еще не веря, я качнула головой.

Это не мое отражение. Не может им быть. Так выглядят айры, но никак не безродные провинциалки. С другой стороны... почему бы не притвориться кем-то другим? Всего на один вечер. Кроме Самаэля никто не знает, кто я и откуда. Так почему бы не позволить себе эту шалость? Стать айрой на несколько часов, прочувствовать — каково это?

Платье Турри оказалось красным, как заходящее солнце. Открытые плечи, широкий, расшитый темно-зеленым кружевом пояс, небольшой полукруглый шлейф... Ничего красивее я в жизни не видела! Вмиг стало понятно, что имел в виду Турри, называя свои работы особенными. Они действительно такие — почти волшебные.

Одевшись, я осторожно огладила струящуюся ткань. Какая мягкая...

Стук в дверь прозвучал неожиданно громко. Я вздрогнула и посмотрела на горничных. Те оставались спокойными. Лишь во взглядах мелькнула тень непонимания. Она и отрезвила меня. Точно, здесь я гостья. Не прислужка — госпожа.

— Войдите!

В комнату ступил Самаэль. Кивком головы отослал горничных, и те, точно перепуганные воробьи, поспешно вылетели в коридор, не забыв закрыть за собой дверь. Мы остались вдвоем. Я чувствовала взгляд Самаэля, ощущала, как он скользит по моему лицу, прическе, платью. И слышала все нарастающий шум крови в ушах.

— Не нравится? — произнесла, едва пауза начала затягиваться.

Я надеялась, что мой голос прозвучит буднично, почти с безразличием. Но он, предатель, подвел — дрогнул.

— Не нравится, — Самаэль подошел к туалетному столику и выдернул несколько салфеток из чистой стопки. — Император дал понять, что на вечере хочет показать мне нескольких человек, которые... Впрочем, неважно, — он попытался стереть краску с моих губ, но я уклонилась. — Эвелин, я не смогу быть все время рядом.

— И что?

Я отступила, недовольно хмурясь. Один вечер! Всего один вечер я хочу почувствовать себя кем-то другим — не приемышем-Эвелин, не простолюдинкой, не носителем проклятого дара, а девушкой, способной привлечь внимание. Хоть раз!

— И что? — холодно переспросил Самаэль. — Мне казалось, общество айров тебя пугает. А в таком виде ты станешь мишенью едва ли не для половины из них. Они падки на красоту, Эвелин, и не стоит...

— По-твоему, я красива?

Вопрос слетел с языка непроизвольно, еще до того, как я успела его осознать. А осознав, смутилась. Щеки полыхнули, будто на них упал луч, прошедший сквозь лупу.

Самаэль молчал, только взгляд его, по ощущениям, стал еще внимательнее. Не выдержав, я отвернулась к зеркалу и принялась поправлять и без того идеально сидящее платье. Краем глаза следила за отражением. Увидела, как Самаэль бесшумно подошел и остановился совсем близко. Укутанные тьмой руки опустились мне на плечи.

— Да, Эвелин, — раздался над ухом низкий голос. — Ты красива. Но не потому, что на тебе платье Турри и не из-за прически. Ты красива всегда: когда спокойна и когда напугана, когда тянешься к миру и когда закрываешься от него. Твоя красота глубже. Она здесь...

Мужская ладонь скользнула мне на грудь и замерла над сердцем, бьющимся сейчас взволнованно-быстро. Я едва дышала. Смотрела в зеркало на незнакомку, похожую на айру; укутанную во мрак фигуру за ее спиной — и не могла отвести взгляд. Они зачаровывали. И каждое движение, даже столь бесстыдное, казалось правильным.

— Мне не нравится, как ты выглядишь, — повторил Самаэль. — Сегодня слишком многие заметят то, что я разглядел намного раньше.

Я снова смутилась.

— Утром я видела Алрика Харта, — перевела тему. — Это ведь глава ведомства имперских палачей? Он опасен?

— Без сомнения.

— Как думаешь, он может узнать наш секрет?

— Сомневаюсь. Пока на тебе это, — рука с моей груди переместилась выше и коснулась артефакта, — волноваться не о чем. Но откуда ты узнала, как его зовут?

— Тейден сказал, — я пожала плечом и замерла, ощутив, как напрягся Самаэль.

Он отстранился.

— Что ж, рад, что айр Парен не дал тебе заскучать в мое отсутствие. Пойдем, вечер скоро начнется. Не стоит прятать такую красоту. Особенно если она предназначена для знатного айра. Я нахмурилась, но послушно опустила ладонь на предплечье Самаэля.

В колющем молчании мы покинули покои и чинно, будто настоящие айры, зашагали по коридору. В мою сторону чернокнижник не смотрел. Я же напротив снова и снова бросала на него удивленные взгляды. Почему его настроение переменялось так внезапно? Ему не нравится Тейден? Или дело во мне? Неужели... Неужели Самаэль решил, что я не позволила стереть краску с губ ради Тейдена? Самаэль... ревнует?

Глава 34

В огромном, празднично украшенном зале собралась добрая сотня гостей. Роскошные платья, дорогие костюмы, белоснежные шейные платки и изысканные прически — айры выглядели именно так, какими их представляют дети, никогда не видевшие высококордных. Сквозь открытые арочные окна в зал проникали ароматы сада: цветов, зелени, свежего ветра. Они смешивались с нотами духов и мужского парфюма, рождая сладковатый флер. Но, что удивительно, приторности не было.

Я украдкой изучала убранство вечера, чувствуя себя неуверенно под взглядами айров.

Вслушивалась в мелодию голосов и в песнь струнного оркестра, разместившегося на одном из балконов. Заметив интерес очередного айра, я невольно теснее прижалась к Самаэлю. И он, почувствовав это, накрыл мои пальцы своими.

— Ты вызвала интерес, — произнес он, наклоняясь. — Слишком заметна, слишком свежа и красива. Ты как диковинный цветок, распустившийся в старом саду. Я предупреждал, что так будет, — добавил он не без укора.

Я с удивлением посмотрела на Самаэля. Неужели, все-таки ревнует?

— Это не для Тейдена, — призналась тихо.

— Для кого же тогда?

— Для меня. Не думаю, что когда-нибудь вновь окажусь в мире айров. Хочу запомнить его, прочувствовать. Ощутить себя его частью... пусть и не по праву.

— Считаешь себя недостойной?

Я пожала плечами и перевела взгляд на пышнотелую даму в лиловом платье. Осанка, наклон головы, мягкий прищур — все преисполнено величием, уверенностью. Городские не умеют так держаться. Мы лишены этой печати силы и власти.

— Ошибаешься, Эвелин, — мягко возразил Самаэль. — Не они определяют, чего ты стоишь. Ты сама. Поэтому не надо сомневаться. Если мир айров влечет тебя, сделай шаг навстречу. Позволь себе быть смелее.

— Это не мой мир. Я не знаю его правил, могу оступиться.

— И пусть, — улыбнулся он. — Не бойся. Падай, если споткнешься. А я подхвачу.

Последние слова взволновали. Сердце забило быстро-быстро, дыхание стало чаще.

Я повернулась к Самаэлю, собираясь... даже не знаю, что именно я собиралась сделать.

Поблагодарить? Спросить, откуда в нем желание поддержать меня? Признаться, как много это для меня значит? Мысли закружили ярким хороводом, словно сорванные осенним ветром листья. Их было так много. Пожалуй, даже слишком, чтобы поймать хоть одну. Все, что я могла, — позволить себе раствориться в их танце и кивнуть. Но, кажется, Самаэль понял мою растерянность правильно.

— Ты дразнишь, Эвелин, — произнес он еле слышно.

— Айров?

— Меня.

Новое признание, и новая волна тепла, прокатившаяся по телу. Щеки нагрелись, рождая в душе привычное желание отвернуться, не позволить никому заметить мою слабость. Но вместо этого я продолжила неотрывно смотреть на Самаэля.

Заиграла медленная музыка. Не спрашивая, он скользнул рукой мне на талию и мягко потянул на себя, заставляя сделать шаг навстречу. И я его сделала.

Зал, полный высокородных айров, собственная неуверенность перед ними, внимательные взгляды — все стало неважным. Я смотрела в живую тьму, чувствовала, как она затягивает меня и не сопротивлялась. Страх перед ней прошел. Напротив, теперь я сама отзывалась ей, ощущала ее желание и силу.

Самаэль вел уверенно, естественно — так, словно танцевать он научился раньше, чем ходить. Рядом с ним я и сама затанцевала как никогда прежде: грациозно и плавно. Мое тело отвечало даже не движениям — малейшим импульсам, рождающимся в теле Самаэля. Его рука на моей талии, моя ладонь в его пальцах, взгляд, прикованный к его лицу. И необязательно видеть его глаза, чтобы знать — он тоже смотрит на меня.

Музыка звучала и звучала, наполняя вечер еще большим волшебством. Наряды, ароматы, звуки... каждый миг находил отражение в моей душе, рождал в ней трепет. Когда скрипки пропели последнюю ноту, мы остановились. Оба дышали часто, будто только что кружились не в медленном танце, а в стремительном вихре.

Я улыбнулась и присела в реверансе. Самаэль поклонился. Снова предложил руку и провел меня к столам с напитками. Мы не говорили друг другу комплиментов, не высказывали восхищения навыками танцев или грациозностью движений. Но каждая неозвученная мысль читалась в прикосновениях. В наклоне головы Самаэля и моем взгляде. Я знала, какой он, чувствовала его всей своей сутью.

Мужчина, вдруг возникший совсем рядом, нарушил волшебство момента.

— Мастер чернокнижник, — поклонился он. — Его Императорское Величество Тайдариус Четвертый ждет вас у восточных балконов.

— Конечно. Эвелин, — Самаэль мягко сжал мои пальцы, — я постараюсь вернуться как можно скорее.

— Все в порядке, не беспокойся.

Я ободряюще улыбнулась. Проводила темную фигуру взглядом и со вздохом взяла бокал-флейту со столика.

Глупо врать. Теперь, когда Самаэль ушел, я отчетливо, будто заново, ощутила и внимательные взгляды айров, и неуверенность, и робость. Сдержано улыбнувшись ближайшим гостям, я развернулась и зашагала к ближайшему балкону. У открытых дверей остановилась, прислонилась плечом к витой колонне. Выходить не стала. Мне нравится эта граница двух миров: блестящего мира высокородных и природного, почти дикого, забирающегося по балконной балюстраде проворными лианами. Вечерний ветер остужал разгоряченные танцем щеки, ласково скользил по коже. Аромат тайрей кружил голову.

Не знаю, сколько я так простояла. В себя пришла, услышав низкий голос за спиной:

— Вы тоже их чувствуете?

Я обернулась и увидела высокого статного мужчину в темно-синем костюме. Густые темные волосы небрежно забраны назад. В отличие от Тейдена эта небрежность не казалась отработанной и потому выглядела естественно, привлекательнее. Тонкий нос, чуть прищуренные орехово-карие глаза, четко очерченные губы, жесткая линия подбородка. В мужчине чувствовалась властность. Но почему-то она не пугала — скорее, вызывала интерес.

— Тайрей, — пояснил он, поймав мой растерянный взгляд. — Они еще не распустились, но уже дразнят ароматом. Вы ведь поэтому здесь?

— Да, пожалуй.

Я невольно повернулась к саду, надеясь заметить среди густой зелени белоснежные цветы.

Глупо. Тайрей не раскроются, пока луна на небосводе не засияет в полную силу.

— Удивительно, что мы не встречались раньше, — заметил он.

— Может, вы просто забыли?

Я снова встретила внимательный карий взгляд. Улыбнулась.

— Сомневаюсь, айра. Если сравнивать людей с цветами, то вы, несомненно, тайрея. Раз увидев, уже не забудешь.

Мужчина говорил спокойно, уверенно, будто озвучивал неоспоримую истину. И оттого комплимент звучал особенно интимно. Я смутилась.

— Как мне к вам обращаться?

— Эвелин. Зовите меня просто Эвелин.

— Рад знакомству, Эвелин.

Он поймал мои пальцы, поднес их к губам, поцеловал. И все это — не сводя с меня пристального взгляда. Клянусь, если бы только он отвлекся хоть на секунду, если бы прикрыл глаза, то ничего бы не заметил. Но он смотрел слишком внимательно, явно следя за моей реакцией. И боюсь, я не сумела скрыть страха, когда он представился:

— Алрик Харт к вашим услугам.

Глава 35

Я спешно потупила взор, пытаясь выгадать хотя бы несколько секунд, чтобы взять себя в руки. Пусть он заметил мой испуг, но понять его причины не должен.

Будто подслушав мысли, Алрик Харт вновь заговорил:

— Вы побледнели?

Я спешно мотнула головой, но только мужчину это не убедило.

— Не стоит лгать. У вас все равно это не получается.

Грудь стянуло страхом. Кровь в ушах зашумела так громко, что почти заглушила звуки людного зала. Я подняла взгляд. Встретила внимательный прищур, почувствовала, как испуганно дернулось сердце, но нашла силы улыбнуться.

— Прошу прощения, айр Харт. Я не хотела вас обидеть и сожалею, если моя реакция вас оскорбила.

Темная бровь насмешливо изогнулась.

— Вот так прямо? И никаких попыток убедить меня, что я все превратно понял?

— Вы все поняли верно, айр. Глава ведомства имперских палачей не может не пугать. Но, если позволите, я замечу, что это страх не перед вами, а скорее перед собственной фантазией и услышанными сплетнями.

Алрик Харт хмыкнул. Немного склонил голову к плечу, разглядывая меня. Он смотрел все так же внимательно, но теперь не оценивая, а с интересом — будто силился что-то понять.

— А вы необычная айра, Эвелин.

Я благодарно улыбнулась и попыталась ускользнуть вбок, но Алрик не позволил. Зеркально повторил мое движение и с галантным поклоном протянул руку.

— Надеюсь, несмотря на все ужасы сплетен, вы не откажетесь разделить со мной танец? Проклятье! Я не могу танцевать с ним! Где же Самаэль?

Взгляд против воли заскользил по толпе.

— Смелее, Эвелин, — вновь привлек мое внимание Алрик.

Отказать будет грубо. Это может родить непонимание, ненужные вопросы, опасный интерес.

Лучше согласиться. Продержаться всего пять минут и под благовидным предлогом скрыться.

Мысли еще только выстраивали цепочку действий, а я уже вложила чуть подрагивающие пальцы в широкую ладонь. Сжалась, заметив торжество во взгляде палача, но сумела не выдать страха.

Мы вернулись к танцующим парам и легко поймали общий ритм. Рука Харта скользнула мне на талию и сжала — не больно, но ощутимо.

— Вы напряжены, — заметил он, продолжая неотрывно смотреть в мои глаза.

— Я плохо танцую.

— И боитесь, что если наступите мне на ногу, в тот же миг лишитесь собственной?

— усмехнулся он.

Шутку я не оценила, но постаралась улыбнуться весьма убедительно. Судя по всему, недостаточно — жесткие губы Априка на мгновение сжались, выдавая его недовольство.

— Эвелин, это просто танец. А мы оба просто гости на вечере императорской четы. Не стоит усложнять. Или, — он прищурился, — вам есть что скрывать?

— Всем есть что скрывать, — заметила я, глотая тугой комок страха, подскочивший к горлу.

— Хотя бы имена доверенных портных и цирюльников.

Алрик улыбнулся. Причем, как мне показалось, уже менее колюче, чем прежде.

— И в этом вы правы.

Он вел уверенно, я бы даже сказала — решительно. Иногда казалось, что танцующие расступались перед ним, спешно уходя в стороны и освобождая место. Будто весь зал был для него одного, и Алрик Харт пользовался этим в полную меру. Его движения были резче и шире, чем предполагает танец. Но самым невозможным, почти волшебным образом именно танец Харта казался правильным. Настоящим. Это остальные ступают неумело, это их па не попадают в общий ритм. Их, не Харта.

Взгляд карих глаз внимательно следил за мной. Без прежней цепкости, но все с тем же интересом, что зародила в мужчине моя честность.

Главный имперский палач опасен. Он убьет меня, если прознает о даре Одни. Он убьет Самаэля. Я знала это. Знала и боялась Алрика Харта. Но при этом какая-то часть меня тянулась навстречу, будто любопытный щенок. Осторожно принохивалась, вслушивалась в интонации голоса, ловила мимику на красивом лице.

Почему-то вспомнились слова Тейдена, что, несмотря на знатность и богатство Харта, немногие охотницы за мужьями решаются приблизиться к нему. Теперь я начинаю понимать, почему. От Харта веет силой. Не просто силой — мощью. Как от надвигающегося снежного бурана — такого, в котором теряется все. В котором исчезает мир и стирается грань между небом и землей. Это стихия, попав в которую погибаешь... или выживаешь, но становишься другим. С обожженными снегом щеками, с часто бьющимся сердцем, но при этом с пьянящим ощущением свободы

— самой жизни, которая чувствуется как никогда полно.

Мы не разговаривали. Двигались, разрезая толпу, и неотрывно смотрели друг на друга. В этом взгляде не было страсти, пусть со стороны и могло показаться иначе. Скорее, мы оба — и Алрик, и я — пытались разглядеть за внешним лоском суть. Увидеть тайны и страхи друг друга. Когда музыка остановилась, замерли и мы. Я присела в реверансе, Харт поклонился.

Выпрямился, вдохнул, явно собираясь заговорить, но я его опередила:

— Благодарю за танец, айр. Это было незабываемо.

— О, поверьте, для меня тоже.

— А сейчас прошу простить, я вынуждена вас покинуть.

— Так стремительно? — Харт вопросительно повел бровью.

— Я обещала танец, — ответила с улыбкой. Мысленно возликовала, заметив у столов с закусками Тейдена, и, снова поблагодарив Априка за внимание, поспешила скрыться. Сердце стучало испуганно быстро. Эхо его ударов расходилось по телу, как круги по воде от брошенного камня, отдавалось мелкой дрожью на кончиках пальцев. Смогла ли я пережить этот буран? Смогла ли не выдать нашей с Самаэлем тайны? Надеюсь.

Я остановилась чуть в стороне от стола с закусками. Несколько раз глубоко вздохнула, успокаиваясь, расправила плечи и неспешно приблизилась к Тейдену.

— Вы выглядите довольным вечером, — заметила мягко. — Видимо, приемы айров все же пугают вас не так сильно, как меня.

Мужчина обернулся и нахмурился.

— С чего бы они должны меня пугать? Милочка, я вырос в этом блеске. Уверяю, меня скорее напугает его отсутствие.

— Но... как же? Вы же говорили...

— Кому и что? — насмешливо фыркнул он. — Думаете, узнали пару сплетен, и теперь можете стоять вот тут, рядом со мной, и нести беспроблемную чепуху, как какая-нибудь городская оборванка?

— Что?.. Нет, мы же сегодня разговаривали. В парке. Утром.

Тейден вздохнул. При чем настолько устало, будто каждое сказанное мной слово давило ему на плечи неподъемным грузом. И пояснил:

— Мое утро, милочка, начинается ближе к обеду. Рано просыпаются лишь слуги.

К нам подошел высокий, худой айр в белоснежном костюме. Посмотрел на меня с удивлением, и протянул Тейдену один из двух бокалов с игристым вином.

— Ни на минуту нельзя оставить!

— Что поделать? Красота и богатство всегда влекли женщин. Породниться с родом Ларен честь для любой из приглашенных!

Оба айра одарили меня презрительными взглядами и, не сговариваясь, зашагали прочь. Я же не могла пошевелиться. Только растерянно хлопала глазами, пытаясь понять — что случилось? Почему поведение Тейдена изменилось так резко?

— Прошу прощения, — услышала я мелодичный голос за спиной, — боюсь, это моя вина. Сердце ухнуло куда-то вниз, стоило мне обернуться. Перед глазами на несколько мгновений потемнело, и я пошатнулась. Меня тут же с готовностью подхватили под локоть. Вырываться я и не подумала — подняла растерянный взгляд и заскользила им по лицу. Знакомому. Забытому. Увиденному заново, благодаря Самаэлю. Лицу моей мамы.

Глава 36

Как? Разве это возможно? Она спаслась? Нашла меня?

В душе юркой стрекозой затрепетала надежда. Я поймала ее, осторожно скрыла меж ладоней в отчаянном желании сберечь, оставить себе — пусть неправильно и эгоистично, но не дать ей исчезнуть. Сладкий самообман, отринуть который оказалось даже не страшно — больно. На долгих три секунды я позволила себе поверить в ложь. Ощутила щекоткой по коже прикосновение хрупких крыльев и маленьких лап. А после одним стремительным движением, не давая себе усомниться, отпустила ее.

Это не моя мама.

Это кто-то, кто выглядит как она. Кто, как я, видел ее тринадцать лет назад и повторил облик — молодой, без отпечатка минувших дней. И есть лишь один человек, кому это под силу.

— Здравствуйте, Хальдор.

Растянуть губы в воспитанной улыбке оказалось непросто. Заставить голос звучать спокойно — и того сложнее. Но я справилась.

— Здравствуй, Эвелин. Прости, если этот облик тебя расстроил.

— Нет. Я рада увидеть ее. Пусть и так...

— Пройдемся?

— Да, конечно.

Тепло улыбнувшись, Хальдор приобнял меня за руку и повел вдоль украшенной полотнами стены. Ряд колон, словно барьер, отделял нас от толпы.

— Мне так жаль, Эвелин.

Я повернулась к чтецу. В груди болезненно заныло, стоило вновь встретить мягкий прищур больших серых глаз.

Детская память коротка. Я почти забыла, насколько мама была красива. Точнее, ребенком я не могла оценить ее красоту в полной мере. Теперь же всматривалась в каждую черточку: в прямой нос, аккуратные губы, в едва заметную морщинку между бровей.

— Не стоит, я правда благодарна за возможность увидеть ее, вспомнить.

Густые светлые волосы, украшенные аметистовым гребнем, качнулись, когда чтец склонил голову к плечу.

— Я сожалею не об этом, Эвелин, а о твоей судьбе. Ты никогда не должна была стать... такой, — взгляд Хальдора скользнул к артефакту, висящему у меня на шее.

— И отчасти во всем случившемся виноват я.

Мы повернули и продолжили идти по узкому коридору между стеной и залом, полным гостей. Звуки вечера оставались все таким же громкими, но только нам они не мешали. Даже беседуя вполголоса, мы прекрасно слышали друг друга.

— Обычно я не говорю людям, что вижу, когда смотрю на них. Так легче. И им, и мне. Но Ронвальду я отказать не смог. Думал, он сумеет сохранить разум холодным, ведь именно этим он всегда и славился. Но когда речь зашла о твоей судьбе, выдержка ему отказала. Нет, уверяю, внешне твой отец не дрогнул — не в его это природе. Но я увидел затаившуюся во взгляде тень. И это стало моей второй ошибкой. Потому что я увидел, но не вмешался. То, что он сделал... Против кого пошел в попытке защитить тебя...

Я не перебивала. И вопросов не задавала — только в волнении все сильнее стискивала пальцы на ладони Хальдора, покоящейся у меня на предплечье. Чтец же глядел на меня понимающе, с неясной отеческой теплотой и такой бездной сожаления, что щемило в груди.

— Чернокнижники, — со вздохом продолжил он. — Твой отец пошел против них и поплатился за это. Тебя спасло лишь то, что вы с матерью редко покидали родовое поместье. О тебе свет не знал.

В душе снежной порошкой взметнулась растерянность. Свет? Но ведь так говорят лишь о мире высородных. А Самаэль? Знаком ли он с другими чернокнижниками? Разделяет ли их идеи? И если так, то как поступит со мной, когда узнает, что в прошлом мой отец перешел дорогу носителям тьмы?

Десятки вопросов закружились в голове, словно набирающая силу метель. Однако я не смогла задать ни один из них. Едва завидев, что я открыла рот, Хальдор жестом остановил меня.

— Ответы на некоторые вопросы лучше находить самой. Зачастую поиски, тот путь, который приходится пройти, важнее результата. Поэтому я не хочу вмешиваться, Эвелин. Один раз, поддавшись искушению и поделившись тем, что вижу, я ошибся. Но больше этого не повторится, — чтец улыбнулся, глядя на мои тщетные попытки скрыть недовольство и качнул головой. — Верь себе, слушай свое сердце и однажды, уверяю, ты найдешь ответы.

Мы вышли из коридора и влились в шумную толпу. Хальдор двигался мягко и вместе с тем очень решительно. Он будто чувствовал, где вот-вот расступятся люди, и уверенно вел нас между ними.

— И все-таки до чего интересно сложилась судьба. Из-за чернокнижников ты лишилась семьи. Теперь же всей своей сутью тянешься к одному из них, мечтаешь спасти.

Сердце болезненно сжалось. Хальдор видел мои надежды и наверняка знал, что осуществиться им не суждено. Однако настойчиво вытаскивал их на поверхность и тряс у меня перед лицом, будто флагом.

— Зачем вы говорите мне это?

— Хочу понять.

— Что? Насколько это больно — мечтать о несбыточном?

Я все же не сдержалась и позволила раздражению проступить в голосе. Вспоминать о смерти родителей не хотелось. Думать о тех потерях, которые еще только предстоит пережить — тем более. Но Хальдор не оставил мне выбора.

— Нет. Скорее — как далеко ты готова зайти в своем стремлении спасти? Не побоишься ли рискнуть?

Мои губы против воли изогнулись в кислой усмешке. Побоюсь? У меня нет ничего, за что стоило бы держаться: ни прошлого, ни будущего. По крайней мере такого, о каком я мечтаю. А значит, и терять мне нечего.

— Я бы пошла на любой риск, если бы только это помогло Самаэлю, — ответила твердо. В глубине серых глаз блеснуло одобрение.

Хальдор остановился и повернулся ко мне. Он будто и не видел никого вокруг. Ни кружащиеся в танцы пары по левую сторону от нас. Ни разбившиеся на небольшие группки айров, переговаривающихся за бокалом игристого вина. Он смотрел на меня, не мигая, и от такого пристального внимания вдруг стало неуютно.

— Я рад видеть тебя такой: решительной, смелой. Истинной дочерью Ронвальда. И я надеюсь, тебе хватит сил стать той, кем ты была рождена. Удачи... Эвелин Видар, — вместе с последним словом Хальдор с силой сорвал артефакт с моей шеи.

Глава 37

В первую секунду я даже не поняла, что случилось. Послушно приняла бархатную ленту, всунутую мне в руки, и проводила спешно удаляющуюся фигуру взглядом. А потом, будто очнувшись, кинулась следом.

— Подождите!

Я протиснулась между гостями, нечаянно задела двух дам в пышных платьях, спешно извинилась. Обогнула слугу с подносом фужеров и едва не врезалась в старого айра, облаченного в серо-зеленый костюм. Но все же догнала Хальдора. Схватила его за запястье и потянула на себя.

— Постойте, прошу вас!

Льдистый голубой взгляд прошил меня, будто иглами.

— Что вы себе позволяете?!

Другое лицо, другой тембр голоса, другая мимика — все другое...

Я растерянно отступила.

— Хальдор?

— Айвэра, — дернула плечом дама. С нескрываемым недовольством высвободила запястье из моей хватки и повернулась к мужчине, стоявшему с ней рядом. — Прости, дорогой, нас прервали. Ах, на эти вечера стали пускать кого ни попадя!

Опустив ладонь поверх предложенного локтя, айра вместе со спутником чинно удалилась.

— Прошу прощения. Я, видимо, обозналась... — проговорила им вслед.

Был ли это Хальдор, изменивший облик? Или случайная айра в похожем наряде? Сейчас уже и не важно. Чтец исчез. Теперь, если только он сам того не захочет, его не найти.

Я посмотрела вниз — на свои пальцы, сжимающие бархатную ленту. И с каждой секундой в груди все сильнее разрастался страх.

Артефакт сорван. Артефакт, умиротворяющий мой опасный дар... сорван!

От понимания случившегося меня кинуло в жар. Нутро стянуло узлом. Нет, не может быть!

— Растяпа! — возмутились совсем рядом. — Ты наступил на шлейф моего платья!

— Сама виновата! Напаялила гардину, будто одна в зале, а потом удивляешься, что кому-то такая безвкусица может мешать!

— Что?!

— А иначе ей уже не привлечь внимание молодых айров. Возраст-то не тот, — хмыкнула пышнотелая айра.

— Тебе-то об этом лучше других известно. Да, Хайри? Или ты больше не кувыркаешься с сыном Дайры?

— Что ты сказала?! С моим мальчиком?! Ах ты...

Я развернулась и, не думая, побежала прочь. Взгляд заскользил поверх голов, выискивая выход, но его не было. Хальдор будто специально завел меня в самую гущу гостей. Хотя, почему «будто»?

Визгливый крик резанул по ушам. Две айры вцепились друг другу в волосы, словно уличные торговки из-за украденной курицы. Стоящий рядом мужчина глумливо засмеялся, но тут же умолк, когда в его гладковыбритую щеку врезался кулак.

— За то, что спишь с моей женой, мерзавец! — выкрикнул сидящий айр. — Думал, я не знаю?!

— Ненавижу тебя! — срывала голос статная дама, кидаясь на своего спутника.

— Нужно было задушить тебя еще в колыбели! Ты ублюдок! В твоих жилах не течет кровь моего великого рода! — рычал какой-то старик на тощего юношу.

— Это я! Я донесла на твоего мужа! Раз он не стал моим, так пусть останется ни с чем! Вы подохнете в нищете! — злорадствовала совсем молодая айра в лицо другой, постарше. Каждая фраза сочилась ядом. Срывалась с губ высокородных, смешивалась в коктейле безумия и все больше отравляла присутствующих.

— Самаэль! Самаэль! — мой голос тонул в общем шуме.

Звон бьющегося стекла прозвучал неожиданно громко. Даже крики гостей не смогли заглушить его. Я обернулась. Увидела порушенную башню фужеров красного игристого вина и алые, будто кровь, ручейки, протянувшиеся по полу. Только вряд ли кто-нибудь еще их заметил. Для всех вокруг мир ослеп, погрузился в черноту выжигающей душу ненависти. Даже молодая айра, упав и врезавшись ладонями в осколки, не посмотрела вниз. На ощупь схватила отломленную ножку бокала и, вскочив, нацелилась на шею подруги.

Где-то совсем рядом раздался знакомый голос. Хватило секунды, чтобы найти взглядом его обладателя — это Тейден накинута с кулаками на молодого айра, с которым ушел совсем недавно. Красивое лицо исказила гримаса ярости, тонкие пальцы остервенело драли густые темные волосы.

Крики звучали отовсюду. Неистовые, злые, полные боли... К витающему аромату разлившегося вина добавился металлический запах крови. И он, казалось, лишь еще больше раздражил обезумевших айров.

— Самаэль! — позвала я, чуть не плача.

Толпа сжималась, сдавливала меня, словно тиски. Я не могла вырваться из ловушки человеческих тел. Какой-то старик, с пугающей для его возраста прытью, бросился на молодящуюся женщину. Толкнул ее, задев еще троих. Чей-то локоть врезался мне под ребра. Я согнулась, обхватила себя руками. Не удержала равновесия, когда где-то рядом завязалась новая потасовка, и упала. Десятки туфель, мужских и женских, замелькали перед лицом. Несколько приземлились мне на пальцы, заставив закричать от боли. Я попыталась встать, но тут же упала снова. Безумие айров утягивало на дно страшнее, чем водовороты проклятой реки. Кто-то запнулся об меня. Упал сверху. Отталкиваясь руками и коленями начал вставать, но тут же растянулся вновь, сбитый кем-то третьим.

Я сжалась. Накрыла голову ладонями, зажмурилась и без устали звала Самаэля. Где же он? Где он, когда так нужен?

— Самаэль, пожалуйста! — взмолилась отчаянно. — Самаэль!

И он услышал.

Тьма обрушилась на зал, словно волна на скалы. Укутала тугим коконом и ощутимо придавила к полу. Присутствие Самаэля я не увидела — почувствовала. Еще до того, как стихли крики и исчезли люди, придавившие меня; до того, как ощутить крепкие объятия и частый стук чужого сердца, я уже знала — он здесь.

Самаэль молчал. Не ругал меня, ни о чем не спрашивал, только прижимал к себе с невысказанным отчаянием, стискивал так крепко, будто пытался укрыть от безумия айров не только тьмой, но и своим телом. И я прижималась в ответ. Цеплялась подрагивающими пальцами за широкую спину, вдыхала его запах и не могла им надышаться. Он здесь. Со мной.

Не знаю, сколько мы так простояли. Но не думаю, что долго — по крайней мере, когда Самаэль мягко отстранился, я едва сдержалась, чтобы не вцепиться в него изо всех сил. Подавила этот порыв и подняла голову. Пусть я не вижу его лица, но точно знаю — Самаэль видит мое. И я хочу, чтобы он всегда знал: я смотрю на него, слушаю. Я рядом.

— Уходим, — его голос прозвучал спокойно, будто ничего непоправимого не случилось.

Я кивнула и уже в следующий миг оказалась у Самаэля на руках.

— Все плохо? — спросила тихо, когда мы двинулись к выходу. — Ты сможешь заставить их забыть? Как тех людей в дилижансе...

— Это айры, Эвелин. Их разум защищен. Я смог бы сломить защиту у многих, почти у всех, если говорить начистоту. Но не у советников императора. А они здесь.

Я закрыла глаза и сильнее прижалась к Самаэлю. Безотчетно, не думая, что и почему делаю, я искала в его объятиях защиты. И Самаэль это понял.

— Тебе нечего бояться, — произнес он твердо. — Тайдариус тебя не получит, обещаю.

— Но он император...

— Плевать. Я не позволю ему убить тебя из-за дара, который ты не выбирала.

Мы вынырнули из темноты. Я мельком огляделась, с удивлением понимая, что мы каким-то образом оказались в саду. Причем, судя по густой зелени вокруг, резиденция осталась далеко позади.

Черные ленты проворными змеями стелились перед нами. Они юркали за каждый поворот, будто проверяя путь. Несколько раз я замечала уснувших стражников, дважды видела айров, укутанных туманным коконом. Казалось, вся территория резиденции погрузилась в сон. Даже породистые гончие, мимо загона которых мы прошли, — и те спали.

— Сколько у нас времени?

— Немного. Но надеюсь, его хватит, чтобы добраться до Теневого поместья. У меня в лаборатории есть еще один артефакт, способный сдержать твою силу.

— А потом? Что будет, когда нас поймают?

— Никто тебя не поймает, Эвелин. Слово чернокнижника.

Глава 38

Частый стук копыт гулким эхом расходился в воздухе. Ритмичный, взволнованный, он звучал в такт биению моего сердца. Двойка пегих коней уносила нашу повозку все дальше от императорской резиденции. Ленты тьмы летели рядом и, словно щупальца гигантского спрута, извивались над землей. Они тянулись во все стороны, путали следы, создавали новые, усыпляли оказавшихся на дороге путников. Но я едва ли обращала на них внимание.

Сидя на полу крытой повозки и прижимаясь к боку Самаэля, я изо всех сил старалась не поддаваться отчаянию.

Айры в резиденции вот-вот очнутся. Тьма не сможет удерживать их под наведенным сном долго — все-таки внутренние блоки у высокородных сильны. Скоро Тайдариус Четвертый узнает о предательстве Самаэля, о моей тайне, и объявит нас вне закона. Начнет охоту. И тогда, совсем как в ту роковую ночь, когда Лаур меня продал, гончие возьмут мой след. Уже не псы — имперские охотники. Опасные, безжалостные. Разве возможно скрыться от таких?

Беспокойство в груди росло. Крепло, как набирающий силу вихрь, скручивало мои внутренности, заставляло все во мне болезненно сжиматься. Не только из-за страха перед карой Тайдариуса. Я думала о Самаэле, вспоминала наш короткий разговор в саду и будто заново слышала: «Никто тебя не поймает, Эвелин».

Меня. Не нас. Почему он сказал так? Что задумал?

Спросить напрямую я не могла — Самаэль, кажется, дремал. Он потратил много сил, чтобы укрыть резиденцию тьмой, и продолжает тратить их сейчас, путая наши следы. Прижимаясь к его боку, я чувствовала, как часто вздымается его грудь, ощущала исходящий жар. И я не хотела мешать. Пусть Самаэль делает то, что считает правильным. Я тоже поступлю так.

Я останусь. Не побегу спастись в одиночку, даже если Самаэль об этом попросит. Пусть это глупо, пусть наивно, но каким бы ни оказался финал нашей истории, я встречу его с Самаэлем. В конце концов, он ведь сам говорил, что мы разделим одну судьбу на двоих. И я хочу этого. По-настоящему хочу. Не из благодарности или чувства долга. Это нечто гораздо более глубокое, личное. Почти эгоистичное. Потому что Самаэль нужен мне. Любим. И мне неважно, как он выглядит: обезображен ли шрамами, как молвят в городе, или обожжен до черноты. Не видя лица, я разглядела нечто более прекрасное — его душу.

Часа через три мы остановились на маленьком гостевом дворе. Таком убогом, что не оставалось сомнений: даже городские бывают тут нечасто, только низкородные. Еще до того, как мы выбрались из повозки, ленты тьмы опутали дом, заскользили по территории. Очертили ее, будто защитным барьером, и замерли. Самаэль прошел внутрь. Я же осталась на улице, кутаясь в наведенный плащ.

Совсем скоро Самаэль вернулся. За ним, переваливаясь с боку на бок, семенила полная женщина с каким-то свертком. Не поднимая взгляда, она впихнула его мне в руки, развернулась и зашагала обратно в дом. Однако дойти не успела — на пороге тьма опутала ее, будто коконом, и погрузила в наведенный сон.

Ржание и скрип колес заставили меня переключить внимание с женщины на дорогу. Рядом с нашей повозкой остановилась другая — такая же старая и убогая, как гостевой двор. На козлах сидел плюгавый мужичок в растянутой серой рубаше. Дождавшись, когда мы заберемся внутрь, он щелкнул поводьями. Я мельком глянула на вившееся у него над головой темное облако и повернулась к Самаэлю.

— Поешь, — кивнул он на сверток у меня в руках.

Но я не послушалась, даже не посмотрела вниз. Отложила сверток и придвинулась к Самаэлю.

Что-то в его голосе меня насторожило.

Несколько мгновений я всматривалась во тьму под капюшоном, будто надеясь поймать его взгляд — тепло-карий, почти золотой. Как тогда, еще в первые дни нашего знакомства. А потом одним быстрым движением, словно змея в броске, я вскинула руку. Самаэль попытался перехватить ее, но я успела коснуться пальцами гладко выбритой щеки. Слишком горячей, чтобы ошибиться.

— Да ты горишь! Надо вернуться на постоянный двор. Уверена, у них найдутся хотя бы простейшие микстуры и...

— Нет времени, Эвелин.

— На такое время всегда найдется! — я бросила беспокойный взгляд на дорогу, оставшуюся позади.

— Эвелин, не надо, — Самаэль мягко потянул меня на себя, заставляя повернуться к нему.

— Мы не можем медлить, — произнес он настойчиво.

— Пожалуйста, хотя бы на пару минут. Где-нибудь поблизости наверняка есть колодец. Можно смочить водой тряпку и попытаться сбить жар.

— Это не поможет.

— Самаэль, пожалуйста! — взмолилась я, в отчаянии сжимая его пальцы.

— Этот жар не сбить. И микстуры тут не помогут. Не стоит тратить время попусту.

— Что? Но почему?

— Потому что это проклятие, Эвелин.

Я растерянно моргнула. Как — проклятие? Какое? Чернокнижников? Но до его пробуждения же еще полгода!

Самаэль тихо усмехнулся и качнул головой.

— Тьма над резиденцией развеялась. Тайдариус обо всем узнал и активировал проклятие.

— Активировал? Как?

— Это поводок, которым правители держат чернокнижников. Никто не стал бы подпускать нас к вершинам власти, не имея возможности усмирить. Еще один залог нашей верности: вместе с принесением клятвы мы отдаем часть крови. Через нее можно заставить скрытое в нас проклятие проснуться раньше.

Я упрямо мотнула головой. По-детски наивно, не думая, не понимая, что и почему делаю. Я просто не желала верить, что у меня отняли последнее — время с Самаэлем.

Нет! Только не сейчас! Не когда я наконец смогла понять, что чувствую, когда сделала выбор. Не отдам! Мои пальцы на руке Самаэля сжались сильнее. Будто вцепись я что есть мочи — и удержу.

— Сколько?..

— Не знаю. От пары часов до трех суток. Надеюсь, оставшегося времени хватит, чтобы добраться до поместья. Я должен лично снять печать с лаборатории. Иначе внутрь не попасть.

— Ты знал, что так случится? — голос надломился. — Почему не сказал? Почему не попытался помешать. Почему... почему?..

Слова не приходили. Горло стянуло, не позволяя наполнить грудь воздухом. Его будто не осталось вовсе. Все, что я могла — шептать одно слово, задыхаясь, и всматриваться во тьму. Во тьму, в которой я вновь смогла различить чуть прищуренные светло-карие глаза. В них не читалось обиды или сожаления — только бескрайний океан нежности и непонятного мне спокойствия.

Он всегда знал, что рано или поздно проклятье убьет его. Знал, что, пойдя на преступление против империи — сохранив жизнь сначала Айрис, а потом и мне — рискует. И сейчас в его взгляде я видела уверенность. Согласие с каждым принятым решением, с каждым сделанным шагом. А еще я видела нежность. Таковую, от которой стягивает сердце. От которой сковавший мое тело лед с треском ломается. Разлетается сотней осколков и испаряется ими последний бастион моей выдержки. Я падаю, прижимаюсь к Самаэлю и до крови прикусываю губу, сдерживая крик. И только слезы сдержат я оказалась не в силах.

Глава 39

Мы останавливались несколько раз, чтобы сменить повозки, вильнуть на другую дорогу, спутать следы. Оба почти не спали. Самаэль иногда проваливался в тяжелую дрему, и в такие моменты я боялась пошевелиться. Вслушивалась в его дыхание, осторожно вытирала пот со лба и молила небеса о помощи. Знала, что даже они не в силах ничего изменить, но просто не могла смириться. Отчаяние скручивало в тугую жгут, ломало кости и вытягивало жилы. Собственное бессилие убивало. Я не могла спасти, не могла облегчить состояние Самаэля — ничего не могла! Только и оставалось, что кусать губы в беззвучном плаче и вслушиваться в слабое дыхание.

Тьма, словно верная подруга, держалась рядом. Вилась вокруг Самаэля, обнимала меня тяжелым одеялом, скользила перед повозкой лентами. Но и она слабела. Я чувствовала это. Пропускала пальцы сквозь туманное марево и ощущала, как с каждым часом оно становится все легче.

На подъездах к Айдерону я отпустила возничего. Проводила его взглядом, уверяясь, что наведенная тьма еще держится, и перебралась вперед. Щелкнула поводьями.

Рассвет окрасил небо рыжими мазками. Звезды истаяли, тени отступали, прячась от первых лучей. Совсем немного, и город проснется. Надо торопиться. И я торопилась — гнала уставших лошадей без жалости. Подстегивала их снова и снова, испуганно сжималась на каждой кочке, когда повозка подпрыгивала, словно мячик, но не сбавляла темпа.

Перелетев мост-луку, я заставила лошадей побежать еще быстрее. Так, чтобы сама смерть не догнала нас. Иногда я оборачивалась на Самаэля, за секунды пытаюсь понять, дышит ли он. А потом снова, без усталости, щелкала поводьями. Быстрее! Еще быстрее! Ветер трепал мои волосы. Зло хлестал непослушными прядями по щекам, стирал бессильные слезы.

Когда среди зелени леса я заметила нужный поворот, из груди невольно вырвался полный облегчения вскрик. Почти! Почти добрались! Будто разделяя мои эмоции, ленты тьмы вильнули тающими хвостами и устремились вперед, к поместью.

Нас встречали. Добрый десяток слуг высыпал на главное крыльцо и, едва дождавшись, когда повозка остановится, подошли ближе.

— Госпожа?

— Самаэлю нужна помощь. Пожалуйста... Он... ему плохо... Надо перенести...

Слова вырывались бессвязной путаницей. Я почти не понимала, что говорю. Не поднимая головы, перебралась внутри повозки и припала к груди Самаэля.

Секунда. Две. Вдох.

Я шумно всхлипнула. Обняла ладоням укутанное тьмой лицо и закусил губу, глотая слезы. Дышит. Он дышит! Хвала небесам!

— Госпожа, — рядом раздался мужской голос, — позвольте нам.

Я кивнула и отодвинулась, давая двум рослым слугам подхватить Самаэля.

— Куда прикажете, госпожа? В нижнюю гостиную?

— Д-да...

— Нет, — выдохнул Самаэль. — В лабораторию.

Отчаяние проломило грудь, словно дикий вебрь старый забор. Пришлось сжать кулаки до впившихся в кожу ногтей, чтобы только сдержать всхлип. Я не имею права на слабость. Раз держится Самаэль, должна держаться и я.

Выбравшись следом за слугами из повозки, я отстала на полшага. Рагна напротив бежала впереди, открывая и придерживая двери.

— Доложи Айрис, — приказала я, проходя мимо молоденькой служанки, и та тут же сорвалась с места.

Как бы я не относилась к сестре Самаэля, она должна узнать. Сейчас, немедленно. Пока время еще есть...

Я шла, почти не поднимая взгляда. Смотрела ниже голов, не желая ставить жизни людей Самаэля под удар. Пусть меня укрывает наведенный плащ, но где гарантия, что тающая тьма защитит их от дара Одни?

Мы спустились в подвал, миновали широкий и на удивление хорошо освещенный коридор, остановились у массивной двери, изрезанной символами. Самаэль, пошатываясь, приложил руку к одному из них и что-то еле слышно прошептал. Тьма оплела его ладонь, закрутилась спиралью и, пройдя сквозь кожу, исчезла. Символы на двери полыхнули черным.

— Найдешь? — голос Самаэля прозвучал тихо, но твердо.

— Найду, — ответила с той же решительностью.

Еще в первые сутки, когда скрывать пробудившееся проклятие стало невозможно, Самаэль рассказал, где лежит нужный артефакт. Сейчас важнее другое.

— Верните мастера чернокнижника на первый этаж, — распорядилась я, поворачиваясь к слугам.

Те без лишних слов подчинились. Может, как и я понимали, что Самаэль хочет увидеться с сестрой. А может, просто не решились оспаривать приказ. Пусть даже он и отдан простой девчонкой из Айдерона.

Айрис уже ждала нас в просторной гостиной. Едва завидев Самаэля, она дернулась, будто зверь, угодивший в капкан. Будто забыв, что прикована к креслу. Потянулась к брату с неприкрытым ужасом на лице, а потом, опомнившись, в несколько сильных толчков подкатила кресло к низкой тахте, куда слуги как раз опускали Самаэля.

— Оставьте нас, — глухо приказала она.

Не знаю, обращалась ли она только к слугам, или меня это тоже касалось, но я даже не подумала подчиниться. Опустилась рядом на пол и, кусая губы, уставилась в тающую тьму. Айрис взяла брата за руку.

— Проклятие?

— Да. Это... это из-за меня. Артефакт слетел и...

— И рано или поздно Тайдариус все равно бы обо всем узнал. Самаэль никогда не питал ложных иллюзий. Когда он предал империю, сохранив мне жизнь, — губы Айрис дрогнули, — он понимал, что однажды заплатит за это преступление. В третьем ящике комода лежит шкатулка. Принеси мне ее.

Нужная вещь нашлась без проблем. Большая, деревянная, она выглядела слишком просто для богатого убранства поместья. Плоскую крышку украшал незатейливый растительный узор с большой розой в центре.

Айрис молча приняла шкатулку. Протянула руку к тающим лентам тьмы, без единой эмоции дождалась, когда они полоснут ее по ладони и прижала порез к розе. Раздался щелчок.

— Кровь нашего рода. Тьма нашего рода. Только они могут снять печать, — все-так же глухо пояснила Айрис и, не открывая, протянула шкатулку мне.

Под тяжелой крышкой нашлись украшения, деньги, какие-то бумаги, запечатанные сургучом, несколько бархатных мешочков с монетами.

— Этого хватит, чтобы скрыться и начать новую жизнь. Забирай и беги. Бери любую лошадь, скачи в Тайрен. Там найди мастера Ольгарта, отдай ему письмо с синим гербом в углу.

— Что? Зачем?

— Потому что Самаэль хотел, чтобы его жизнь спасла другую. Он продумал путь бегства еще тогда, когда во мне пробудился дар Рабии. Теперь же этим путем воспользуешься ты.

— А ты?

— Я не оставлю брата. Если нашему роду пришло время уйти в забвение, я не стану противиться. Скоро мы все встретимся. Там, за гранью, наша семья вновь воссоединится. Повернувшись к шкатулке, Айрис вытащила овальный медальон из белого золота. Щелкнула замочком и раскрыла половинки. Внутри каждой нашелся портрет. Женский и мужской. Хватило секунды, чтобы понять — это родители Самаэля и Айрис. У мужчины оказались такие же выразительные серые глаза, как у дочери. Такой же нос, линия скул и подбородка. В Айрис все эти черты выглядели по-женски мягкими, но ошибиться в их сходстве невозможно. От матери ей достались только полные, четко очерченные губы.

Однако отец Самаэля и Айрис меня не заинтересовал. Я смотрела на женщину. На ее густые каштановые волосы, завитые полукольцами, на аккуратный, чуть вздернутый нос. И на глаза — большие, миндалевидные, светло-карие.

— Совсем как у Самаэля, — заметила я тихо.

Но Айрис услышала. Вздогнула и повернулась ко мне.

— Что — как у Самаэля?

— Глаза. Это ведь ваша мать?

Айрис оставила мой вопрос без ответа, вместо этого задала свой:

— Он сам показался тебе?

Я растерялась. Нахмурилась, пытаюсь вспомнить.

— Эвелин, — Айрис напряженно стиснула мои пальцы, — откуда ты знаешь, какого цвета глаза у Самаэля?

— Видела. В первый раз мельком в самом начале нашего знакомства, второй — совсем недавно. Когда тьма начала рассеиваться.

— А сейчас? Его тьма, какая она?

— О чем...

— Эвелин, ответь!

Я посмотрела на Самаэля. Вгляделась в морок под капюшоном, различила линию подбородка и чуть приоткрытых губ.

— Эвелин!

Пальцы Айрис дрогнули, когда она сильнее сжала мою ладонь.

— Она тает. Ослабевает вместе с Самаэлем.

Айрис шумно выдохнула. Отпустила меня и, запрокинув голову, тихо засмеялась. По ее щекам побежали слезы.

— Ослабевает, — повторила она, будто не веря. — Пожирая чернокнижника, тьма набирает силу. Она непроглядна, Эвелин. Знаешь, что вижу я, когда смотрю на Самаэля? Черную бездну, живую и пугающую.

— Но... как же тогда?..

— Только чернокнижники способны видеть сквозь тьму, — Айрис снова посмотрела на меня.

— Они и их избранницы.

Глава 40

Я еще пыталась осознать смысл последних слов, а Айрис уже действовала. Отобрала у меня шкатулку и принялась с нетерпением выискивать что-то среди украшений и монет. Выругалась себе под нос, захлопнула крышку и впихнула мне в руки шкатулку. Сама же развернула кресло

к выходу из комнаты и крикнула Рагну. Еще недавно слабый голос вновь зазвучал твердо.

Пальцы Айрис больше не дрожали, лицу вернулись краски.

— Да, госпожа, — Рагна поклонилась, перешагивая порог.

Я спешно опустила голову, пряча взгляд. Вредить Рагне своим даром я не хотела.

— Приведи ко мне Кьелла и Кнутта. Сама тоже держись рядом.

— Как прикажете, госпожа. И... госпожа? Бьер просил передать, что к поместью движутся люди. Дюжины полторы, не меньше...

Дыхание на миг перехватило. Имперские гончие? Уже почти здесь?

— Спасибо, Рагна, — в отличие от меня, на лице Айрис не дрогнул ни один мускул.

— А теперь приведи Кьелла и Кнутта. Живее.

Поклонившись, Рагна поспешно вышла из комнаты.

— Айрис? Что ты задумала?

Стремительная перемена в ее настроении и нездоровый азарт, вспыхнувший в глубине серых глаз, пугали.

— Спасти брата.

— Но...

— Ты не поняла? — она повернулась ко мне. — Эвелин, ты избранница тьмы! Одна на миллион! И теперь Самаэль не умрет, ты спасешь его!

— Что? Но как?

— Без понятия. Уверена, когда придет время, ты сама поймешь.

— Какое время? Айрис, очнись! Если бы я была избранницей тьмы, проклятие бы не пробудилось. Я хочу помочь. Правда хочу! Но я ничего не могу сделать. Самаэль уми...

Звонкая пощечина обожгла щеку. Я вскрикнула и прижала ладонь к пылающей коже.

— Не смей говорить, что мой брат умирает! Что бы с ним ни происходило, он не умрет. Ты не позволишь этому случиться. А если позволишь... — холодный взгляд впился в меня иглами,

— ... клянусь, я заставлю тебя пожалеть об этом. Достану на этом или с того света, но не оставлю в покое. Самаэль все, что у меня есть. И я не позволю ему умереть. Поэтому, будь так добра, помоги мне.

Я не успела спросить, чего именно Айрис от меня ждет, — в комнату вошли двое рослых слуг. За ними, семеня, прошмыгнула Рагна.

— Кьелл, немедленно перенеси моего брата в лабораторию. Эвелин ступай с ними. Кнутт и Рагна останутся со мной.

Самый крупный из мужчин тут же направился к Самаэлю. Поклонился ему, Айрис и, подхватив Самаэля, вышел за дверь. Я замешкалась. Что-то в поведении Айрис мне не нравилось. Этот непонятный азарт во взгляде, эта странная решимость в голосе. Откуда они появились? Нет, она что-то задумала. Понять бы еще — что?

— Эвелин! — резко окликнула Айрис. Поймала мой взгляд и улыбнулась — устало, будто на секунду опустив внутренние щиты. — Позаботься о нем. Если его тьма выбрала тебя — значит, ты особенная. Не для мира. Для Самаэля.

— А ты?

— Я скоро присоединюсь, не переживай. А сейчас иди. Ты нужна ему.

Еще секунды две я медлила. Потом все же кивнула и выскочила за дверь.

Кьелла я нагнала на лестнице, ведущей в подвал. Отстала на полшага и послушно, будто утенок за мамой-уткой, прошла до лаборатории. Стоило нам войти, как по всему помещению зажглись светильники.

Помещение оказалось неожиданно просторным. Почему-то подсознательно я готовилась увидеть небольшую каморку. В подвале таких было три. Когда мы шли я успела заметить их сквозь приоткрытые двери: маленькие темные комнатки, заставленные коробками и ящиками. Но лаборатория Самаэля удивила. Она легко вместила в себя три больших стола, заставленных какими-то приборами. Некоторые с мерным шелканьем проворачивались вокруг оси, другие оставались неподвижными. На высоких латунных ножках замерли увеличительные стекла, идущие друг за дружкой, словно бусы. У основания — самые большие, а чем дальше, тем меньше диаметр и толще ободок.

За стеклянными дверцами шкафов виделись десятки коробок и ларцов, высились узкие тубы. На широком комоде лежал ворох бумаг, исчерченных схемами и непонятными символами. У

дальней стены нашелся темно-зеленый диван. Судя по всему, Самаэль иногда задерживался за работой допоздна.

Но все это я отметила лишь мельком. Взгляд пролетел коршуном над помещением и замер, прикованный к Самаэлю, которого Кьелл аккуратно опустил на диван. В несколько шагов я оказалась рядом, придержала подушки, помогая устроить Самаэля, и, поддаваясь порыву, сжала горячие пальцы.

Как я должна остановить убивающую Самаэля тьму? Откуда у Айрис возникла эта уверенность, что я избранница? Будь так, Самаэль наверняка бы понял это раньше. А теперь... теперь... Теперь я чувствую себя еще более бессильной! Что я могу, кроме как сидеть рядом и держать его за руку? Неужели одно это удержит его от шага за грань?

Приглушенный шорох шагов о каменный пол заставил ненадолго отвлечься — это Рагна мышкой юркнула в лабораторию. Уверенно добежала до одного из столов и оставила на нем шкатулку.

— От госпожи Айрис, — пояснила она, поймав мой взгляд. А потом, не прощаясь, выскочила вон.

Почти в ту же секунду дверь с грохотом встала на место, щелкнул замок. Не думая, я вскочила и кинулась к ней. Дернула ручку в пустой надежде и ударила кулаком.

— Что вы делаете? — выкрикнула испуганно.

— Спасая тебя и брата, — глухо отозвалась Айрис с той стороны.

Толстая преграда мешала. Пришлось прикинуть к двери ухом, чтобы только разобрать слова:

— Об этой лаборатории никто не знает. Тайдариус и его люди думают, что Самаэль работает в нашем столичном доме. А это поместье для его немощной сестры.

Я почти не дышала, боясь упустить хоть слово, и потому сумела уловить усмешку в голосе Айрис.

— Самаэль создал эту лабораторию, чтобы найти спасение для меня... для нас подобных. Теперь же это место спасет его. Слуги не смогут рассказать о нем — принесенная клятва молчания не позволит им этого сделать. Когда все закончится, вы с Самаэлем сможете уйти переходом. И пожалуйста... помогите ему принять мой выбор.

Неясная тревога, догадка, предположения — мысли еще только выстраивались в законченную цепочку, а я уже бежала к оставленной Рагной шкатулке. Открыла ее и на мгновение замерла, взглядом изучая нутро. Среди мешочков с монетами и писем, поверх всех украшений лежало кольцо. С большим алым камнем, изящное. Знакомое. То, которое я видела совсем недавно.

Едва поняв, что это за вещь, я откинула шкатулку и бегом кинулась обратно к двери.

— Айрис, нет! Айрис!

— Береги его, Эвелин, — прозвучало приглушенное. — Унеси меня, Кнутт. Я должна активировать защиту до того, как сюда заявятся имперские гончие.

— Айрис, не надо! Остановись, пожалуйста! Айрис!

Не слыша себя, я била в дверь, звала, умоляла одуматься. Но при этом глубоко в душе уже знала — Айрис не отступит. И когда стены содрогнулись от грохота падающих камней, а с потолка посыпалась каменная пыль, что-то внутри меня оборвалось. На негнущихся ногах я вернулась к выпавшему из шкатулки кольцу, подняла его и сжала.

Я знаю, что это за вещь — видела ее на пальце Айрис всего несколько минут назад. И я помню рассказы Самаэля о сдерживающих артефактах. Сомнений нет: мне в ладонь острыми гранями упирается один из них — артефакт, сдерживающий дар Рабии. Силу Айрис.

Глава 41

Время застыло. Самой себе я напоминала комара, попавшего в каплю смолы. Я чувствовала, как все сильнее увязаю в ней, как секунды перестают сменять друг друга. И остается только одна из них, которая длится, и длится, и длится. Бесконечно, однообразно.

Самаэль не шевелился. Его грудь вздымалась все так же слабо. Иногда я испуганно припадала к ней ухом и, замирая, ловила каждый удар сердца.

— Что мне делать? — шептала, обнимая ладонями мужские пальцы. — Я не справлюсь одна. Никогда не справлялась. Ты нужен мне, Самаэль, нужен! Пожалуйста, очнись...

Закрыв глаза, я упрашивала его снова и снова. Задевала губами горячие мужские пальцы, обжигалась, но продолжала звать.

Я боялась... Нет, ни того, что нас замуровали, и если Самаэль погибнет, я погибну вместе с ним. Я боялась, что он не очнется. Боялась поверить Айрис, назвавшей меня избранницей тьмы. Боялась, что Айрис ошиблась. И вместе с тем молилась всей душой, чтобы она оказалась права. Когда мои чувства к Самаэлю изменились? Когда на место страха перед его тьмой пришел трепет? В то утро возле дилижанса, когда он спас меня от собственного дара? Или когда помог вспомнить родителей? Когда сжимал в объятиях, впитывая мою боль, пока я кричала от горя? Или под полуночным небом Кайдиры в россыпи звезд? Не знаю. Возможно, это никогда не был один момент — скорее цепочка дюжины событий, каждое из которых заставляло взглянуть на Самаэля иначе. Увидеть не его тьму, а его самого. Обнимая его, вдыхая чуть резковатый запах жженного дерева, запоминая черты лица подушечками пальцев, губами... Не только тьма Самаэля приняла меня. Я тоже приняла ее, открыла ей сердце.

Не размыкая век, я наклонилась, привычно нырнула сквозь клубящиеся под капюшоном потоки и накрыла губы Самаэля своими.

Самонадеянно считать, будто во мне живет свет, которым я могу поделиться. По моим жилам течет страшный дар. Запрещенный, опасный. Но и тьма Самаэля не безобидна. Мы никогда не уравновесим друг друга, но можем принять нашу непростую природу. Не стыдиться и не прятать ее.

Я целовала неумело, горя от смущения. Хотя, может, то был жар Самаэля. Когда мне на талию скользнули чужие руки, я на мгновение испугалась, больше от неожиданности. Но страх истаял быстро. Это Самаэль. Это его объятия и его губы, целующие меня со все нарастающей страстью. Миг — и уже я лежу спиной на диване, а Самаэль сверху. Тьма скользит по моей коже вслед за его руками, касается ласково, но в то же время с ощутимым голодом. Будто давно искала и нашла. Словно она жаждет открыться мне не меньше, чем я ей.

Черная лента, вильнув, обвила мою шею. Легонько сжала и разошлась упругой пульсацией. Метнулась к запястьям. Пока мы с Самаэлем терялись в прикосновениях друг друга, тьма жила своей жизнью.

Кожа Самаэля становилась все менее горячей. А сама я при этом разгоралась, будто солома, поймавшая искру, — стремительно, неотвратимо. Обнимала Самаэля за шею, прижималась к нему уже без ненужной робости, зарывалась пальцами в густые волосы. И целовала. Целовала, как никогда прежде — со страстью, с нежностью, стрепетом. Я дышала им. Жила.

И с каждым нашим движением застывшее в смоле время оживало. Секунда, еще одна. И еще. От размеренного шага до стремительного полета, когда мгновения сменяют друг друга быстрее, чем подхваченные ветром листья.

Когда поцелуй прекратился, мы замерли. Прижавшись лбами, шумно дышали и улыбались. Я чувствовала сильное биение сердца Самаэля под своей ладонью. Ощущала биение собственного, такое же частое. Хотелось раствориться в этом ощущении, забыться. Но нельзя. Где-то за стенами лаборатории Айрис. И ей нужна наша помощь.

— Самаэль я...

Слова вдруг кончились, когда я, отстранившись, подняла взгляд.

Тьма исчезла. Будто радушная хозяйка, она расступилась и открыла моему взору лицо с правильными чертами: прямой нос, миндалевидные глаза, ровно очерченные губы. Густые волосы цвета шоколада, замершие в беспорядке после моих пальцев.

Я знала это лицо. Видела совсем недавно.

Взгляд метнулся к запястью, где когда-то тьма выжгла монограмму из четырех букв: «С», «А», «Х» и «Ч». Теперь я поняла, что стоит за каждой из них. Самаэль. Алрик Харт. Чернокнижник.

Сотни вопросов взорвались в голове, словно фейерверки. Они ослепили, принялись сменять один другой, порождать новые и осыпаться внутри меня разноцветными искрами. Но с моих губ не сорвалось ни звука.

Неважно... Сейчас все это неважно. Ни почему он скрывал истинное имя, ни то, какое наказание ждет его, как главного палача империи; на даже то, что он из айров. Главное — он жив. Здесь. Рядом. И смотрит на меня с такой нежностью, что перехватывает дыхание.

Тьма окружила нас. Она больше не прятала от меня лицо Самаэля или меня саму — от мира. Теперь она укрыла нас обоих. Стянула невидимым коконом и заставила стать еще ближе друг к другу.

Мы молчали. На несколько томительно-долгих секунд замерли, будто балансируя на тонкой грани самоконтроля, а потом, не сговариваясь, вместе сорвались в пропасть.

Новый поцелуй вышел нетерпеливым, яростным. Ни Самаэль, ни я даже не пытались сдерживаться. Когда его губы спустились на шею, оставляя цепочку горячих следов, и прижались к ямочке между ключицами, я ахнула. Запрокинула голову, выгнулась, стараясь стать ближе; запуталась пальцами в густых волосах.

Никто и никогда не целовал меня так — одновременно бережно и страстно, осторожно и неистово, заставляя чувствовать себя не просто особенной, а единственной. Я плавилась в этом ощущении. Каждый миллиметр моего тела пылал, требовал большего — стать еще ближе, познать еще больше, ощутить Самаэля полностью. И он понял это. Рванул корсаж, высвобождая грудь, и с жадностью накрыл ее губами.

Не было ни страха, ни робости, ни смущения — одно лишь накрывающее с головой желание. Быть с ним, дышать им, принадлежать ему и заявить свои же права на него. Тьма скользила по коже невесомыми лентами. Проникала в меня вместе с воздухом, скручивалась под сердцем. И я с готовностью принимала ее. Слепла от пелены, встающей перед глазами, и пьянела от тумана, поселившегося в голове.

Я не запомнила, как мы очутились на полу, как избавились от одежды. Помнила лишь опьянённые страстью глаза Самаэля, жаркий шёпот во тьме; помнила тяжесть мужского тела, горячее дыхание и сводящий с ума бешеный стук наших сердец. Лишь на миг внезапная боль внизу живота вырвала меня из хмельного тумана, но ласковая тьма сразу смыла её, оставляя лишь чистый, ослепительный восторг.

Мы вместе... Вместе. Вместе!

Осознание этого будоражило, дразнило, рождая в теле незнакомый прежде трепет, искушало поддаться ему. И я поддавалась. Снова и снова, до помутнения, до новых фейерверков перед глазами.

Это было прекраснее всего, что только может быть на свете: вечные клятвы без слов, приносимые друг другу под пологом тьмы.

Чуть позже, лежа в объятиях Самаэля, я зарывалась пальцами в туманное марево, ощущала его мягкость и одновременно чувствовала легкие, почти невесомые прикосновения Самаэля. Щеки горели от смущения, низ живота тянуло.

Поймав внимательный взгляд, я вспыхнула сильнее. Осторожно высвободилась и села.

— Эвелин, все в порядке?

— Конечно, — я улыбнулась.

Слова не приходили, чтобы объяснить причины тлеющей в сердце робости. Но Самаэль все понял сам — поймал меня за руку и развернул ее запястьем вверх. Там, где раньше была монограмма, сейчас появился браслет. Тонкий, сплетенный из тьмы. Живой и подвижный — с каждым движением ресниц он менял узор. Незаметно для окружающих, но ощутимо для меня.

— Связь избранницы и чернокнижника. Тьма не позволила бы нам остановиться, пока не закрепила ее. Ты... жалеешь?

— Нет, — ответила я без тени сомнения. Наклонилась и, почти касаясь губами Самаэля, дополнила: — Точнее, жалею лишь, что мы не поняли этого раньше. Что потеряли столько времени. Я бы хотела никуда не спешить, остаться здесь, с тобой, запомнить каждый миг... Но там Айрис.

— Айрис?

Самаэль отстранился и нахмурился. Потом огляделся, будто впервые задумываясь над тем, где оказался. Задержался взглядом на двери и не говоря ни слова спустил с пальцев юркие черные

ленты. Когда они скользнули сквозь дверь, Самаэль тихо зарычал. Вскочил и принялся одеваться.

— Она оставила кольцо, — произнесла я. Поймала полный беспокойства взгляд и тоже потянулась к сброшенным на пол вещам.

Едва мы закончили, Самаэль взмахом руки открыл переход. Поймал мои пальцы, ободряюще улыбнулся и увлек за собой. Я шагнула за ним без страха. Даже не зажмурилась — нырнула во мглу, чтобы уже через секунду ступить на мягкую траву. Нос защекотали ароматы вечерней прохлады и... гари.

Глава 43

Теневое поместье догорало. Западное крыло обрушилось, восточное пока держалось. Но только пока. По вырывающемуся из окон пламени становилось понятно: спасать там уже нечего. На крыльце перед главным входом лежали люди. Много людей. Некоторые были облачены в форменную одежду с нашивками — наверняка имперские гончие. На других тлели остатки рубаш и штанов. Обычные горожане. Но что их привело сюда?

— Награда, — ответил Самаэль, стоило мне задать вопрос вслух. — Тайдариус наверняка пообещал озолотить каждого, кто скажет, где искать чернокнижника. Вот только, судя по всему, многие решили, что за мою поимку им заплатят еще больше. Глупцы! Алчность ослепила их не меньше, чем сестринские дары. Столько жизней, потраченных зря...

— Разве император не знал, где тебя искать?

— Он знает, где искать Харта. И чернокнижника. Но знает и то, что у каждого из них хватает тайных мест. Вариантов получалось множество. Ему пришлось объявить награду. Говоря это, Самаэль медленно продвигался мимо тел. Возле некоторых останавливался, касался их своей силой, словно проверяя что-то. Мимо других проходил почти не глядя. Следуя взмаху его руки, тьма укутала поместье и погасила огонь. Даже недовольное шипение пламени прозвучало едва слышно, будто тьма поглотила и его.

Мы поднялись по черным от сажи ступеням и осторожно переступили порог. Внутри поместья тел оказалось даже больше. Откуда их столько? Бьер ведь говорил о дюжине-полторы. А тут не меньше трех... К горлу подкатила тошнота. Пришлось задыхать через рот, чтобы только сдержаться.

Возле одного из тел Самаэль остановился. Вновь коснулся силой, потом присел и дотронулся уже рукой до обожженного черепа. Тьма, сорвавшаяся с его пальцев, опутала останки.

Спеленала их бережно, будто дитя. И глядя на муку, исказившую лицо Самаэля, я поняла: это Айрис.

— Она сняла кольцо, — глухо напомнил Самаэль. — Ее дар, лишенный удавки, вырвался на волю. Ярость и ненависть похожи... Причем настолько, что отличить их проявления в высшей точке почти невозможно. Уверен, некоторые гончие успели закрыть лица масками — все же их учат, как сражаться с сестринскими дарами. Они-то наверняка и спустили завесу пламени в стремлении уничтожить носителя. А теперь скажут обратно сообщить Тайдариусу, что приказ выполнен. Носитель мертв, чернокнижник, сожженный проклятием, тоже...

Я опустилась рядом. Прижалась лбом к плечу Самаэля и мысленно потянулась навстречу, открываясь его боли. Я разделяла ее, понимала... и вместе с тем не могла перестать чувствовать облегчение. Постыдное, эгоистичное, заставляющее презирать саму себя. Но слишком сильное, чтобы отмахнуться.

Айрис умерла. Вместе с ней умерли мы с Самаэлем. По крайней мере, для Тайдариуса и его людей. В Эйхаре больше нет чернокнижника, и нет носителя запрещенного дара. Теперь мы можем скрыться. Сбежать в любой край, начать все заново.

Ветер задувал в выбитые окна, подхватывал пепел и, будто прах, разносил его по округе. Серые хлопья оседали на траве, на наших плечах, одеждах. На телах погибших. А потом внезапно, словно решив почтить их память, ветер смолк. Стало тихо. Пугающе тихо. Казалось, можно

даже различить звук, с которым пепел касается земли, частый стук наших сердец или шум нашего дыхания.

Тишина зазвенела — высоко, тонко, как натянутая до предела струна. Когда она лопнула, над поместьем разнесся крик. Не мой, и не Самаэля. Чужой, незнакомый, полный раздражающего душу отчаяния.

Ленты тьмы взметнулись. Шипастыми лозами проскользили по земле, вильнули за угол.

Вернулись спустя всего мгновение и преданно замерли у ног Самаэля.

Я подняла на него взгляд и внутренне содрогнулась, увидев плотно стиснутые челюсти.

— Что там?

— Сейчас сама узнаешь. Пошли.

Дальнюю часть поместья огонь почти не тронул, даже не очернил стены сажей. Только ветер нанес пепла. Но немного, будто тоже не посмел нарушить покой этого участка теневой земли. Там, у одной из рабочих построек, сидел старик. Сгорбившийся, бледный, прижимающий к себе перемазанное кровью тело. Качал его, словно ребенка, целовал в растрепанные волосы и все шептал: «Я не хотел». Снова и снова, и снова.

Налетевший порыв ветра ударил старика пощечиной. Оборвал на полуслове и заставил посмотреть вверх — на меня.

Узнавание случилось в секунду.

— Лаур...

— Эвелин, — сухие губы дрогнули. — Эвелин, помоги мне. Я не хотел его обижать, ты ведь знаешь. Знаешь ведь, правда?

Лаур ослабил хватку, давая мне увидеть лицо Товеера, которого прижимал к себе так отчаянно. Названный брат. Жестокий мальчишка, превративший мое детство в кошмар. Подлый мужчина, не погнушавшийся напасть на меня в лесу вместе с друзьями.

Тот, кого я когда-то боялась...

Он смотрел в темнеющее небо стеклянным взглядом. Левый висок, шея и даже грудь были перепачканы в крови. Русые волосы потемнели и липли к лицу. Губы замерли искривленными — то ли в последнем крике, то ли в зверином оскале наведенной ярости.

— Эвелин, помоги мне. Нужно промыть и перевязать его раны. Эвелин! Ну же! Не стой столбом! — прикрикнул Лаур. Но слабо, будто больной, горящий в красной лихорадке. Совсем не так, как он кричал на меня прежде. — Твоему брату плохо, Эвелин! Нужно помочь.

— Он умер, Лаур.

Мужчина дернулся. Снова крепко прижал к себе тело сына и упрямо мотнул головой, белой как лунь. Я невольно задержалась на ней взглядом. Она ведь была чернее сажи в день, когда Лаур меня продал.

— Нет, он очнется... Вот-вот очнется... Нужно только подождать. Он очнется...

Я повернулась к Самаэлю.

— Что с ним?

— Безумие. Ярость выжгла ему разум. Ярость и осознание содеянного.

Будто поняв, о чем мы говорим, Лаур заскулил. Стянул пальцами грязную рубаху на спине Товеера и вновь принялся укачивать его, как ребенка.

— Убить его?

— Не надо, — я мягко накрыла руку Самаэля, останавливая готовые сорваться ленты силы.

— Пусть живет. Он достаточно наказал себя. Товеер был его гордостью, его надеждой и опорой.

— Товеер? — Лаур встрепенулся. — Он уже вернулся? — Отбросив тело сына, Лаур встал и принялся оглядываться. — Где он? Где? Эвелин, паршивка! Ты снова раздражила моего мальчика? Куда он ушел? Товеер! Товеер!

Я не выдержала — отвернулась и спрятала лицо на груди Самаэля. Почувствовала его движение, тягучую волну тьмы, метнувшуюся от нас к Лауру. Услышала глухой удар, с которым тот упал наземь.

— Он забудет нас? — спросила, не поднимая взгляда.

— Конечно. Но убийство сына будет помнить. И все совершенные ранее тоже.

Я согласно кивнула. Ощутила укол совести, но упрямо мотнула головой.

— Он заслужил. За все жизни, что оборвал. За всех, кто по его вине лишился близких. За ложь, в которой растил меня. Он заслужил, — повторила тихо.

Самаэль заключил меня в объятия. Словно этого было мало, укрыл нас тьмой — спрятал от мира, от необходимости видеть тех, кого я видеть не хотела; от моей неуверенности. Запрокинув голову, я поймала его взгляд, привстала на носочки и поцеловала. Не так, как в лаборатории, когда тьма чернокнижника связывала его с избранницей. Сейчас я касалась губ Самаэля нежно, почти робко, но вкладывая в каждое прикосновение столько, сколько не выразить словами.

Потом отстранилась.

Вернулась к Лауру и ТOVERу. Присела. На несколько секунд замерла, запечатывая в памяти их образ, и закрыла названному брату глаза.

— Пусть небеса подарят тебе мир, — прошептала едва слышно.

Поднявшись, подошла к Самаэлю.

— Что будет с Шидой? С младшими? Теперь, после смерти ТOVERа и безумия Лаура.

— Справятся. У них останется лавка Лаура, его клиенты. Будет сложнее без двух старших мужчин, но, насколько я успел понять, Шида сильная. Даже пробитый корабль она удержит на плаву.

— А что будет с нами?

— Жизнь, Эвелин, — ответил он, притягивая меня к себе.

Глава 44

Холодный утренний ветер зарывался в уже пожелтевшие, но еще густые кроны. Шуршал ими, срывал листья и уносился золотым вихрем дальше. На юге Эйхара теплее, чем в Айдероне, но под пронзительными порывами, как сейчас, все равно приходилось кутаться в шаль.

Присев, я убрала ветки, упавшие на большой — в половину меня ростом — белый камень. На нем не стояло ни имени, ни дат, но он все равно был особенным. Памятным.

Черными прожилками по нему бежала тьма. Стоило приблизиться, и она пробуждалась — стягивалась каплями к центру и выпускала туманную ленту. Нас с Самаэлем эта лента приветствовала, ласково касаясь рук. Любого другого она бы оплела коконом и заставила уйти. Самаэль не хотел, чтобы покой его сестры беспокоили. И защитил его. как сумел.

Мы не могли похоронить Айрис под именем рода. Пройдет еще несколько лет, и свет забудет, что когда-то была такая айра — Айрис Харт. Но по правде сказать, о ней и так почти не помнили, а о ее связи с чернокнижником не задумывались.

Как объяснил Самаэль. он не без причины разделял личности чернокнижника и главы ведомства имперских палачей. У обоих хватало недоброжелателей, обоим завидовали — точнее, той власти, что сосредоточилась в их руках. Только император и его ближайшие советники знали, кто скрывается под плащом наведенной тьмы. Остальным хватало слухов. Сам Тайдариус опасности от Самаэля не чувствовал — был уверен, что пока поводок в его руках, он сумеет удержать под контролем второго по силе человека в империи. Остальных же Самаэль предпочитал разделять: не давать врагам чернокнижника и Харта объединиться.

Внезапная волна тьмы заставила отвлечься от раздумий. Я обернулась, нашла взглядом небольшой охотничий домик, и не сдержала улыбки, заметив в его окнах свет.

Самаэль вернулся!

Подхватив юбку, я поспешила внутрь.

В последние две недели он часто отлучался. Бывало, отсутствовал по несколько дней, а по возвращении падал от усталости. Пробудившееся проклятие, путь и ушедшее, до сих пор ощущалось слабостью, как после тяжелой болезни. Но и Самаэль, и — что удивительнее, я сама — знали: это ненадолго.

После установившейся связи чернокнижника и его избранницы, я ощущала его тьму. Более того — она перестала быть для меня черной, в ней появились оттенки, полутона и даже чувства.

Самаэль нашелся в кресле. Большом, с широкими подлокотниками и накидкой из овечьей шкуры. Он вновь выглядел устал. Не произнося ни звука, я приблизилась, забралась к нему на колени и обняла за шею. Тьма тут же обвила мои ноги наведенным одеялом. Как объяснял

Самаэль, после пережитого проклятия, она еще слаба, а мое присутствие помогает ей становиться сильнее. И пусть я не до конца понимаю, как не-носительница дара может помочь чернокнижнику, но каждый раз с готовностью открываюсь его силе.

— Удалось узнать что-нибудь? — спросила спустя некоторое время.

— На этот раз да.

Ответ отозвался дрожью на кончиках пальцев. Я замерла в ожидании и, кажется, даже дышать перестала.

Все эти дни, минувшие с пожара в Теневом поместье, Самаэль запечатывал свои лаборатории и хранилища, до которых — пусть и не сразу — могли добраться люди Тайдариуса. Переносил сюда все самое ценное, укрывал защитным пологом. Шкатулка Айрис и ее кольцо оказались здесь первыми. Вместе с медальоном моего отца — Ронвальда Видара.

Если бы не Хальдор, мы бы еще долго гадали, откуда бежали мои родители. Но чтец, прежде чем сорвать артефакт, обратился ко мне по имени.

Видар — один из древнейших, но погибших родов Нортейна. По крайней мере, так считается в самом Нортейне. О том, что дочери Ронвальда удалось выжить, не знает никто.

Когда прояснилось, кто я и откуда, моим первым порывом было вернуться домой. Отыскать наследие отца, вернуть его имя. Однако Самаэль предложил не спешить. Сначала он хотел убедиться, что та угроза, от которой бежали мои родители, исчезла. И углубился в поиски. Постепенно картинка начала складываться.

В Нортейне чернокнижники рождаются чаще чем в любой другой стране. Нередко случается так, что сразу двое носителей тьмы служат свободным землям. И чаще, чем где бы то ни было, чернокнижники Нортейна наблюдают, как проклятие убивает их собратьев по силе. Многих это пугает. Некоторых это пугает настолько, что они кладут жизнь на поиски избранницы. И в поисках теряют разум.

Это и случилось тринадцать лет назад.

Андвир был сильнейшим из двух чернокнижников Нортейна. Его время истекало, страх перед проклятием выжигал душу. В какой-то момент Андвир решил отказаться от поисков избранницы, попробовать вместо этого создать ее. Пользуясь властью чернокнижника, он стал забирать женщин, пытать их тьмой. Он ломал их, будто кукол, выбрасывал и начинал все заново. Каждый эксперимент он вносил в дневник. В нем же составлял список тех, кто, как ему казалось, может принять тьму.

Поначалу о зверствах Андвира не знали. Но постепенно слухи просочились за стены его поместья. Не только древние рода — даже простолюдины со временем прознали о безумии его тьмы. Страх перед главным чернокнижником Нортейна усилился.

Первый большой виток моей судьбы случился в начале осени, когда Хальдор приехал в загородное поместье Видаров. Ронвальд заметил, с какой смесью интереса и беспокойства, чтец следит за мной. И после недолгих уговоров сумел убедить Хальдора рассказать об увиденном. Дара Одни тогда во мне не было — он появился позднее.

— Но разве такое возможно? — перебила я, поднимая взгляд на Самаэля. — Разве может суть меняться?

— Как видишь. Думаю, в определенной мере избранницы и чернокнижники тянутся друг к другу. Возможно, вы ищите нас так же, как и мы вас. Только делаете это неосознанно. Когда твоя судьба изменилась, сути тоже пришлось подстраиваться

— стать такой, которая могла бы привести тебя к чернокнижнику. Ко мне, — он хитро улыбнулся. — Наверняка мы уже не узнаем. Сомневаюсь, что сам Хальдор смог бы ответить точно. Но тринадцать лет назад он увидел в тебе суть избранницы тьмы...

Новость напугала Ронвальда. Он понял: рано или поздно обезумевший Андвир окажется на пороге нашего дома. Тогда он затаился. Спрятал меня от света, сославшись на тяжелую болезнь. Нанял людей следить за обоими чернокнижниками: за Андвиром и его младшим братом по силе. Пусть тот еще не поддался страху перед проклятием, но рисковать отец не хотел. Он собирал сплетни, донесения шпионов, слушал людские страхи. И однажды он узнал о дневнике Андвира.

Нет, его заинтересовали не описанные ужасы. И не имена жертв. А список тех, кого Андвер намеревался проверить на совместимость с тьмой.

Поначалу отец держался — боролся с искушением и страхом. Ненавязчиво распускал слухи, что я едва ли не при смерти. Усиливал охрану дома. Требовал клятву жизни на молчание с каждого, кого допускал ко мне. Делал все, чтобы обезопасить. Но вместе с тем понимал: это не защитит меня, если Андвир заявится и затребует моей выдачи. Власть чернокнижников огромна. Только императоры да короли могут им приказывать. Но больше — никто. Незнание порождало боязнь, а боязнь отравляла сердце Ронвальда почти так же, как Андвира. Двое сильных мужчин стали заложниками страха перед будущим.

Когда шпионы донесли, что Андвир заинтересовался болеющей дочкой Видаров, отец не выдержал — приказал выкрасть дневник главного чернокнижника Нортейна. Несколько дней ожидания, час за изучением исписанных неровными буквами страниц и... осознание совершенной ошибки. Моего имени не было в списке. Отец спровоцировал Андвира зазря. Действовать пришлось быстро. Распустить слухи о моей недавней кончине, о тяжелом ударе для семьи Видар и их отбытии в дальнее поместье... Отправить несколько карет, включая родовую с гербом, в разные концы Нортейна. Купить мороковые артефакты и заплатить слугам, чтобы те их надели. Организовать торжественный вечер в городской ратуше Шаэртон — столице свободных земель. Создать столько мест, где он или его жена могли бы появиться. Ронвальд путал следы, как мог. Однако все оказалось напрасно — обмануть голодную тьму не удалось.

Андвир легко вычислил и вора, вынесшего дневник, и заказчика. Потом подослал убийц.

Причем специально выбрал не искусных наемников, а обычных головорезов — не хотел привлекать внимания. Сделал все, чтобы нападение походило на случайный разбой. А может, таким способом решил поглумиться над Ронвальдом Видаром, который посмел покуситься на собственность чернокнижника.

— Почему же тогда он не приказал убийцам поймать меня? — вновь перебила я.

— Может, поверил в твою смерть. А может, так и не понял причин, по которым Ронвальд выкрал дневник. Или никогда не допускал мысли, что маленькая избранница тьмы все это время была у него под носом. Кто знает? Боюсь, ответ на этот вопрос так и останется для нас загадкой.

— Он умер?

— Андвир? Конечно. Проклятие выжгло его в положенный срок. Совсем скоро оно уничтожит второго чернокнижника Нортейна. И свободные земли ослабнут без носителя тьмы. Уверен, Альтор — их король — очень обеспокоен по этому поводу.

Неприкрытое предвкушение в голосе Самаэля заставило меня отстраниться и нахмуриться.

— К чему ты ведешь?

— К тому, что совсем скоро мы вернем тебе все: и имя, и наследие отца.

Глава 45

Мы отправились в Тайрен — город на побережье, откуда уходят корабли к Туманным островам, — ночью, в самый темный час. Оба облачились в простые тканевые плащи, натянули капюшоны. Удивительно, но после плаща наведенной тьмы обычная вещь казалась тяжелой и неудобной. Самаэль лишь усмехнулся, заметив, как я повела плечами.

— Готова?

Я кивнула. Невольно вскинула пальцы, коснулась шеи, а потом, опомнившись, огладила подушечками левое запястье. Живой браслет едва ощутимо нагрелся, будто пытаюсь успокоить и приободрить.

Самаэль проследил взглядом за моими движениями. Я смутилась.

— Непривычно без артефакта. Знаю, что связь чернокнижника и избранницы сдерживает мой дар, как сдержала твоё проклятие, но... — я на мгновение сбилась и посмотрела на Самаэля. — Мне просто нужно привыкнуть к этой мысли, — закончила с улыбкой.

— Я знаю. Все будет хорошо, вот увидишь.

Я кивнула, вложила ладонь в протянутую руку и без страха шагнула в первый переход. Потом во второй. И в третий.

Мы вышли в припортовом квартале Тайрена. Ночной воздух здесь пах солью, сырым деревом и железом. Порывы ветра, несмотря на насыщенные ароматы, приносили свежесть. Никуда не торопясь, мы двинулись вниз по улице. Миновали верфи, сейчас совершенно безмолвные. В их приглушенном свете корабли казались сказочными исполинами. Но, что удивительно, страха не вызывали.

В порту было шумно. Ночь вот-вот пойдет на убыль, и десятки грузчиков споро заносили мешки и ящики на палубу, закатывали тяжелые бочки. Поймав одного из мужчин — бородатого и поддатого, — Самаэль узнал, где найти капитана. В разговор я не вмешивалась, головы почти не поднимала. Но кажется, все же успела заметить юркий хвост черной ленты. Сейчас, под покровом ночи, Самаэль не боялся, что о его силе прознают.

Еще спустя четверть часа мы поднялись по крепкому трапу на борт и, следуя за матросом, дошли до каюты — небольшой, но чистой. Когда на рассвете корабль отшвартовался, я с облегчением выдохнула. Прощай, Эйхар!

Однако обрадовалась я рано — путешествие оказалось непростым. Нет, на нас никто не нападал и не преследовал. Члены команды и пассажиры не обращали на нас внимания. Проблема была во мне. Точнее, в том, как на меня влияла качка. Утренней тошнотой она подкрадывалась к горлу, заставляла вскакивать и бежать в маленькую туалетную комнату — и там, закрывшись, долго приходило в себя. Стараясь хоть как-нибудь избавиться от ужасного чувства, я много спала. Ела мало. Порой один вид еды мог взбудоражить только успокоившийся желудок. Самаэль поддерживал как мог. Запирая каюту на замок, он усаживал меня к себе на колени, прижимал крепко, но бережно, и укутывал нас тьмой. В ней мне становилось легче. Хотя возможно, силу мне дарили объятия Самаэля.

Я не знаю названия тому чувству, что испытываю. Но сомневаюсь, что это любовь. Я не просто «люблю» Самаэля. Я живу им. Дышу, как воздухом.

После пережитого — тогда, когда думала, что вот-вот потеряю его, — я отринула все страхи. Неуверенность, сомнения, робость... Все, что не давало мне признаться даже самой себе. И теперь я смело смотрю в будущее. Верю в нас с Самаэлем. А самое прекрасное, что я вижу такие же эмоции, отражающиеся в его взгляде.

Когда корабль достиг берегов Туманных островов, я одной из первых поспешила на пристань. Однако, к моему ужасу, даже на земле меня продолжало укачивать. Два дня на отдых, потом снова на корабль. Уже на тот, что идет до Нортейна.

Наш путь лежал в Шазртон — столицу. Получить аудиенцию у Альтора оказалось намного легче, чем я представляла. Да и сам разговор с королем прошел на удивление приятно. Самаэль не стал лгать и рассказал нашу историю почти без утайки. Я, признаюсь, пока слушала едва сдерживала волнение. Но по ободряющим взглядам Самаэля, которые он украдкой бросал на меня, понимала: все хорошо.

Аптор выслушал, не перебивая. Потом усмехнулся. Несколько секунд заставил нас томиться неизвестностью и вызвал старшего советника. Он отдал ему всего три приказа: подготовить текст клятвы присяги нового чернокнижника, вызвать мага крови для проверки права наследования Видаров и выделить нам сумму, необходимую для обустройства на новом месте. От последнего Самаэль попытался отказаться, уверив, что его средств хватит, но Аптор был непреклонен.

До подтверждения моей причастности к Видарам, нас поселили в одном из столичных домов, принадлежащих короне.

Тем же вечером, устроившись в гостиной, я устроила Самаэлю допрос.

— Ты знал, что Аптор согласится? — спросила с наскока. — А если бы он сдал нас?

— Кому? Тайдариусу? — Самаэль улыбнулся широко и уверенно. — Они не выносят друг друга. Не забывай, родная, я почти семнадцать лет проработал бок о бок с императором и знаю о таких вещах.

Я замерла. Однако вовсе не из-за отношений между правителями Эйхара и Нортейна.

Самаэль назвал меня родной. Впервые. И сделал это так естественно, так... правильно, что горло стянуло от внезапно подступивших слез. Я отвернулась, притворившись, что меня заинтересовала висящая на стене картина. Но Самаэль, как всегда, не повелся на уловку. Тихо

усмехнувшись, он поднялся, в несколько шагов оказался возле моего кресла. Присел и нежно сжал мои пальцы.

— Больше нет нужды бояться. И прятаться тоже не надо. Альтор знает о твоём даре и знает, что он запечатан. Он не посмеет навредить тебе. Никто не посмеет, клянусь.

Я повернулась и встретила ласковый взгляд.

— А та клятва, что тебе придется принести?

— Не переживай о ней. Альтор не станет требовать моей крови. Проклятия больше нет — а значит, нет и повода.

— Но как же тогда он сможет тебе доверять?

Самаэль улыбнулся.

— Альтор не только мудрый правитель. В первую очередь он мужчина, и понимает, что пока тебе ничто не угрожает, я буду верен. К тому же ему выгодно возрождение рода Видар. Древние семьи — это столпы власти. То, на чем держится сила королей. Пока эти семьи лояльны, правящий дом в безопасности.

— А ты... — я на секунду смутилась, но нашла в себе силы продолжить, — ты примешь имя моего отца?

— Я уж думал, не спросишь, — Самаэль поднялся, поцеловал меня и подхватил на руки, заставив испуганно вцепиться ему в шею. Потом опустился в кресло, усадив себе на колени. — Род Харт умер, родная. По крайней мере, для мира айров. Не сомневаюсь, стоишь попросить, и Альтор даст мне новое имя рода. Но я подумал, ты захочешь сохранить наследие Видаров.

— Сохранить?

Самаэль вновь улыбнулся.

— В Нортейне, как и в Эйхаре, когда женщина выходит замуж, то меняет род.

— А-а... э-э...

Я растерялась. Самаэль до этого не заговаривал о браке, теперь же держится так, словно этот вопрос никогда для него и не стоял. Словно он всегда знал: мы будем вместе. И судя по лукавому блеску в глубине орехово-карих глаз, я не далека от истины.

— Прости, родная, но я не позволю нашему ребенку родиться вне брака. Если потребуется, силой возьму тебя в жены, — он рассмеялся, подтрунивая надо мной.

Я же вновь почувствовала себя лишенной опоры под ногами. Наш ребенок? Будто в ответ, ладонь Самаэля скользнула мне на живот.

— Тебе было плохо не из-за качки. Точнее, не только из-за нее.

— Но как? Откуда ты знаешь?

— Тьма, — ответил он просто. — Она чувствует в тебе растущую силу.

Я напряглась.

— Наш ребенок будет чернокнижником? Обреченным на проклятие?

— Нет, родная, — Самаэль вновь улыбнулся. — Даже если он родится с даром тьмы, она не навредит ему. Никогда.

— Почему?

— Потому что это ребенок избранницы. Дар великого дара. И даже тьма не посмеет осквернить его. Какой бы силой не обладал наш малыш, он будет в безопасности.

Слезы сами брызнули из глаз. Я хотела их сдержать, правда. Но они будто жили собственной жизнью — побежали по щекам, упали тяжелыми каплями на воротник платья. И даже моя улыбка, робкая, но счастливая, не смогла их остановить.

Обняв Самаэля за шею, я потянулась к его губам. Ощутила тьму, радостно взвившуюся рядом, и закрыла глаза.

Когда-то моя жизнь сделала вираж — слишком крутой, чтобы выровняться. Когда-то меня лишили всего. Но потом шаг за шагом все начало выстраиваться обратно в запутанный, но, без сомнения, прекрасный узор. И со временем я сумела полюбить в нем каждую, даже самую темную нить.

Семь лет спустя

Лента тьмы прошмыгнула через всю комнату, будто мышь, спасающаяся от кота, и спряталась за тяжелым комодом. Отложив толстый том по истории Нортейна, я повернулась ко входу. Как раз вовремя!

На пороге показался бессменный нарушитель спокойствия.

Поймав мой взгляд, он хитро прищурился и приложил палец к губам. Потом тихо, на цыпочках, прокрался в комнату. Дошел до середины, остановился, принялся, будто хищник. На секунду замер — и кинулся к комоду.

Лента тьмы в панике пронеслась под потолком, попыталась вырваться из комнаты, но была поймана Самаэлем. Однако отдавать ее маленькому охотнику он не стал. Вместо этого посмотрел строго и не менее строго спросил:

— И что же вы, Харт Ронвальд Видар, себе позволяете? Разве мы не говорили о шумных играх и допустимых для этого местах?

Наш шестилетний сын тут же склонил голову. Не сильно — а ровно так, как и следует делать наследнику рода перед отцом. От скупого движения непослушные волосы цвета шоколада свесились вниз.

— Прошу прощения, отец, — произнес он с достоинством и тут же хитро добавил:

— Смею уверить, шума от меня не было.

Самаэль прищурился, будто не одобряя, но я-то знала, что на самом деле он души не чает в сыне. Вот и сейчас, наказав соблюдать установленные правила, он отпустил Харта. А вместе с ним и ленту тьмы. Та дернулась в попытке влиться в тьму Самаэля, но наткнулась на выставленный барьер и спешно дала стрекача. Харт с готовностью кинулся следом.

— Знаешь, отчасти я начинаю догадываться, почему тьма соглашается подчиняться чернокнижникам только семнадцать лет. Кажется, она боится роли няньки.

Самаэль рассмеялся, пересек комнату и опустился рядом.

— Пусть привыкает, — отозвался насмешливо. А потом, вмиг растеряв всю серьезность и властность привлек меня к себе. Его руки привычно устроились у меня на животе, губы заскользили по шее. — Как вы? — выдохнул он между поцелуев.

— Я в порядке, твоя дочь безобразничает, — выдала я мелкую хулиганку.

Самаэль тихо усмехнулся, всколыхнув волоски у меня за ухом. По коже пронеслась волна щекотки.

— Ты не передумала? — спросил он спустя несколько минут.

— Насчет имени? Нет. Я знаю, что оно непростое. И что судьба ее была непростой. Но без нее ничего этого, — я взмахнула рукой, — не было бы. И не было бы Харта, понимаешь?

Будто соглашаясь, наша нерожденная дочь с силой толкнулась. Я охнула и прижала ладонь к животу. Самаэль опустил руку сверху.

— Айрис? — уточнил он.

— Айрис, — отозвалась я уверенно и улыбнулась, ощутив новый толчок.

— Ладно, как пожелаешь.

Покладистость мужа меня удивила. Если насчет имени сына мы почти не спорили, то с именем дочери бодались уже добрую дюжину дней. И внезапная капитуляция заставила напрячься.

— Что задумал? — спросила, не сводя взгляда с любимого лица.

— Ничего. Решил согласиться с твоим выбором, — невинно сказал он и тут же, не давая мне облегченно выдохнуть добавил: — А имя следующей дочери выбираю я.

— Что?!

— Род Видар будет процветать, родная. И он станет очень, — моих губ коснулись губы Самаэля, — очень... — новый поцелуй, — очень большим.

Не сдержавшись, я рассмеялась.

— О нет, Самаэль Видар, так просто я вам не сдамся.

— А «просто» с вами никогда и не было, Эвелин Видар. Но трудности чернокнижников не пугают, — улыбнулся он, вновь накрывая мои губы поцелуем.

Тыма сорвалась с его пальцев, радостно укрыла нас тяжелым пологом. Скользнула по моей щеке туманом, будто уговаривая поддаться. Но я устояла. Только улыбнулась широко и счастливо, на мгновение разрывая поцелуй.

Да, Самаэль, я сдамся тебе снова. Как сдавалась тысячу раз до этого. Но только, как и тысячу раз прежде, ты не узнаешь, что мое противостояние ненастоящее. А единственное, что истинно — моя любовь к тебе. К тому, что ты мне подарил. К нашей тьме, общей на двоих. И я знаю: как бы ни сложилась наша жизнь дальше, она будет счастливой.

КОНЕЦ

Дорогие читатели,

история Эвелин и Самаэля действительно подошла к концу. Огромное спасибо всем, кто поддерживал их и меня во время написания, кто делился мыслями, догадками и впечатлениями. Вы замечательные читатели!

Сейчас я работаю над другим романом — “Рожденная любить дракона”. Герои в нем не похожи на Самаэля и Эвелин: они сильнее, в чем-то упрямее, но, как и эти, ищут счастья. Приглашаю с ними познакомиться! Активная ссылка- кнопка в аннотации :)

Всегда ваша,

Юлия Риа

/9j/4AAQSkZJRgABAQAAQABAAAD//gA7Q1JFQVRPUjogZ2QtanBlZyB2MS4wICh1c2luZyBJ
SkcgSIBFRyB2NjIpLCBxdWFsaXR5ID0gODAK/9sAQwAGBAUGBQQGBgUGBwcGAoQCgoJCQoU
Dg8MEBcUGBgXFBYWGh0IHxobIiwWFiAsICMmJykqKRkflTAtKDAIKCko/9sAQwEHBwcKCAoT
CgoTKBoWGigoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgo
KCgo/8AAEQgBQQDcAwEiAAIRAQMRAf/EAB8AAAEFAQEBAQEBAAAAAAAAAAABAgMEBQYHC
AkK
C//EALUQAABAwMCMBAQAAQABAAAD//gA7Q1JFQVRPUjogZ2QtanBlZyB2MS4wICh1c2luZyBJ
wJDNicoIJChYXGBkaJSYnKCqNDU2Nzg5OkNERUZHSElKU1RVVldYWVpjZGVmZ2hpanN0dXZ3
eHl6g4SFhoeIiYqSk5SVlpeYmZqio6Slpoeoaqys7S1tre4ubrCw8TFxsflycrS09TV1tfY
2drh4uPk5ebn6Onq8fLz9PX29/j5+v/EAB8BAAMBAQEBAQEBAQEAAAAAAAAABAgMEBQYHCAkK
C//EALURAAIBAgQEAWQHBQQEAAECdAwBAgMRBAUhmMQYSQVEHYXETIjKBCBRCKaGxwQkjM1
LwFWJyOQoWJDThfEXGBkaJicoKSo1Njc4OTpDREVGR0hJSINUVVZXXWFlaY2RlZmdoaWpzdHV2
d3h5eoKDhIWGh4iJipKTlJWWl5iZmqKjpKWmp6ipqrKztLW2t7i5usLDxMXGx8jJytLT1NXW
19jZ2uLj5OXm5+jp6vLz9PX29/j5+v/aAAwDAQACEQMRAD8A+dTwMUwHJ4pZDxTUPNek3qea
tiwDxzUbnnHagHPemt1qiUrMBJgc0eaO9ROKhJOaltmigmB/AIZ0fUPE2u2mjaLALjUbot5U
TOqA7ULNyxAHCmpPD2j6l4h1I2OiWj3V0I3IZVZVWNE+87uxCoo4G4kDJA711X7Njz8cfC/1
uv8A0llra8dx6XoXwb8I2fhhLpLHxNc3F/ezXJUTT+SQI45Nh2lAXBC9MrnAOahVJc/KjX2U
eXmZjh4f38yldH1nwzrl8oJbT9K1MS3JAUu2xGciTAU8IWPoDXLYZJHVIZJEYoysCCrDggg8
g+1V4Q25ChZHVgUdDtZCDwVI6EHmvTPi5bi60zwp4qnIGoa7pPmagVUDzJYQgMxxwCwcA44+
UV1x54SUZ7M5p041luUdLHKWOjaje6Fqes2cSafpbRreOJF3w+Z9limcl9/wDA1BaiWe5g
giXdNLIsSLkDLMcAc8dT1r0XStfj8C6h4c0HUI5TpK27TeJbZjIglA+jXKunIPkQ+T2/vDgm
uW1Tw7L4V+IyaJNJ5v2LUrYRzf8APWJpEaN+OMISPXkEVVKq22n8jOphY+7b0Zl6zZ3Wj6ve
6dqSw3lo5jnQOHCsBnqODwRSaxpV9pb2Md5bbZL+1ivbZY2EhlilyIyAO5xjb1ruvGun2o+
JXjfxdctpJtD03UTvhDrGb64ZU8q1Unn5sFnwCVjVj3FP+JM2p6x418G3tk0ceuXeiaRLC0S
hUW6eRyhUEEBQ+OMYwKqFdZ5Yrqv0uP6nGN2/wCtTmdZ8A61pFheXN0+IGaxiE9/YxXyNdWS
HoZY/fI4Uk8jPWsDStOuNR1G1srA9zcyBChIXc7EBRknAyTXqviibTJbj4tm0jl/tvDniT
VJk+W2kuRMgkMKN1XcGHLEE56DGeY8FWrQ+PPDh2n5dXtB+cy0YdyqwlJ9P8icVTjTlGMVu
Q3/gbVbC1vJxPpN7JYbjqNrYXyT3FgFIBmQdKAE4JXcBg5xg1k32l3NhDp8t3GiR6hbi7tir
ht8RJG4gdOR0NeiWs9v4S+J3irxJqt3p7qt7qUNppttdxzXN/LNI4WNo0JMaDGWMmMHAwTWV
qeiz6xb/AA9s45FgUeGg9xdON0drCkrNJM/ONqrk9Rk4HU1FKu7pS27/ACvYdTBxcW47/wDB
OSl0e9XQY9aMKf2ZJdmxWUSLnzghcqVznoCc4p2k6Bf6taarPp0KTLplsby6XzFV1hGcsAT8
2Npzj29a7nxNqFtqfwa0X+y7l2mlweI5ILKOTmZ4ltZD5kxHBldi7HHA3Adqz9P8R3Xw+0zw
3PbBo7i8mXXr5eUaeyBaGGDOCEOn2iTBHBZT1puu3ByS1uT9Tiqli3pbX8jz14ww3Agjt9Kg
kXaK7L4h6Da+HvE0sGlSpPo97EmoabKhOGtZclRzzhSGX6BT3rJvzWytOKkjlNf0puD6ECE
Y5pso4qZosLmoW6UpKwk7srlioMEN0q0ThT61XPXNZSR0RY8NxSMRmo1JGfemsTmlcfKUGb

NNyaTPFPVS3SuTdnbsOjNPIzTAuKeK0iuhDEK5qIpwatgZ6CmpHvJ+lb+zuEZdDsPgXq1h4d
+LHh/VtZuUtNPtzcObO4O1N0EirnHqSBVzQdcSDU8DQeEvE9ybG1sriW80rVFgMq2rNuLwzI
oLmJ8k7l+ZWlzkDjkbO2+ZcDqa2bO0Pmpnqc5+I00DU3zLc7YJuNjci8HWGn5n1jxf4bTT+h
Ol3hvrqXKk7YolUEEKYy5UDOT6Vq3+saTrvi/S7vXYv7N8JaVDHb21i5811tAXETAHDSzMo
B54Bxk4rE0u0JugyKMk8fLnNar2bIZ2OeeDmM+nv3rrWEILWcteg3SUvojKvp59Tmu7/AFFU
N9fzPd3IGcB5DkqASeAMLjPat+41PSdQ8OeEzqN9HbeIPD13DYyLIGZrvTxIJi5FwD/qgCCP
QP6gVR+xyTMvlqWzhVHAyAOpJ6D3JA9akm0u3hw8+qWakEEhVLBD6FzgE/TIqK8KcOVovrHG
+aEm7bk/xN1e18TeK9TuNHfV/Y0U8xsvIXAmkkAM1wzH7zuw29sKijtWt/a2hXfi/wAG6jJr
1haWeiaXpX2uSdZB+8tmkeWFMkd0g+X5e+eKy4dHMzN5EjSFTuIEDYIx1B6EZ7jNRWk0AuGt
zgTK2DG+Ac/Q9frU06dKcFGnPvX/ABViVN87cluOl1e0lh+It1dZs5/Elu0ljbSj53eS7Mgj
4yN20qTz3+tbekGLTfSnsVsCnlaahb3E8pPCRPlpZjjJwB1qhJbmS4DKmOmcjPT+tacNxch
iFGO5xBuziuhUOSLinV/AJWNiFzav0MZktNT8a6pqliY5Le+1e4ninVMebG0rFTnAOMHirXv
Lyz1XQ/D+gWaW7NZabFDrcwUmV/LiYx2hzWFDku2M7sKOWySErdxzRhpblnDY8sLk47AfSrU
aXbKXNpKpzx8n9e9ZyoJqCfQ6I00rvuUNRk0j/hEtN8Marq0VncR+IpbY9yrExWTwuplyARy
GAH+0wHriHVfFetX+oHVNjTND0US/PDJr4ZbIU+WESO+7LCML0xj9Kt6jFcf6y6iKMy7RkD
kYqHKBWBJTnuir+fOPyxWf1VOV5bA4dEVfEOujX/Cb23i3VFfxLplwtXpk0Klj+2W0oV7LZQg
2hlyAJgfw4WmKcFeQtE7egOPpXcXcIe4cgDABAOnQcVhalajD8DGOaqFNU7pbHHicPZTXqc5
KtItUEdeRUDkEwFtWxPbD5QOMwzfzrDmDAY75x+prWcb6nnOi4aMhckgUBCR0pVO5j6VOoOOPS
uVxVxt2KLdzUbHnpU5Qlqk8gYGazs2acyRz6tVqE8VS6Vat+QK44PU7prQlc1GG55qVx2FRh
eeBXQo66GcSeKTnGDWhaxIwxVI/Bc1VtoskZzxXQ6db7h0ABGM9MH1rspRcjppUiXT7NHYbR
Nj/dzXSWWnxEEMkuNrLxGGIyOozwDnoa1tLsreZ4G/flmKgovHAUZIPrkcDsOetb8GnjyiqM
d653YYgn0OemOPrXddQOym42sc+9vFGomto7u3K7UR40LDIXLak9+Qf0pjPKQN0908j/AHUI
Vd59z2Hqa66WyQoxVXRAClC7cZ7+mex9a4yfvJLfxLk21vC6Rkxq1wwOBkdz3OD7AcV52YY/
2MLQ+JIQj7tmTfYzcW5d7oeST80kafJx254I46dO9c5c31hY3A8qwlkUk75p+dxzzjrmrj9
BWz4k1u8FjiRYUeQ/IIxwqdcDPGe/AwK4kKzOWd33yDcSg3SEe2eFHTA5JHPTFeHRIKp702c
mJiou0TTfWJZJVS3hifOVDuzuD1yNx4P610/gx9V1S/Wya6Aikhd1LKrKdn8JB6jJAI6gH2
rjdO06B5Q89vqHkjg4UBvqCOhHYkEZ4Peu1ifxBO9hqeiaTI13bgpNloCrO20pvA6IWU/OOm
eaurNRVzkGjSnJ3aOh04MdUTfJHAHMSsQZArKCCrMOAc+vfiusW02gADsPxx+zl1m11G4t
tQS6s5mJd/mLEEsWyuOAN315r2nw5ewaxpMU0VxHM6rtZ1I+fGBux9T07GujDY1yfs5v0O+n
Ttvoc/JalPFcCjOgJyceqsa1J7V1h9un/wCqnzRH/hlogcdUPIzyFPT0PbPocVpPGdgvyIzn
2r1JyejOh0Va5xuvwsIIuBgs3/oNV1s1EwZuf1838k4FdDr8O6GHAHBc/wDjtQTR7IpHChWE
axqR71pCfu051HU46a2aMAOpDbucjpnHfYmpRHL4HavQru1B01Ny8q7Z6dBzXJahb580lQeC
Bx0PY/n/AJNbxTmcqV9Dmrme9fRAP1rlroENz6f1NejapZwozGB38s4VFkHfzQB8xIG3rkce
lcXqVsN+8EYGTj2pzWh5eOpOGpizrUytg5FPZABxUWMHmuSubM8y/MIyjPFNY81KnXmpvK3c
4rPIE5W3OSK1Yh+VarRyDuM1ZjkU8EGuGCR6s7kuDmpIowTkg0+3hedgsSlmJx+Par9tbOpk
WQKDGSGzk7cdc4//AFV3U4XIg/esSWlszLyo14A/Hjiuq0fTxgbwOAD8wx759MYzVa1sRCqi
VY8yISjK4O4BsEEDkZlZ7jkcV2+kWKPpduFCPmQM8ksgwMsQBtHIXnuCQfbiu6IHl1Oz2qgk
zU8P26RrCyOsUnO9kfduB2Hbriupt7AEeszHOQ3OP/1Vg6ZafZ5TtZY1xulGcHJ68f5712Gn
ojDawcj/AHARn1z1rCvPW51KflzRe5ge15v7K0S4uVVXcMI1VWPY5yck+wU/jxXi9t4qe+mM
cFtHEWZnJZshAOd3senYnPFew/Ea9+xCKNvnHb81WHDiTeACewzxn1xXj17BZ28itBeylZG
PyRw+W/B6MemfcHnrXzeNq+0qtPoUpNq6K0s3klwxVm4PztJ1J64I7AZ6cn8eK63wL4bbUI
+23bFo2AZVPUG929+nHpxXJRWo1bxFb6cV8u3AJCr2AGTz39++ea9ftNV0/Qy1kkF7PJCqh4
7S2aTaMZAjHAPsM1x1arilCG5rQoxbdWZ2mj6dbmJY1hiEYHTbXYWlnGLdUEahSBwAOK810D
x74bkuFhnuprKXOMXkLRAH3PQfpXps2p2FlaLc3VyknVjcZG5GMZ4x14+tc7bXxG0ve1izhP
i54bX/hf77WNPzFe6f58ZTuARuX6YOfqK89+Et+ZdYu0ENmkVxbC8e4jkYbmyFyEPyqDyCc
dRiu++IHjvTNV8CeI49FjvJlis2c3XlbY1AYHnJ3YJ4zjq4b4RaSY/DM9/NtD5kt48/wo2x
mU+25d316V14OPvr1Oeb55o9EKxrqCTi0KIASwIPPP59av8AlyOn7qF3HXIU8j+tJo6aJpK2
cuu3Ki/vvmtLJEZ3ZOxwBnn1PA/OupPiK1tiRdRyWalHeNJV8vftGTjPVsc46459a9TE5jTp
S5VrY3belscTrEB2RLJE8bjcSHQjqKr3NuAsa9zz6cAdnH41r+GviZ/bcs0iWM32OMj96wGD
xz+PI/A10cV7oWvzSRI4S6QAPbzRIGAIyCMj1789Kyo5tCTs1YzlTiBnn88O6wY7V5LduvBP
1lr20RXLNGXAJym4r26Aj6/0r07W9GbT7TCTs5DuSk9yOD79veuSv7MF2wODnHtXtYeupK
6KjLmOM1u3kFtJlIFQeWqMfunGSFH4k44rzzU93OO5z0r1LxRbs22M9gR09cEkmpTtTtYcV
3r3o3PPx1L2iOWkllanqA65NOuYCSoyOKdGuBWEo6nzs1yaAkQzVpQijBqLOxenJqAkk8msX
oYNORxyVMmPW0UHO09WoonYgbTkj9+a8ume/M0bC4KI8ayMqOArhVJ3jPAOOvODXZWdxBA6
/wCIWyy+VE/kx2Ykj3KM7G5wcjr/ALXHauRtbOTDh2a4ijM0iEgKqAAG5z7/wAQ0re8XyHE
qMr+W5QIdvzHG08deh9iOa9Cn151CMndHTwpbwSALOKi7EZ2iiZ8FxnG4cA54xjg8Vu6ZLbR

8iZsHqFtCPxya5VJkS2iWKUSS+a+5lJAKAD+E8j5skHJ44ra066mG0BuT0969Gm1JHr4eV1q
d/otxHI24XkkagBRmHtn39zXZWM0eFDXUrMOM/Zz/T+dcP4bE8jgzTrGeAoChjk/XjqVGPU1
2enx3as3nHyyhCOD1BGPTrl7ccYFcelJrYqco83vbEHj+302/wDDLdL8zeYsats2t82eMno
uQD3PpzXzvY2slzq5sLaWWedXceQcEnYtnb3bp0znGTzivpPV7WfUNNkijK7om81WbgbIU4H
1/WvmXWbO4tNXtHsC0c4Auo5Y32upG5gwbPBAUnr1NfO4uDjU9RXj0Ow8IaKlr4wt0uZFa7a
xkdowQfLlVxuUEcEFfmB9OK9ZttJGpxwozyq0biXCvtRip6Oo4Zf9k8Yrxyx1e8udP8AD0q3
cjXGoQXUxac43yxqVG0n/dJr2rQNQiLJNEwaME4Pqv1rw67cZps9mhGMqbiv6uVtW8IQaZpV
xPAWysr3Gz7wAcf6sZ52buQMkg8DjitbwrYvrnhJLS6kMU1tOJMrj5fRfdemR+FV/HniKNdK
SGLlieVPPk4+RM5OB3NHw91TT44Ly4OoKttNfVpfkYuD/dPU89s07uWrJ5FGDXUTxh4Ag/4
V9f6VoqQ29zNLCD2OCn2hXdeOcZ5x0yAOBVzwPoMFrB2unSIBFbDzpAOioo5B9cnGf8AgVbV
1qiTWMKpMsn2iQASiflCowLH167VxWV4wuXsPA19cW5YTareRWSiDyELhCAR053fhXr4e1HD
Os93t+RxSi+e3Uxfih97p9xarpCI19fKJrmeIDKxNnyog3UAGEn/A1xsl94m1Kwex1FJriz
dhlgkw/lsDkEE8gj2PTI5zXfa9AjXVsxVf3kEB6dhHgf1rQs7VBAuFFeYrN3N1D3VdnDWPi+
68N2UFnc6XCumLgPAbZWRx0yxHzFj1yc+p9K7LRqyv9JGtaHAFgtmxNbu242x67kbvEc8r0
GCQBgm6lYQT28kU0SujghgdD6ehrk/hzPJ4d8dXugZ3WeowNszyA3Qfz5pOwSp2V0ezrbp
f2BZSPluB1A87H/ALy+jDv2PUe/D6hYtHO8bAEg4z6471j6F47ubPTLKS6jCxb3DWF6inlG
H+rkHp0l/Cu+1ny7i2jv4sMJExlV6t2I9c16uXYlp8hjyOLPNNbtfPDhVySeD6+9cDrtyWwC
QBkcj/PavVr2AZwpHGQv8q43XbPexJxwD2xX1NCp0YV4Xjdnln/bHP41TeIx/erqdWtsFuMD
NcteMQcFuhwF7njrXROOlz5PGUrSuiB2BOBULA5p2wk4oMRHU1wzWpyKyOUiGJfB0Oea0rRd
86J/ePl/Ws5MbhW7pUAedCyqw3AfnkAZ7k+nr7Vx4eFz1qzHNattUM2SwD5U9iOn/wBarDWv
IRJJu3NtwR7Z49uOlabbwq0pCMWTJI49z09q11CFY7GEnoJMTx0BU9fxr0Y00lc6aEFyXYmn
QoEjaQsPM4XAHOGC89AOTXpEGgQ6bFKkpE12n7iWCvQDuZd2QvbZg/PkrXF6NFMt1phRChdH
ljMgGCBITU56jjFen2MM1y+oasY7iFXGxIJcyNL8ok4z824IRjjBGcVrey0N5Sa22LujQpBc
qXiKGOJcMSD5mOdwx2YYGfTmuvtrYoIpJCHV8MRG2QOeOTyQMvH2UjJLmRVedZDPuAwwYr90
N0wMkEc8V09uifY4DFzGUAYoAxAweOwrjrydzndRXSkTW6IJ1wzy9SwJGHZjOP8+lfp+vab
pkUup63rV09volvcCCOKIAtDLtB8kD+9jC+gG5j1APr3jTxbpfvTlbnVN81xMSbWziOJJyo
5Of4UzgFuueMZr5e8VeIdQ8V6g1zqbIsYLeTbQjDbqxztQflk8knk815OK5ZySXQKUptc31
Ott9U/tnw22sR2sUDpez3lt4RhY4nbBVfYcZ9hWppHiF7W3S2gkEashUN1KYGcgfyFY3gSNo
PDVgcBISaVXBHDKz4IPtit/XfBsiJ52l/Og+ZYT1HsPX6da8Obg5OM+59BDnhCMqfY6628Mr
dRWeopeNfWjJvkWZS7b/AKA4wDXdeGdG0a4tG3QWcyRk/PHA GPbnqMt39a8Q8OelR/R3VIp3
SDOJIycZ7Y+vr3rvv+EykXRru71CUWOIISskhGwkYJKIDyXYAhR+NQ4yTsHtlN3odLYRINN
g+zqDBmWSPdk/Kzkg/kKf48fytN8O2W0H7PcxTONqwDsAf0rl/hr4wtvFuiwzKEt9Rtii3Vm
vGyMttV1HdMYB7huvUGut8QMLj4l6VpTBWjV5tQYnndsiKqv0y5Neljmo4anTictBT53Uk7r
df5HE/FHxJqWj63okVvc29qX0yGV4pIw29sc4zyPpXV+HteFz4P0rXWN8OUIAUrucEcY7dqT
x14Ts/EniCO9uZG8q2iSLyxjDbWY89x1/KtCfQrS28KT6fGqxwuBIIIPPbn16CvOna10dFK9
/ePNZ/H2syTEiXSbeFjhQ8RO7nsTyag0zW3fxppGoXT2koaVUEtqCo5YcEHoeOoOMV1158PL
LUkSWNxHuw+NoYBgMAjPQ4/DPNZkngHTfDUcd6sm9oZRcMnZsNyMDgccY6USty6FWfO10K8W
nedq/ibSZsgXcTOvHRldmVvc8flxXpPgSeW98BKtix8+2JjYdSw64B9DwQfSs77HHcmx8QWg
H2i1PlzntLF1De4wyH6E1p6LBFot7Kkbn+yr9lkhHXyHPyup/wBnkEUqM3TmptEt32M25iRdw
QA4HO0x9Pp0rndUtw2cEZAJP4V014v13Bjfh7psemcen86y76MEHJGSCcf5719lSnsyZzuve
PNNbgClyVypPpXn2rRgFnJC7TwwqT6fTqa9U15VVIP7wl6Z5615X4gJmkLgEnkk5z36/wBK
9HmvA+fxkEZiTHPXmkkZi3WoVG080SNluteM2zy+VX0MGPqorqNNZkTjHlghsYzkgD9P6VzS
DDL+VdNpDIS6sobKFV9ieM/X3rLCo9CbV1c2bFSfmYDJOTx6812VhbW8sun20ceWldTMFUnl
8tvMz3UYxntlc9SKwNNt4zFIJZNnOxG25ViDhsHrckfWtvT5ZrTU9Mnsn8l/tBWRVG5jHtCl
ueMEMTjnmvRn8DsdU2p02oiyywW14Ly4hWSzeSWTZJKXJAbB3D720hgR0Ga7DSNZtQbWR55f
tSKGG9mLxpyOD0xyTz344FQaJLBP88sc1oZ5REYjt2ursJmAwemCMcDr2rE8Z/EBRKK807Q4
5bUWKG2W/jRRJJeBslQSCBGAGBA5P0rlq4iNOHvIjnXLys9A1HUdP0kD+0Z7e0tmA8tpiEZR
nOD3wQM9OtZzfFjw1E8FrBtXGpXsjBNtvEY0Puli7cAADOcdK+cdTvp9Ru3lu7me6lJ5lnc
zE8nOfeoVkMSy7SQxzmJfYNwx9uBj8a8uti3NWSFCKjqafjnxJc+LPFN/q11IwjkcpblmHyo
FP7tAPTGCfck9aybdODkVGF44qxAPlrkRcn1PUvhRaJquh3Wnh1E53vHnuwfd/KvRtMjklf
TcoARIGX0ZTj+leK/DGe4bXrixtJRHeMjXFfWbG9kGWX/vnJ/DfE12motLYGe7iEN4vFxf/t
D+JexGK8XFRtNn0WEmpUYsttpmmyX/25rGA3AXBcqOcdz2zXO+NdMn8T+BPE0SeEUsaz2ibR
/rYTuyvuUDj/AiFiuuFIJdW8aAmKGVQ0kg40087VHrjj2qxMlbdbaCNFjtUYKU68E859Tyc1
MG4+8FTlneHc+UfC+p3enCz1DS53tr+1JMuIdR7EHqp7g9q+lvDmpHX/ABD4U1rbEk81tGX2
Zw6vGQ23uMNwR7A18xWUAt7m6tY2wsU8kY3HHRiBXp3gPxBKNKtMtXSDXdlJ32InO1Xy5YI
c+oaSMj0ZT716leHtlKx41Cr7KbT2PfkjJnvLY8v575P1Of5Vj6jbabdzmKTWpoZjL5m9XYM

j7shQ3TZjI28jBIrQlubbXrP7Za+bBFeQCRoydkqBxgg+hDBIJ7GuTl8L29tCbW3sLnyAD8y
XOcknOSWy2civMaWqZ7tBKavc7C/um063CnBG3gqPXnjHGK898Q6lNeJJEXO912/7oPetztT
OksbD7K93c3EW7KLO+4xD+6Cece3auU8Z6hb6HA5iKNqEwKW6HsxBGT7d6zveVka8qpxbO8+
D8nm+D4fPO+KG6ltlVud0YHQ/gSPoK6OwsWe31fS2/eJG/8Ao7OcYOPI59QeK86+DST2nhfT
7eeZx9oeTUG39o5CApPoNq5+rV6loF7DLc38kjBQZmk+bjEeM5P0xWqknLlPPcXH3jnNUXzm
hdg254lLcdCR0/Qisu92+WccgDOenaug1qNtiSYKt5jTYHQwYwSewAJU/Q/WuY1WQQpjIoc7
BjGSO59h/OvqcBP2lKK7Et83us4jxIpOUDAFKxfvjIzj69K82liJ+WcHn9SO1ej6yV2OcBup
yeuev5459hxXn+t/NuIJx39iQeg9Md692MbRPIzCNonLsASccVC5AYjFXSgJpTEveuKpHU8J
TSOaUYb681s2J2zYHRqxVPA9q07ORl4Fc+Fkk7HfUbWp2unEeWBnke/41qao0cPkhqQvkyB5
ZHI/d4OMrj72Bg47nIFcdY31x5gEMill67l/rXSsm7mm05ZL5FYqu5EjjAyCxJOehIDEnrxjN
ejKXu2R1Qq3idw/iCytPD2uX4t4nmgtmkj+fe0s0kjIhx16sp6dia8av9UT+x7SFbkzeYfOn
t1/1SS4Crip9srnPXk133iK7itPDjXWkXCCCC7mhllic7ppnQh4u3yhQc46ds5rzLxMOM+t3k1
rJcTrSzo3mzxInpGLEk7BwvBHhY/hXhYuT57diJEG7y3jJ+45259M80y7u1gkIaKQISfYH0
pgJks5YzkOF3L+FWpH82zST1ANchpsVUubiVC0VsoXrlm7VetROI0a5RYy6blXoQM8Z/nRax
LCWecBpeqRnkKfVvU+i9M0+aZ5HZnYsxOSx75700uopND0u7nTr621HT38u8tZBJG/uPX19M
d6+itl1K31jTbPVLSP8A0S9jEuzGdh5BQjqMMGHuBmvm/duXBruvhZqc6Jd6XHdmCSD/Aei3
BXCgQn517YwcN9Ca56+HVXU6sNi3QTVro+glbveoTdyo/IVm6szSdwsanJZiAO0a5nTQ1AS
EzzWzk9wrfyqTUbzcb5kpcjn5flA9vUislg9bNmzrDrFHgmqJ5PifXYMhgt9MAfUbj/jU8M/
2wRxbxHqcAxbTE4E64x5TnnpGdrH6ehFPXAY/Futr/0+Snn3OR/OqFww3c967FGyscMpXlc7
rwZ8Vbrw7ObTUo57nSzs4MJystu7HJJeJ05ySp4NfRen6nPPo9jqNpNfC6bewLNbz5CsYsOj
LzhhyCM8EV8dTyM4j3O2ZV5y3O73/wB7H6e9fSn7PWojUfhVJZzkM2l6LDGuPuxyqJF/wDH
t9ceLpLl51ud+CrtSUHsWPEXiSS1WRbUM03I2qucE/7XTH4V5e1vLqOrvdatf0vmPHbsucYR
yd4B9dgK/Q17J4nhCxOLEs5GPIXPvx2zivNTpk9zKLaBohK07TFsnCIqESMW6YAIp14rz6S
PUxMr6F9dT1u71M21t/orPOqxxqNoIBG1R/sBR9MCvSbO8VNJ8uwnluTFokUkuMC6PeNf+me
48nqelcjomnTS2iSNI62as0SXEW2MxAIPljrgg4wMit3TnuLjU9M0zT4vLxIkj4HEcSkc+xJ
wB3PJ4FZ1HrZDgrxuz0C/h/4mekicA2k9sYZCPu71BHT05P5V59qMn2q1MzBiypLeOw9fqfx
r0PxBOlt9kuAwe1tQ0SAdJZmGNo+gBOe1eTyXT2d3PpdxKMM+zPck9DnrjGBivqcmu3Jf1pu
edVTSU47o53XJXihQAJHKG6Fc4JGMn8+lcFrDJtkXfFtYkggEkbc8ewOc89q7rxTGkN1HGsr
RxMzSK5Uj5GOcjuDnjHXIri9a8xTJ9pQLJtOV28o2NuwnvgeHPc19E5aWOXHTjOnzrb/AIBz
IJJpxODQE20nydzXNN6nzOjObTng9a2LFVVSWHVCPxrKCC5rYtWHlgHjpmuPDLXU7q70NPQR
aCQEupJGCcE5xnnHrxXc2Xh+0+0RRgOxPmi2WJ9zbxbjBIPRW/M9BxB6Y/lyZjJGDxXf+FZ5X
lElpLutkIKbMGTPAAXPqWwK9RL3dDow6urmV4vtrfStasZ9DeSaxpMgygxGXLBSg8EBSw7Yw
AORXL3um2Nu0Md9dymZLlomYQt5ctoBIZlZumcgYxnGDXTax591q97HHAZpYV8qVZRubdHlt
oHcmRgP9rpS+MZtV1LS1utaguJLi9kSWDYirE7iMQys5H3VR0RQmAMHnnFfPYnWrJIOVpNHB
zWH2dpFLxyJfCGEOCSrADG5T3U84PAxWbBLJDZyCNdZXHK7h/Dnriut0fSbXUUtOvobyZ4JIH
Vo1j/jZnCj6iNE3Fj24rF1uOCz127jsXkk0zzGW0klI3GMk7c9ucVztFkxUNPukuBtBxJ3X
1qw3U1RgtlpZpNuUYcqynofp6U8TSRkrldEjMzFGQfrQnYppPYnLYNWtK1J9J1e01GMn9y/z
gd4yNjr8QTVLcGGV5B7g0xuQcj65piXme5NcbHysgdSNysONwOCCPwIptxcl4s5rjvB2pfa9
ASBmJmsj5TZPVDyh/mPwFazXDbSCEPrWiV1c55Pldjz/AMXkDxnqmD95lf8ANFJrHn3buATx
nAHYcn8MVoeLHLeK7x8/eWM/+OCuw+HPhnUfEUV3bWNsjWtxEIpr+T5Y7Qhg4LN/FkBsHJO
M1DsjdX0OX8NQ2NxcWkTrPJduzPuSIyhNo+QbACWB5yPp719H/BDw2dCg8RWF5KYdV11QX72
T4IsolZlyxHG8ljlewCireh6HoXws8LK+lru1G4QyTajKAZNqBQWX+7yQAvvzmpfhzqEM2h6
7q8ZxcXd0YBITkiNagQDPbdI7Z7muStO8eU7cPRafOaPiS3udWf7BpkDJbKdoJOMk4+Z27E9
cdeKp+Ftl0bTbKW+1SRZIpZhaWik3DISzED+7nnnjC88CpfiL4g/smxvtP0kHfawOep77ZX
cT3bGfxasibSxr3iSWzF+YbPStKjggmjXcIxJjX9N52kH2ricOQ7VPnOst9R8N6IKZ2nWNi
xjRgCTnp8uf046UsuiNpOqpLBIJbeTDs2cFuvzsf0A/GsuPwja6dNHqdkVvLWCNVs42O1VPG
FcHoS2CD1yeeK72ws7hCj31yZ7gZaU4Cxp8OPQfr1rJUXPRGkqygr30KWvrfZ30uyhupFEOB
OP8AY24wQOpzxXgniXUTqOu6jcwjEMk4YAEDAowAM16P8TheaRfx31jbma1MOEuYhlIGB5Vv
Yk5/SvN/EkCXoTv9NjIspX/pAAx5E3cEeh656Zr6rJqEqKdWXU5K1dRsl1LYabWtH8wRqk9o
8jeYWBBDaHe3uBkY759a4jVifKtomaVX3EOo2dWJO4MTzXR+H7safcqSqvatlrmPbkmljBb3
HANVdf0toL25t5smGKQ7GzgPu53gfQHivUT96x5+Kf7txX9dzhJiAoI4IyPcf5FV2h5rV2H
aAecVE6gN0pTjc+aVXscZG2FvYyOYjj+EVSLDHAqzHhhkda4KMrM9iaTWprWcoGTz0yR0/Cv
UtK0i5ure3S3kM0DTAQ3Ecex5cjbBPohAHpzKZryqyj2R+Yx4zjrXeeHb2W10+Vgx+YoEIY4
Qbj8w7E5+XHY816KbsmiqE+kSnrlk+k6pc3jXM7TDzftMag/uArBVYnuSQxGO/Nat7qFhqu
Sx20l3b2sEM7rDcThwC2GuPmHOXbymUdzms218QTXWmPYwF/IuS4ktUUPJI8ZL7w3J2f3h04
zXP63pkj6jH5E0UVvexRzO8L5hCsMgN6Bdo4OSBXhVHebbDd6k+l65Bo2rQ3dqkkQiLuk9v8

ssyuf9W+cgKVbb+AridamaXUZnC+XubeUHQMeuParpDMCWzu6de44x+IZt4Mzk+w/IWTRrB2
epPpsv78EnqMGprliCcdM1nwExybhV/CyygMSFYZyKEipPUjktjIhltSUK7qDgH6VS+1TKSr
kEjj5hWtbYSeSNX3p1U4xkH1HY+tQXsCyOSRz60uW+w1JbM0fBF8ya2IRwLmNomGeCcbl/Uf
rXZyS/eGa8wtWezvYJ0b5onDgj2Oa9ShhjnvwHcLADubnHB6DPYHOM9AeTWtLYwxFrpoqeEf
BcvjX4hSwyeZHpVvDHcX06HIU24Cr/tMQFH4ntX0SUtdLsdN0PSYI4LfesSwxj5VTIJJPdiM
5J5NYnwgsBZeF9SuhbrGb+/2rKG3edFCmlW9PvFhnoSCa2GQjX7HLAsjlj+RrF6zZ0X5acbd
Tlvi3rMF1a6No8Dq19PO1zMo58q1IAw3YbnQY78GtnwJoU93o3lvIY7F5tqxRqMzFSMjPZe3
qa5L4kaP/Z3jODUVVntNVjRAFGSs8a4MYA5+YYI98ivXvDsP9l6BaRTrtkggUSpnlZHG5snl
y2PbFcco3d2ejGdqfKijr9hoWmsdQ1qWJi+FVJW/dvJuJ4HVzk9Ogqne6/BBplxqGsMun6Ug
HkwhAj3X/ABzt9Ae/XisPxUosNYOrXCLD62zmKyEuGjtYwM71Tpu5P0AFcxaXda1djWNXvg
bCNwq+eTI907HaFVR2JyM8AfrXFUlzuyOulBRjdnoHhjWWnsdOmubSVLTUr6S53Z37FQAgYH
uWcD2BFdvNK0gwT8uc4/qfeqGkWo0/TrezRWSGFdsaNgIFPO0+pGcZqe4kEaMx7CuulDkRx1
ZqbGPFm2jIUqksTL+8hcDDA9eK8W1qCLwn4uvdCuYnbw7qW2a1w2390/RS+kZ3Ajrjaa9K1K
Y/Zpnzhip/CsH4p2AvfB+k3c4Vn026jgDY5xLDtZT7bihx6ivTwNVwqcnSRy1l+0jynmc9o2
ny3luSXkQbRPHnLr/fC/3dtXtVa3mtLO9ClioQVw7HJ25APoBgA/Q+tWNYWbVtFTU1+e4tQl
vcgfKWA5DA9hgnNZGWio04Y+XHELkNHIqkiNcEd+duc/yr3Va+pxTqP2a5uhyczZckcYockf
Wqrsu71pb6aTzSkigFSRgf41ReQlqcpng+y1OVZT1AOKkhOPXNICADznJHFSwqCd3OO+Ogry
4qzPck9C2pMcBLMPn421pWF3CYgk8pVFBKjJwCMkAD3Pf8azpCjxHC7WA4q7a/Z7col5GoDR
IXKDC3TK4zxnOOa64TtoYxdncuTxWMFIBPZymC6hZ0kuVdiGLSHG3A7JkEZ5Bz7V6k6xex3Ej
LZoYLVnLrCOAueOMduP6U27u2MaQ9FBYyqfJlXjOOmagESsM50TzXmSjqaqfVkcD4+U9P5Uy
5t90hdeR3FSvDtG7IqxZQyzGRo43ZI0LswUkBRjcfwyKFHuDm27oyWjK9RQuSMfIXbWfh15E
d7ry4F3IpWU7WDN93A7qcZz0xWde+HzFYRzHMc37xniCE7UVgobd0ILZX6ijkD2qejMC0Oyc
ZPWpbk5NRqu2T6VLKM01EHLUbp1i+o6lbWcZAeeRYwSOBk4z616vrEDQX8VlatEkKxLNGz4k
IVo14L/xA8EDGcMO9ee+HrBprqOQvsJmjRVLbd2T1z2A45r0jV/D6tLO9leSmX7S7qjkZMSR
5aUEHHD13HXbtNXCKRjWneyPV/h/JJH4F0a1mTyXNt5KgeqyyYYfUng9xV2xieTV4hyZ4ycj
6ZBz6D3qzpUa2ul2IiUPJbxRxJg8DCAEj8TWghhUPcKAss3+s5644x9OM/WuJys2ego3SuNu
5ra3VZpRGfKYOsjrkhkZTPQ8/WsVr671R0itFaK2E6PvI+9g8g+xH61NNZNeziW7YmMHKxj
pV6NBGFWNQqr0xxiptFLzK5nJ9kc14igW48UNZQ7pFRvMuZXPzzAkthf7qZOPr1qzaWTwzxx
zKpgCxWwQDoFbdCy9hyzI3vg1q3GIJd6IHfKWEyhgQDgYIOf8cetQ6R5zRTacFeaM3MLhsZ8
iIHJJPf5IGB6c1xexfNc9L6wnDIOx5xyOTVK+OQFz3q2XO0luVU1nTNUYk1uc7GXqEYeF0
J4KkfzrJ+IF9HD8P7iOXcXvNqiaKMn924zj04jFat+4yFH8WR9a5f4p3MVt8PLFLk7JZL4J
H/vLLIXB9Pl/pXRhm/ax9TOpJRi2cR4a1Vv7ZitrlFrdAxtEeVLEHaG9eeKoW2YTqlpcM00
0VtMhBPynDKASPU//XrNaVDCZQykhIZSGxgjnIx0robmSK71CTU4WDNNZ+YF+6fMxgj65GT7
8178U76njuqpXV9zzu6RkcLJncBt/KqrJk9BV68i8tgA+9cnk8En3B6DmqhBzVM4Je7Kxy0M
RMXIY54AHripYX8p8bRggGoxcNEqOqrYxx0IFWUj80IzMQ/ISuf4iO31rz4o9eXmXoY455F
35CkEts5JHp9a0JbY3NvBHF+9cK0pJPUDtTz3wMH6VIQtszjA6cnqK17S8RxKZgolt0VIRj7
2D0I7j1roi0mcUrrVEUmk20Mc0hnWaRZEaEqDtmRh1h7Fec+4xUR02eZbp7e1ne3tUDPIgyE
BIALe3IFdDq2pNHpc9taqwaSUTPIIG5SDkk9erbd04wOaPD6pcadILmNo4rRGbzkkKmR8h1
Vx/GcIQAPX2rncCIUvqzk4NO88OV3sqhmYj0HIwPfbFbelb7jw/fW8c0FmblySSlmKtKHVQy
DsTx064FXtTWO0TEmnXkGqCSJnDNhVjaLOCOvJZGHovHeqen3MEK9yupwwOr27RqACDvAGxg
B/F97BPHPPap5eppz6WZ04iGu2cV+M20UCESzSSfJOyqCkUeeVO3auOx3HNCXeXssF3eRWk0
jW7q8IEmR8jH+7na/wAeetdzf6zZpoN1pk1zDJdmWK2hgWLYxijQqr11ypJyrN3LDFcJp9g9
/fpa/wDLScIFDHaNx6ZJ4A7k+goiiOpkNC8kvyoSW5AA6/T1qaKwkunRYiAp5LNwFGQMn866
2+tpRLT7T7EkahZvMh/jmhczjfp9xHfkKRnoRWy1hAkU0yW1zps6WyXUcaQb43uHlaNV5ysT
BTjPOM54xRfuaX7GdoVnDDq/mytG8iWwhZGiLeUSMEYPt39a3rZ5INVtYraNrgtkbXC5Kbfl
bIzged8au6uk+nXckr3MV01/a/2jPdFhKly7q2ScDKglgoXjJPoareGJLeS+sw+nqbmFdzz
mT/VtGp+UqOvVTnrkZqk/duYNOUrHrVxeJGXhT51j+QH1wev55NWbSRTBC0oHmYzgHp2z+Wa
4aS8kN2FWQYPJ9wea011DYHLviNRknNcbgj0VNs7VZEI6ilSRScDFcjbayJkDD5FY4UHrj1/
Gr8N9yATWTgaxkdN5wiiZhgcGmeGYwLSW4Iw1xKX+qj5R/Imub1TV0jtWjDjzCpIHpXVaPti
02EHhVQDn6CpcbRLjK8i1eyiOIkHk9Kx5brauGIz3pLy986YIT8i8D3rDv7v59oPzGnGmOVT
sLqF8ryu2cJHGx5+ma4z48X8E2o6Fpu/YY/PvmOeMylVAwO42tz9a3dRuvscF1c7RI1vCJAu
eC7OEQH1HJJHoK8v+M+pfBpiOCm2O2i0+1SK3Aw1upj3mJv9rc7H8RXVgor26fYwxTboS8zK
nQpGRvjdfvZWtmImHS7dzh5IoXjUE5G189e2Rg1zMBVotobBzjB7VqzvGNGaIO3knIQsORnk
8emc8171R9TwaKtcwZpw7sQzMAcDd1x70wyrTZ3WR2diCz8nH8v6UxShHI5rmbLmk3c5QsWR
R1JNaKq0UUilSDxk46Y/16VQgKo0bupZVYEQOMitS6uEFuBGztJl2BGNpyMHPfiuOD3PXn0
RXWWVYaoJ74FXNOWRyrJgs5woB57f40y2UJGAF+bIO7kHGG3p9KvKI4xF+7CcZAB6A+9Wk1uc

tSStZI2kvoxbraXUO4qxGc5VBnGcd8du3rS2MqrBIpiLMEIRgsdoJ4UgdiDnn/axUExil86
NREz+SF+9ktjncPpg/hXRaVp8kNo1zHPKhZJMxmEE+VjYZI+obkuDx0wR7DRyp/1049LsLya
dFur2EteLEwnAZobcxqm93PV1YDKD+FeOOaxdT8PR6ZM93DcvcvBdbS4jAU9TE65+8CoJIHI
NJod/c2N0/2uZ1eCZnUOnmB23DKlu/zIn1GRnsd3RL1byS9j1u/a2slV5ebXzIoWkKh3Kj1V
JXaCDjOB3rJaGjbehw+om4ur+a8O0u7s+5UCIjdcAdB7AVci1xrbw1BFDIPNXNs8bQZwu4sH
WQj5ZNzYAH93J44rR8RaqsAT7PawxqkUSSswKtKYzIWZf4W2nacZyOTzTHKQaJBHeTXdlp41
GV5rKGJWZGSLdC5UnJyH254GOeaJM0pruYun6m19qUh1TZcXBuftLLMfLNzKx Ctucfd6ls+1
bdndfZZLiAXE9hNZyeVNI825YoJCY9oXkyEb+SP4Mgc81yF3ZSxa6LKxYXlYsyxIYh5gkc4w
F455OMEVNLYXa/vrndJ5hJaYscGQDc6Fv7wBBPocZ60tDS3c9c1e4tDBYpeIsMt5FC9xJETO
sobPz7R32Ivy8Y7VgaRJB6vcXVurRyGD5o/MEigMwXIPUHIbgjIBxUmj319omh6VPaXdsJL
dprYq0ed4csXIYfx4DbM54OB25wdEzbfatoBDSBU4xgAZOfzFNL3WZXSkdHcX5gulcnIxfgh
Vq51QPHHFklZFyx/z9BXKaheBpdu4FlAJweBn/IpYLGyPGoOT/QUuRNF+0cWdkmphADkZAwK
sQ65KAQccDg1xaXY49qlF50APXipc1VOpN6907Mcl2BC+/t+demX2pNfP8cHRio3H8OleWe
DQLjVId/KxEuffHb9a6/VtSImbOMKMD3xWco3djWEupoyXyxQ8kcVkcCzzElgB1J9qxpL5pn
wW4NLNc+RAwUje/C1Mo2RSndly81yC0t3eVIXBd7o+d9xkiXbGpx2Mz49xXjV1LDqmqi81C9
b7ZqKPeXkk6FFiuSxJAPUrtHHucdq6Hxxqz2cSxW25LrMaIxHMcUL7gxB7tIM9O1efX15593
JMXLPIxZnbqxJyWPbJzW2Hg4LmHWlZKyNWFFlhXzZREzAEK3UkHGKsXU8ygoWI2Ag854B4Bq
npBjlhj8xPPZHOIGeHAGS2fSnXqlM4YMoABIPcf/AK+tdilc4krSKwJL8YGTnHpUjTpng8VV
ubhYI+U/MefpVJ7vccck/SodRR0BUnPUgQZl6gdzVpF+bGDwM9Og9ahK7OnOe1SeYSc5O48E
89PT6VnTdjplqX4rfcKxRcJluuAcCoZjuJC7jhSXOKFKeTgL85Pft9KhaUhwSPIAx+FVOTe
pioq+g21Z47IHTIIPr2rt7DxDexWUsU0LPHpbrawBFHAvyw56hgw4xjPcuNjkUAlRhwrckVr
6d9rujFNArZacBHB4M38PsD0qUm1ZCqJPVo6uLWWtZbyKBbyGyYhZ47qMHLgHcr8ZX5pJNpz
1569L1hqlrDDbGS7topLyzNpMqDzFkXerDcD91eOTyeDWPq95JcWAs76dUlhkuy1qS5be7od
hYD5yWBcZOAVOe2aXg60MfiUSSG1H2ZndjPH50GB/rCy9wqFmx3IAqE3bUnlT1RpeKNcvNQ1
J7a+iSW7SaSSR0jCRY2jIg8tcfDTC5HcAnnNRXWtDUPDU0N9Jd/aPKhimaGJf9IMThEjZ/4Q
ikYbqTwc8GrksB02S2tJLlua9j0WRofLMINvJavJksrL8zK5z8p7Hj0rS09bWPwi+q/alks5L
6RRZLH84Z0+YjGQDtKjBODs9eamxpzJHm+kyXunWt7dxt5TAKGkJw6kMB8v+1z19M11KWwv/
AAzY3LzKZrpzIxkcqkSgbXYDu7FFBwO3fORratoXh5NJDx94xNr9nW+a0G4s5XduOTzuDFd3
G1III71wusalFfNDLJCN2pTKzTKcBgxG1dowq456cHPtQnqN+8dPLdT6jYW9xbpILGzKWTTs
HaDK2X3lMnBYcEgY+Vc81Re6SG1S2EgSVfZKvLIJPB/Z6Vl6SZTBHcXEhS3gZ3iGBImYAE+p
6CluZY724jIZ92QoXGc+woc9bD9jo5dSfzFYhxgDBGfr/wDqq5pMv7yQk8qpP55qrfARotus
ql1w0igfdzz19faoukiVwqk7gAT+Na80djMVObd7E8Vwdjtk/eqUXPPHbms9r1ER9sfB5xi
us0yGKKGNdi7iFaTi6nHv70KSewOMo7mx4Fm8qW8lkONsan8C3/1qu6nqDSyNI2MHgD0Fc7p
N9LNNevIQIPi9qADptOfzweaW5usrhqlxuyIOyNSO5AGc/rVLUL9pBsQnCqS3t/rWRPfeWO
Dz0qgb4rPGQxBBk+46Ae468VMuxpC+5X8V3wutRuXmkDF44TNlvm3hcYX1GMH8a5FVJIUPwM
4PtWr4ijYXrXKAmOf5h7HkEfpWStZuCrEEHcPY9KHLsxvFdUaFpL9jkYlktnarZ2g54+uO9
Nnul2tycbjg9vrVIOjIFILYBLMD09eDwetQXTHccnHbAPGAP8aftLI0VFPVizTI5SeDDTDJ7V
X3DPIzS+Z7Vg53L5LF7zMcNg/SplkRI2yCWPb0rLVmA61IZiRhsmrjUIIdItJO24H06VN5mer
ep+tUYzxkYp5chVJ6Z6etPnuJwLPm73UEgADHrWtaXcFpLAssUkqj76Bwu4dsHsc1hQld4+t
XHiZzuP/AOurpyZiUitmdAbllp2ZGZmVlZiBjOR82M55wSK17F7PT1u7u2u7mWOSUQzW4kEU
klrJnKs/Utu25AGCFJyK4+0wki7tw2t/Dwfw961NUkWcwzfaPtBMYHzD5owpKoh4xnaAcjin
1zWko31Oe3K7HR6LfXN++pxQm7l+0wKGjsYx+1Vt0YZew4JOPTODU2ma1dWDz6Xo4it47yR
VS4uHxFFuyJHIYEDcCBnjG0YrC8OLIZJUF3PbwshYrCMI5BuMfGegbGT2Bq9dy6hDJFfuY4J
Sfs8c8uDtniIMjMc53gkENznPrOnkBS10MXxTdzX17PdahJJqcrbpzgBGY/xYHtjr3zXOOp
GcDrVY6laSus7MzE5LN1JzVVMbYKiSoiFzXuLhmijjBO1EVeOOgA4H15qfQSV28yPyIkL9fX
j+WayPMzGpyc4/1Uun3Zt7vMiExuhDY7qeMgfhXPf2lqdE1eDsTQTNLGZpDI5mMrH1LGnbz6
1UiYRxiPI+XgH1HrTt/0xTSbBt0NPYf2halsYEGJ/X+tdTb3O1iQegB6964uB2MybOoOfpj
uav3N40xKKDtPRR3rop6I4K95SVjoNMvFEeBjI3MR6ZPWOLu7aRiazNORoJJmcYLIEx+Of6U
XEvyng6Ct1pG5ySbclFBLMXbANQSSbiAfvLytVbZ2M58x8buB6KfX6ZIFWJ0KorEYK8H8K5b
3Z6MlyKzINVc3EdoVA3Kjk84x82f61lssbwDzEEe1SqyAE+Y+QefoDWuyBjbvsD4ckqeh4/n
3x7VkvIHLJhwDnoeMn/9VDVzSmyB13IRsC4VOh46dSfTj86q3BDSFlxtJzjPSP5FKRZAY8jd
9Oo/wxVdwNxwMD0znFRI6rkaqSQPzoLY6Yopp61k2MexxTS2aZuJoB5ouOxNHJtINPDrGdmo
M+9OQ4OapMlxLSEDKkZOMjaRWjYTCVIRmKsO/pWShBIIzkc61KxIO5cL7VcJW1MakFLQ6He
ZZHm2qGGEWuBzjr+IWZ4EBTavv8ASsKxvzFwxHixOqysspbcS+4H3rqjNWscNSjJM6GycQlj
maNI5RsYhdzIMj5sdjnoetUZne5MkrOXkYkux6k+tVY3G4kk0oYxgjiwea0MOVozLoEPgVAA
R1rQuDGZgQRyuemMe3/16oXD4PpXPpE53U23oPBGoePepw2YIU5ODkN6etZbOSetWbeUldp7

c1nFpsuUXYtLtZwrcgkc0rxE8x4HtVVH/eVbVyw4xVxSZIK6JY12IQDlj1NSIQp5qCJsMR3N
LKSQD0x1q0ZNNsttcOw4JNR/aCGGQTUSS4dQBwatFGZST6dKeskRpB7EXBIcgBjkY9BVh3IT
B5yMc96iiQHIA/8Ar0kjYIHp+IJR5UOUud2HjpaVfPltwccY+noarSPMs3lvJtG5HZgPvbRw
/wBcHp3q8kHyCWRhGhHccn/61UdQuh9m2wDBT1wcjP8AOpcbK7OinNfDEzL9lZIOQZB94jgN
nkYFVODSkMxJ/OmkY6msWzqQ1hTCOak+tMPONZiFogzXpvd0PSNWsfFNzrGnR35sbYTRB5H
XaQkrkfKR18sD2rzDPFezfAKPf4Z+IJx93Ts/wDkG4/wootKWvn+TM8c5Ki+Xuv/AEpfocgP
FXhrj/ihbD/wNm/xra8a6Po5+GOg+JNL0mLT57+ZwyxyO+0KZFxlleP3YP4mvMUPsvXfE4K/
s6eDiOVA6m/R7mtI1HJNO23ZeRniIezlT5G/i7vaz8x3ja003wbovhq60/QtOmm1OBXla6V5
PuxQscfNgZMjE/TtVHxT4W06+8CWPjLw/BJaW08iw3doW3JExZIJUk5wGUDHPDA8ciuz+Knh
6+8R+GvAUOntZhrbTw7C5uo7fKtb23K72G7GOCzXketYOV6po1n4M0T4f6TqMepySXcQ1C8t
/wDUgtLuYix+9yyjPTCepwLlK7ae1v0Rz0+dxhKN2+Z39Lv8LGPpXguz0vwrF4q8X+elhPg
WOnxHbLeEjKksR8iHGfUqM8ZXNH/AIShUOLTwroEdmOkTxM7Y93JyT78V2/7QEhJ8XaTp+At
na2TyRxcgKTM6cfRYkH4V5TdzNKwWIBVq1HlvYVKpKrFSkt9fTt8zvNK0bT/ABjYXU3hqE2W
s2q75tJeTcky9mhY88njHPOB3FcRjLw+MjPBByPwI7V1PwYIMfxM0FQzbLl3tZQD/A8bAn8C
AfwpxetorH4nelYLVg8UksdxkDHZSxJI3H1Y0/aNiULVHHpa/42a/VMYPComya94r0rThEs
wmnYlzeKYIOXyRyBtBrZ+JXhywtbLStb8PRhdHvlaMBdxUOpOD8xyNwB49UPapdDgPhn4Za
n4klYLqueSNpOlqj5lhHNxMPy2A9Qc+tdH87b/hOvh34h8EiQDU7KP7dpu4/eG700egEnGf
SY117RNNM2nSqRlIGcXounk938tPxPFWXnHpV/QLG41PWRcWso1lubmdlo0bODkgckc4659qi
kgZzlvBpEcj2NdZ8MreTQdI8SeNpk+fSbf7Hp65A33lwNikdiEQsxHHas37up0r3k0tzQ+K
XhHTrXT09d8NQrHYR3MlpOsZYpkOwVxnOMMCh5xwp78+fWhKjJHYmvSfgdfWeoLqngfxCztY
axDI9vIPmMUyrluPcKGH+1GvXNef6zp13oGrX2k6iB9rs5Gikx0bHRhnsRgj1BFbc6cualjj
pwnGLpyd7bPq15+j0Oz8b6Hp+maH4RuLO2EM1/aeZM4cnzD5UTZOdz6fpWR4RsIL7xbolld
xiW3urtYpEJI3Ag8ZGD2r0bx/q2jaV4J+Hr6z4d/th59NURf6a9v5W2CDJG0fNnl69NvHesT
wD4l8NX/Aly0O2sfBKWn5JelsF0dUll8l+zbCAG78VpKor6eX6GMI1HSscn/e/N2G6XoGmt8X
ZtGNmps1RmWAs20EQRv9erHvXMatFHFdaiVVKrXxE0SLnOAsjAD8hXpOIKT+0zeIgC/u5doP
IB+xxn8ea5jW/EvhmPWdUgk8BrcSRXcqSS/2vMu9h12W24wMmn7RXa9TKMJT5bv7MX/n95X8
M6PaXPw48T6pPbh72yLmKXcQU2pGRjnHVjXHEorPPN/q05C9c17BpV9pupfBbXrPo+IDR4kW
SKSL7U9wHbbEd2WGRxxivO/h7pkOreM7c3zH+ydLR9Tv2C7v3EPzkY77iFX8ah1LL+vM2pQl
KUk+/wCFkdRrvhSK88ITG3gjTxHplrBc3scbMSS0ZdkYHjJT5uOhRh3FeS7zIT1BrvvAPjuW
L4pya3qpxZ65cGK8j3LEjt+7PPGIzt7fd3DvWX8WPCo8HeNLuxg+bTps3FkfSNml2E5PKMG
X3wD3rOdTn1NqNkVNuEnfqv1Xye3kHws8LWninxVJa3xc2ttCbKxIcNN86ptz1A+bJxzgdut
dX8NbbRPHGo63BqPhvTre0sITNAsldHAJ2bWlbn16dfymPg5oFxr3jaNoNQn06LT0jeT3MH
+sCBIXaueCWLY54xnIPQ+q/DHxNY+Mffvim8sdDttMJtg7SxMd86l8DzAPlznIAPPJNEJLR
ef8AX3EYpSSm4vVJW8tf1PmpDleaXb7ioxBWsknNYJnp21IBXu/7OMCzeDfinI33otH3D/v1
cV4OOK3vDvizW/Dlnqtr0l+9pb6pD9nvEVEYSx4IxyDj7zDIx1rO76GkoqWjMROi17b4tgVf
2U/AlwCfMbUbhd9A91XiP07Vt3fjWbzwYtEHLm+Z9EspWmt7XYoEbsWJOQNxyXbqT1p6icV
LfoewftFwJH4C+Eso6zaYzt9RBaivF4ZUaPcTsYYwc4Kkcg8Vb1/xZrniKw0qy1q/a7tdKh8
iyRkRfJTCjGQATwi8nJ4rEB5qoya3IdNJWifRvjKOH4q+A9M8TeHB5/iHSEnvRgmXpQNCt8x
kVRyV3hmGM5DsOqkV4bIEBOJEB9zVTRtWvdIvo73TLy4sryPhJoJCjPb17eo6EZrvG+LXiW
b99dx6Hd3xOfkt+IQNMD67tvX8K1hUexjKlFW5dDpvgroEPh9Z/iF4td7HQbGKSKzxxLeTup
TES/xYBYZ6Z+jEcTcG/8ffEOQ2UHl6hrd9iOMZdYAXAGSBYqKMk46Kaydf8AE mreJb8XniHU
57+5GQPlb5U9kUfKo4HCgV0/g34j3Hg3wjqlj4cR7fxBqF4jvfnGrrFbomAFBz8+4t1GMHjm
lqh8sW9hnxalO1vPFA0rSS50Xw/CulWR5PmCP/WS+hLPuOR1AFZ3w38QDwl4x0zWHEhtopDH
cqmdxhkBWTaHOQDuHutaX/C6fiJHhV8SED0Fbjb/ANp0rfGn4i4I/wCEkJHQ/wCg2/T/AL91
PM0rWKcVI1v2i/D8nhr4hXFzZN/xKNXjGoWzxfJb/WDPTO7LYHZlrV8UXvhzwh4b8O+DfEm
k3+p6jYxjU9Rht7oWyLdTgsElGCSyIVGQen1IrCs/jJ4hv8ARNa0nxfM2r2t5akW0iQxxyWt
whDwuNoAKeYqbgewGOhB891nVb/W9VudS1e5e61C6fzJpnABZsY6DgDGAB0A4pLme5VoxWh6
Ba/EPw9pc0dz4d+HulWd7CweG4ur2a5dHU5Dc45zg8YrovjZo9r4j8H+HfiVoMJS1v4BZ6jF
jJhIXKqSeuAVMeTj7qeteKD+6a2rLxZruneGr/w9a6i8eh3rb7izMaMHY45BI3L91ehHSqaa
2IXK3do9P+PFulfhz8HpY/vS6OXb6+Ra1x3wiaN/ib4SjUDnUogfXnNYGpeJtZ12x0mx1jUH
ubTSYfs9jG6IBBGQowCACeEUZOTxUVvqUujala6hpk5h1C2kWaCZAG8twcg4IwfpYKpJ8upM
uXnUUtD6A0ezQftFXduM+WfNQ/8AgFHXi3iuVYPFevKVOP7Suhn2856qweN/Edv4sfXOmqsR
4gclmvfLTJymw/KRtxtAGMVm3WoTXZlkuJDLILLI00jt1Z2OWJ+pJp0207k1YRcbJf8Me1/D2
GOX9nT4jz5OVmYD8Yoc1j6JcaN4T+Fsk2v217dT+LbLhHHZTiJ/sVuw5LEEryEgJHzKevFe
eaZ4nlzT/D+o6JZahJDo2oNuu7UIpEpwB94jcmgDoRVPW9b1PWWsjqt21x9htl7G1BVV8qBM
7U4AzjJ5OSalpt3LjyRWm52w8Y+CrRcWPw5s2ccCS/1OWYn/AICBiu010R/Fz4NXmu21tFb+

JPDE7PNbwn5Xt9oJ2gnIGxQecnMTAda+fW/Hmtrwr4u17wjcXM3hzUZLF7qLyZgER1kTOcFX
BGffGRkjuczLsioxTd5Hq/7MUKJ/wnGpXfyWNro+6WY8BeWYZJ9kY/hT/wBkqBLjWPFsVnA0
pW/8fry678feKLrwwH4dn1eU6MiJF5CoilkQYRGcDcygdAT/AEqj4X8W654Unu5vDuovYy3c
JgmZUVt6Ht8wPfuMH3qPeL5IO+m5giov0oopD1pj3lhXbfDbw5Yelf8AhJf7QWZjYaTNeQ+W
+3DrjBIwjcnpXEjpXV/DfxV/wiHiQX8tqL2zmhe1u7bdt82FxxgHseAfwqV51VVJxahuZ3g2
wh1bxboWnXe4295ewwS7W2nazgHB9cE13cfhTQrAfEi8vLG4vLfw5qEdvBCt0YzseeSPltpy
flXt296PAdn4GTx/oMmn6n4huJpdRhW0tJrGKIRyGUeX5kolbKjltQE4/hzXZx3smh2vxz1
FLWyvfs2sW4e3vYRLDLm6lX51743Z+oBpxdv68jGrzN2j5fn/keO6pqHhq60q4XT9FvdPvwy
NDIb3z0Yc7gwKjHYgiuw8VaZ4V8J32h2F/ok1xb6hp8N5PdFa3E0Qk4zGANvBBOGBz04rk/F
ni5/EVIDbvofh/TfJkaTzNNsRA75UDDEHkcZx+Nep/Fc+GrLXPCNz4rXVryaLw/ZyQ2dqsYi
mjG/aryMdyDcDnCsdvTnmqUrXCULtb21Ob1P4a22iDx3BftLcSaRZwXN1OrbMr13BZcHPHH5
n0rhfA+m2+s+MtE028DNb3V3HDIqttJBYPADpV9K9c8K+L9T8R6Z8V/E9x5K3JsBZlHeJZokU
OVVCrgqWAHcdecVznw18ba3qXxD8OWUy6QI57+KNjFo9pE4DNjKusYZTgnkEH0ok03p/WoQU
1CSb1/4H+Zi2ngibWfDruhaZlTrZabPcGa5uGJW3gjcgsxxieg9z6DJFe51jwtp832fs9A/
tSCM4N7qFzKjzHHLKkZUIOuAdx6c16lZxSzaP8flbB/+Jil5I8+OrQrNKW98YD5+or57B96F
O2wRi5ff5fluegz+G9P8ReHL7X/Ciul204b9Q0mdvNkgQk4ljkAG+PrnIBXack9a0dB8B2+u
+BNK1G1d7e7n1CZbu9lfMEFrGpLOwwAAMLjJGScdxWh+zEsn/Cc6nNlyx6fDpM73ryD5PJ3J
uDZ7d8egNbHhfVb7RfgT4Vu7J1MU/iY2k0EiB454nV98UinhkIUZB+vUA1Smt2ZzjO/LHuv1
OI8H6TOfib4qWelWMF1/YU7OkSSTYlcJETuLAcbmXdgD2FcXfhIbu6ijfJkdFLHJwCQM17j
4e0K30P9rhdI02FILaOedo4IHxyiSzZyFHYAscenHpXnms+Pdch1LUYQuhlFnmX5tDs2z8x6
/uuf89alyLjFuV+ll+p0aeCtI/4Wp4Y8PiK4NhqGnxXEqmc7mZomYkMBxyAcf0rzjTdKvNY1
mDTNLie4vbmfiEHUnJAyT0HGSTgAc19DETS/tMeAXbyvNl0WOQ7Ywq828xPyjgd+B04rySY
ReDPCE0pAbxN4hgfyLeI7tP09ywZjuGBJOAQMZliJORvFOU09v62FThK+r6L9f8AgDfHuj6V
4S8cwWaW0lzpkcVvLNCJzmYffmw+ON3XOO/FdBZ/Dm1vNN1y60xLvVLee0iuNCmhPLlnKtG4
AIMiHCsM8Yzxniz8WNIj1D406Do0wVILyPTLRvL+XCOFXj04OK7i61C+tl/jDbaY8em2fh6G
3i06CzXyltDiTLR7cYdiCS3U568DF88b6mbhPkST10/P+vkeleIdN0az1vTdE06dryaCRYdQ
vopMxTSs4ysII4VASu7+I5OAMU/4kaLZ+H/H+qaRYZgtLcxlVlk3Ebo1Y89+TXU/ESwiOueA
dajgtrefXLCzu7pLeJY0abzFVpNq8AtkEgAc8960fjfv1vRPivr+n2o0oxRGEgzaVbTMd0K
Ny7oWPXuTxxUqWhpyvmWuln+hy58PW18KeDb9V18/VdSltJ3EnDRrIFG0YwDg9fesn4k6Zba
D431fSrFHS1tZQEV33sMopILHrya9E1K7utY8BfCu9vfwmmn1+VcW9tHAv8ArlHCxqFHT0+u
asfEKG38PfeJxV411MwzS29+LbR7XcB598sKEysvUxQ5Vj6uVUnrTIUFcm76vv8Amcf4k8CL
oGmeCo9St54dW1K5aK/jMnQFkYJjHyMFCajNBzmneNPCWjeFJvEFzqMd0Eknls9FsC5R2IA3
XDMRzEhOB13sCM8E1t3b3F54H+DF1czNNc3OsXjtLISzu7Xi7mYnliT3PjrpvGlrL4nl+L9l
q7Lcf8I8yXunTSANJanBLRo3UIwUfL93OTjPNQ5Jr+uwRjOL1d9/z/r5HIY8M2OrfC8+INFW
UajpM3k6rCzFt6N9yZeOB2I9ie2Ti+A9CttV1G7u9Y8xdC0qA3l+yHaWUcLEpPAZ2KqPqT2r
Q+EnieHw14rVdSw2h6ihstQjblTG/G8jvtJ/75LDvW18WNOt/AGnr4F0+5FxcyXBv9UIHB15
FtCcY+7GS5ByN0gI6Ck2aJsu0eWkgk4GBk4HoKaTQaaaRqRinU0UoqCja8HapFoni3Q9WuVk
eGwvoLqRY+WZUKDEDJxnj1Fegw+P/D16vxHtNXj1aGx8VahHdxyW0UbyRIkzyjcrOBnLKODj
rz6+S0o9KYmrnZXZ8AQ6fetZv4nvb5oWS2juIYLeJZDwHdldyQOTtAGSAMjmp/ir4us/GGoa
DcWMNx Eun6Pb6dIJIALPGWJIwTx831rhx1pexoFY7TwV4ss9B8I+M9JuoLmSbW7SKCB4wCqM
jkndkjjB7Z/rWP4F1mHw/wCNNE1m6SR4LG8juHWIAuwVgcDJAz9aw6KbGdrB4/vtH+Jer+K/
D+E+3XVxK1vdIGSaGVyxilUHkHIyM9Rwehp2op4B1e8lvLS81vw+sgMjaebJLYONiSSkUnml
SvQDcoPua4ffFC0DpY9C1LxxY6d4Rn8LeCLS5s7C82nU9Ruio7/AAPuEKdscQJPyAtkdTyw
Zt142tm+Eel+FbeK4TUbPWDqRmIAixtcAAg5zlh2HSuBHWnCiYez2hfid4aPxf0/4g/ZdaS+
Y5vbMRxNHH/oph/dvvBfnb1C8A+uB5FqU63d7d3CKVE0ryAN1AYk4P51WBpWPFUkQeuL8UdK
/wCFteFvFRs78WGlaYljNFtTzWYQyISo3Yxl/UdPwrzXxBn74g1nUNV1Sd7i+vZGklkOTk
9B7ADAA6AAAcCs0HNFC0DzPWtR8feGNY+Jlj4q1GDWo49OSya3ghiiYvJCOQ+XGFyAQRnoQR
zxVt/iXDJbfEw39pcC68W7DbiLaywbWf5XJi4AcDIHOO1eYrUg6ZNFwZv8AVPGmk6t4X8LR
30OoR694dhW2h8qNDb3Eayoy7mLBIIQN0U5OOgrK+Knie28Y+P8AV9fsYp4ba8MWxJwA42RI
nIBI/h9TXKE880zPvTSpc79PHFkvHwNpP2a6NxoGqSX07YXZlJShwE5znr1AH9Knx8bP4
78Z3Oqxm4TT1RYrOCYKrRRgZOQpIyXLMtknn2FcVmk3cUrDO+bxvZf8ACLFdVTPs915/hq9m
urhsLtkV51kAQ5yTgc5xW5b/ABQ0tvGHj+5u7S//ALD8V27wMI0U3EJ2kK+3cFONzcZ9OfXy
MmkLURdte6Xw5f8Ah7S/G9vf31vfX+g2kxmS3kSMS3G0ExrIMiQpYLUa3fLkDNY+t6tea5q9
5qmQGa9vJWnm8bmY549B2A6AAAVQopeZQGmHOacetNNDBEYpaKKksKUUUUALS0UVSEFFFF
ACiiimSFOFFFJAxlLRRVEgKXvRRSEOWnnoKKKpEvcY3WmjqaKKQxD1pGooo6Fib2pD1oopD
EooooGlaKKKBo//Z

